

ВЕСТИКИ

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2025
Т. 22, № 2

ISSN 1991-9751 (Print)
ISSN 2413-0532 (Online)

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является публикация материалов новейших исследований в области лингвистики известных ученых России, Уральского региона, ближнего и дальнего зарубежья. Публикация этих материалов решает следующие задачи: ознакомление читателей журнала с достижениями в области лингвистики; обмен знаниями в области лингвистики ведущими специалистами; представление информации о важнейших событиях (конгрессах, конференциях, публикациях монографий, лекционных курсов и учебных пособий) из научной лингвистической жизни; публикация материалов исследований молодых специалистов и т. д.

Редакционная коллегия

Турбина О.А., доктор филол. наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (главный редактор);

Хомутова Т.Н., доктор филол. наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет;

Харченко Е.В., доктор филол. наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет;

Солопова О.А., доктор филол. наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет;

Бабина О.И., кандидат филол. наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет;

Бабенко Л.Г., доктор филол. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

Чудинов А.П., доктор филол. наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург);

Викулова Л.Г., доктор филол. наук, профессор, Московский городской педагогический университет (г. Москва);

Матушак А.Ф., доктор пед. наук, профессор, Щецинская Высшая Школа Collegium Balticum (г. Щецин, Польша);

Парзулова М.Х., доктор филол. наук, профессор, университет «Проф. д-р Асен Златаров» (г. Бургас, Болгария);

Франка Поппи, профессор, Университет Модены и Реджо-Эмилии (г. Модена, Италия);

Синтия Эйд, профессор, Университет Валансьена (г. Валансьен, Франция);

Жеребятьева Е.С., Южно-Уральский государственный университет (*ответственный секретарь*)

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY
SERIES

2025

Vol. 22, no. 2

“LINGUISTICS”

ISSN 1991-9751 (Print)
ISSN 2413-0532 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Lingvistika”

South Ural State University

Series “Linguistics” of the South Ural State University Bulletin was founded in 2004. Nowadays it is published four times a year. Series “Linguistics” seeks to provide a platform for publishing new studies of scholars (Russian Federation, Ural region, foreign countries, CIS). Series “Linguistics” aims at keeping our audience informed of advances in the field; exchanging new scientific ideas; informing our audience of important events (congresses, conferences, books, textbooks publishing) in the field of linguistics; publishing results of young scholars’ researches, etc.

We invite articles that have common purposes and goals with the Bulletin of the South Ural State University, Series “Linguistics”.

Editorial board

Olga A. Turbina, Dr. Sci. (Ling.), Prof., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation (*editor-in-chief*);

Tamara N. Khomutova, Dr. Sci. (Ling.), Prof., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation;

Elena V. Kharchenko, Dr. Sci. (Ling.), Prof., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation;

Olga A. Solopova, Dr. Sci. (Ling.), Prof., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation;

Olga I. Babina, Cand. Sci. (Ling.), Ass. Prof., South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation;

Ludmila G. Babenko, Dr. Sci. (Ling.), Prof., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation;

Anatoliy P. Chudinov, Dr. Sci. (Ling.), Prof., Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation;

Larisa G. Vikulova, Dr. Sci. (Ling.), Prof., Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation;

Alla F. Matushak, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Szczecin Higher School Collegium Balticum, Szczecin, Poland;

Mariana Parzulova, Dr. Sci. (Ling.), Prof., Prof. Assen Zlatarov University, Bourgas, Bulgaria;

Franca Poppi, Prof., University of Modena and Reggio Emilia, Italy;

Cynthia Eid, Prof., Université de Valenciennes, France;

Ekaterina S. Zhrebiateva, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation (*executive secretary*)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
КОБОЗЕВА И.М. Служебные слова: проблемные области вчера, сегодня и завтра	6
БОРИСОВА Е.Г. Служебные слова в русской языковой системе: функции и семантика частиц, союзов, вводных слов	18
БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Н.В. Форма <i>хорош</i> в рамках речевого акта директива	29
ИНЬКОВА О.Ю. Понимание и употребление коннекторов в иностранном языке	36
КУСТОВА Г.И. Авторизационные и манипулятивные вводные конструкции	45
ОВСЕЙЧИК Ю.В. Концептуальное моделирование сочинительных отношений	53
УРЫСОН Е.В. Союзы естественного языка и логические связки: дискурсивная функция союза <i>но</i>	63
ШКЛЯРУК Е.Я. Маркеры-ксенопоказатели в русской устной речи: дискуссионный статус единиц	70

CONTENTS

Editorial Board's Foreword	5
KOBOZEEVA I.M. Functional words: problem areas yesterday, today and tomorrow	6
BORISOVA E.G. Functional words in Russian language system: functions and semantics of particles, conjunctions and adverbials	18
BOGDANOVA-BEGLARIAN N.V. Form <i>kxorosh</i> within the directive speech act	29
INKOVA O.Yu. Understanding and producing connectives in a second language	36
KUSTOVA G.I. Authorization and manipulative parenthetical constructions	45
AUSEICHYK Yu.V. Conceptual modeling of coordination relations	53
URYSON E.V. Natural language conjunctions and logical operators: discursive function of the Russian conjunction no ‘but’	63
SHKLYARUK E.Ya. Xeno-markers in the Russian oral speech: debated status of the units	70

От редакционной коллегии Editorial Board's Foreword

К 300-летию Российской академии наук 9–13 декабря 2024 г. по распоряжению и при финансировании Правительства Российской Федерации в Москве прошел **Первый Евразийский Конгресс лингвистов**, собравший около пятисот участников со всех континентов, в числе которых были известные ученые из Европы, США, Канады, Южной Америки, Индии, Китая и, конечно, из России. Организаторы этого знакового в международном масштабе события – Министерство науки и высшего образования РФ, Институт языкоznания Российской академии наук, Московский государственный лингвистический университет и Ассоциация преподавателей и исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики¹.

Конгресс прошел на нескольких площадках, где после ежедневных пленарных заседаний велись работы восемнадцати секций, двадцати трех круглых столов и двух очных стеновых секций².

В настоящее время опубликован сборник кратких тезисов заслушанных на Конгрессе выступлений³. Полные тексты докладов и статьи по их содержанию по предложению председателя программного комитета Конгресса директора Института языкоznания Российской академии наук А.А. Кибрика будут опубликованы в российских печатных изданиях и в периодических журналах по лингвистике. В частности, организатор и руководитель работы круглого стола **«Управление пониманием сообщения: частицы, союзы, вводные слова, междометия»** профессор Московского государственного университета И.М. Кобозева откликнулась на предложение опубликовать материалы проведенного ею мероприятия Конгресса в журнале «Вестник Южно-Уральского государственного университета». Серия «Лингвистика», и том 22 № 2 за 2025 год полностью посвящен публикации данных материалов.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность профессору Андрею Александровичу Кибрику за доверие к журналу и профессору Ирине Михайловне Кобозевой за работу с авторами, организацию сбора материалов и подготовку их к печати.

*Главный редактор
О.А. Турбина*

¹ Сайт Конгресса: <https://eacling.org/>

² Программа Конгресса: <https://eacling.org/plenarnye-dokladchiki/>

³ Сборник тезисов: <https://eacling.org/wp-content/uploads/2025/04/tezisy-v19.pdf>

Научная статья
УДК 81-22
DOI: 10.14529/ling250201

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА: ПРОБЛЕМНЫЕ ОБЛАСТИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

I.M. Кобозева, kobozeva@philol.msu.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка по необходимости кратко очертить путь развития идей и методов изучения служебных слов (СС) в отечественной лингвистике от «Российской грамматики» М.В. Ломоносова до настоящего времени. Во Введении свойства служебных слов (СС), приведшие к выделению этих лексических единиц в особую категорию, описаны в увязке их с многочисленными синонимами термина, обозначающего эту категорию, и подчеркнут полевой характер категории. В основной части описаны три этапа в изучении СС. На первом этапе СС рассматривались прежде всего в контексте проблемы частей речи. На втором этапе, когда появились формальные модели языка, в фокусе внимания оказалась семантика конкретных СС и в аппарат их описания вошло понятие синтаксической и семантической сфер действия. На третьем этапе благодаря созданию Национального корпуса русского языка началась работа по созданию многоаспектных электронных ресурсов (словарей и баз данных). В них, с одной стороны, собирается выверенная информация о структуре, семантических и синтаксических свойствах СС разных типов в русском языке, полученная на предшествующих этапах, а с другой стороны, на их основе ведутся дальнейшие исследования, направленные на решение разнообразных теоретических и прикладных проблем и заполнение лакун в описании СС.

Ключевые слова: части речи, служебные слова, предлоги, союзы, частицы, вводные слова, история грамматических учений, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

Для цитирования: Кобозева И.М. Служебные слова: проблемные области вчера, сегодня и завтра // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 6–17. DOI: 10.14529/ling250201

Original article
DOI: 10.14529/ling250201

FUNCTIONAL WORDS: PROBLEM AREAS YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

I.M. Kobozeva, kobozeva@philol.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents an attempt to briefly outline the history of ideas and methods in functional words' (FWs) studies in Russian linguistics from Lomonosov's "Russian Grammar" up to now. In the Introduction the properties of FWs that led to their singling out into a special category are described in connection with their numerous synonyms. At the same time, we emphasize the fuzziness of this category. In the main body of the article, we characterize three stages in the history of FWs' study. At the first stage, FWs were considered, first of all, in the context of the problem of parts of speech. At the second stage, when formal models of language appeared, the semantics of specific FWs became the focus of attention, and the concept of their syntactic and semantic scope entered the framework of their description. At the third stage, thanks to the creation of the Russian National Corpus, work began on the creation of multidimensional electronic resources (dictionaries and databases) of different types of Russian FWs. In them, on the one hand, the verified information on the structure, semantic and syntactic properties of FWs, obtained at the previous stages, is collected, and on the other hand, on their basis, further research is being conducted to address a variety of theoretical and applied problems and to fill the gaps in the description of FWs.

Keywords: parts of speech, functional words, prepositions, conjunctions, particles, history of grammatical studies, Russian

Acknowledgments. This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation, project "The connection of propositional units in a sentence and in a test: semantics and modes of grammaticalization" (№ 22-18-00528)

For citation: Kobozeva I.M. Functional words: problem areas yesterday, today and tomorrow. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):6–17. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250201

Введение

Грамматический и одновременно лексикологический термин *служебные слова* (functional words в англоязычной литературе) обозначает особую категорию лексических единиц языка и широко используется в лингвистике, не имея при этом общепринятого строгого определения, опираясь на которое можно было бы во всех случаях однозначно решить вопрос об отнесенности слова в том или ином языке к данной категории. Косвенно об этом свидетельствует обилие синонимов этого термина. Так, в словаре О.С. Ахмановой [3] приведено более десяти синонимов, именующих слова данного типа *грамматическими, зависимыми, неполнозначными, несамостоятельными, пустыми, синкатегориатическими, синсемантическими, формальными, частичными* и т. д. В более близкое к нам время к этому синонимическому ряду добавился термин *структурные слова* [34]. И такая ситуация характерна не только для русской лингвистической терминологии. Из словаря [4] для *functional word* можно извлечь такие синонимы, как *syntactic word, syncategoretic word, synsemantic word, connecting word, empty word*, а по словарю [3] добавить к ним *connecting word*.

Своей внутренней формой многочисленные синонимы термина СС отсылают к параметрам, по совокупности которых категория СС противопоставлена словам других категорий. Общим местом когнитивного подхода к языку стало признание того факта, что все традиционные лингвистические категории не являются категориями в том строгом понимании, которое присуще Аристотелевской логике. Так и категория СС представляет собой нечеткое множество с размытыми границами. Иначе говоря, она имеет полевую структуру, в центре или ядре которой сосредоточены прототипические члены категории, обладающие максимальным набором типичных для нее свойств, а на периферии – те, у которых одно или более из таких свойств могут отсутствовать.

СС противопоставляются прочим словам языка по следующим параметрам. Во-первых, это параметр открытости / закрытости класса. Прототипические СС, к которым относятся первообразные предлоги, союзы и частицы, образуют закрытые классы¹, т. е. классы небольшого объема, не пополняемые новыми элементами². Закрытость клас-

са является отличительной формальной чертой грамматических единиц языка в отличие от лексических, на что в русской грамматической школе еще в XIX в. указывал Ф.И. Буслаев [11, с. 288]. Эту характеристику СС отражают такие синонимы, как *формальные слова и грамматические слова*. Во-вторых, прототипические СС отличаются от прочих лексических классов по синтаксическим параметрам: они не способны быть членами предложения и выступать в качестве независимого предложения, полного или неполного (например, ответа на вопрос)³. Этую характеристику СС выделяют такие синонимы, как *несамостоятельные, или зависимые слова*. Третий параметр – семантический. СС выражают информацию, относящуюся к сфере грамматической семантики, то есть к таким областям, которые в тех или иных языках мира кодируются показателями категорий, являющихся грамматическими в понимании Ф. Боаса – Р.О. Якобсона [51], то есть обладающие свойствами обязательности и регулярности. Характеризуя на основе типологических разысканий вклад лексических и грамматических средств языка в семантическую презентацию⁴ (СП) предложения, Л. Талми писал, что лексическая часть предложения кодирует в основном содержание (content), или сущность (substance) СП, а грамматическая – в основном ее структуру [56, с. 16]. СС не участвуют в выражении сущностного, субстанциального содержания, что, собственно, и дает основание для именования их *пустыми* (empty) или *незнаменательными словами*. Они кодируют структуру субстанции содержания, что непосредственно отражает такой синоним СС, как *структурные слова*. А структура создается прежде всего отношениями. И действительно, СС выражают разного рода отношения: пространственные, временные ролевые отношения внутри ситуации (предлоги), временные и логические отношения между ситуациями (союзы, предлоги), отношения содержания к действительности и отношения говорящего к содержанию (объективно- и субъективно-модальные частицы). Наконец, четвертый параметр – просодический, на который применительно к русскому языку указал Л.В. Щерба еще в 1928 г.: СС не могут нести фразовое ударение, кроме случая выделения слов по контрасту [49, с. 82]).

Итак, ядро категории СС – это закрытый класс фразово-бездарных слов, не способных к незави-

¹ Закрытый класс образуют и первообразные междометия, отличающиеся от СС по другим параметрам.

² Периферия класса СС однако постоянно разрастается в процессе грамматикализации лексических единиц. Небольшое ядро первообразных СС окружает многочисленные производные предлоги, союзы и частицы. Так, в ходе реализации межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [14] был получен реестр, содержащий 3000 «предлогов и предложных единиц» [13, с. 87–88]. Список союзов, включающий периферийные члены класса, называемые «аналогами союзов» или

«союзовыми соединениями», в [46] насчитывает более 600 единиц.

³ Известные исключения типа ответов *Без* на вопрос *Вам чай с сахаром или без?* или реплик типа *И?*, имеющих целью побудить адресата развить свою мысль, оговорок типа *Хотя...* и т. п. явлений, характерных для устного дискурса, говорят только о том, что и сама прототипичность не абсолютна, а градуальна.

⁴ Будучи когнитивистом, Л. Талми называет план содержания предложения «когнитивной презентацией» [56].

сimumу употреблению и наряду с собственно грамматическими средствами служащих для выражения разного рода отношений, создающих структуру семантической презентации предложения. Периферия категории СС – это слова с теми же семантическими характеристиками, пополняющие ядро СС в процессе грамматикализации знаменательных слов и словосочетаний СС друг с другом и со знаменательными словами.

Цель данной статьи – очертить путь развития исследований, посвященных СС, рассмотреть их современное состояние в отечественной науке о русском языке и выделить актуальные проблемы, которые привлекают особое внимание в настоящее время. При этом мы не претендуем на исчерпывающий охват проблематики и не настаиваем на предлагаемой трактовке изменений в приоритетах.

Этапы развития исследований, посвященных служебной лексике

Предельно упрощая, в истории изучения СС в рамках отечественной лингвистической традиции можно условно выделить три не равных по объему этапа.

Первый этап

На первом этапе, вмещающем развитие грамматических учений от XVIII до середины XX в., СС рассматривались прежде всего в контексте проблемы частей речи. В результате в русском языке были выделены три общепринятые служебные части речи: предлоги, союзы, частицы. При этом из трех *principium divisionis*, используемых при выделении частей речи – морфологического, синтаксического и семантического (на просодический долгое время не обращали внимания) – в силу неизменяемости прототипических СС оставалось опираться на их синтаксические и семантические свойства.

Использование семантических и синтаксических характеристик при определении частей речи в отечественных грамматиках русского языка началось не позднее второй половины XVIII в., что можно наблюдать в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, где описаны две служебные части речи – предлоги и союзы. Предлоги семантически характеризуются как служащие “для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих” [32, с. 24], а единой синтаксической характеристики не имеют, так как по синтаксическим свойствам разделяются на три нерядоположные субкатегории (предлоги, не совпадающие с наречиями; предлоги, способные выступать как наречия; приставки) в зависимости от того, с чем и как они соединяются [32, с. 181–183]. Союзы “попыткий соответствие между собою показывают”, напр., союзы *хоть* и *да* (*Хоть вижу, да не разумью*) “показывают взаимность видения и разумения” [32, с. 24]. Субкатегоризация союзов на основе их линейной позиции в сложном предложении дает их разделение на “предыдущие” (напр.,

ежели, хотя) и “последующие” (напр., *то, но*), что в настоящее время трактуется как позиции союза и его коррелята, образующих “двуместные союзы” [45]. А семантическая субкатегоризация во многом совпадает с современной [32, с. 183].

Развитие синтаксической науки в дальнейшем привело к существенному уточнению определений как самих служебных частей речи, так и их синтаксических и семантических субкатегорий. Однако неформализованность лингвистических теорий имела своим следствием нестрогость оснований классификации СС, из-за чего категориальная принадлежность многих СС остается спорной по сей день. Ср. нерешенность вопроса о том, является ли *кроме* предлогом или союзом, является ли *ведь* союзом или частицей и т. п.

Уже в первой половине XX в. В.В. Виноградов ввел в репертуар лексико-грамматических категорий русского языка категорию вводных (модальных) слов (ВС) [12], которая на основе традиционных синтаксических критериев, а также семантического и просодического критериев вполне может быть отнесена к служебным частям речи: ВС синтаксически не самостоятельны, не являются членами предложения, выражают либо отношение говорящего к высказыванию (как модальные частицы), либо отношения между высказываниями или их частями (как союзы) и не могут нести фразовое ударение. Эта категория также не имеет четких границ.

Следует отметить, что такие выдающиеся грамматисты первой половины XX в., как А.М. Пешковский и Л.В. Щерба отвергали классификационный подход к проблеме частей речи, выдвигая на первый план существование в языке категорий слов, обладающих специфическим сочетанием семантических и формальных (морфологических, синтаксических и прочих наблюдаемых свойств, напр., просодических). Они допускали не только существование слов, которые можно отнести к более чем одной части речи, но и слов, не относящихся ни к одной из них, ср. “... нас не должно тревожить, если некоторые полные (= знаменательные – Прим. И.К.) слова не окажутся никакими частями речи” [37, с. 135]; “... нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, – значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. ... Разные усиительные слова вроде *даже*, *ведь*, *и* (=“*даже*”), слова отчасти союзного характера вроде *итак*, значит и т. п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да*, *нет*” (Цит. по [48, с. 81]). В этой связи нельзя не упомянуть о категории “строевых слов”, выделенной Л.В. Щербой в 40-е гг. XX в. (см. [50] – переиздание сборника его статей, вышедшего в 1948 г.), к которой относятся слова, знаменательные в своем прямом номинативном значении, но хотя бы в одном из своих употреблений выполняющие функцию служебных. Иначе говоря, это лексико-семантические варианты (ЛСВ) полнозначных

слов, имеющие грамматическое значение (в смысле отображения не субстанции, а структуры высказывания). Строевые слова также можно считать периферией служебной лексики, поскольку синтаксически они ведут себя иначе, чем прототипические СС.

Что касается семантики СС русского языка, то она не была на рассматриваемом этапе предметом детального исследования, хотя начиная с первого толкового словаря русского языка [40] значение служебных слов приходилось так или иначе “толковать”. Не имея возможности в рамках данной статьи углубляться в анализ конкретных способов описания значения СС в толковых словарях и грамматиках первого этапа, мы можем обобщенно охарактеризовать их как попытки обобщенно обозначить семантическое отношение, выражаемое СС, или функцию, им выполняемую в терминах “условия”, “причины”, “ограничения”, “усиления”, “выделения” и т. п.

Проблема частей речи была на первом этапе изучения служебных слов, разумеется, не единственной. Появление в XIX в. сравнительно-исторического метода поставило на научную основу вопрос о происхождении СС, и было показано, что многие СС происходят из знаменательных слов и в процессе исторического развития языка могут стать грамматическими морфемами, показателями грамматических значений. Смена научной парадигмы в начале XX в., победное шествие структурализма оттеснило поиск закономерностей формирования СС и их дальнейшей судьбы на второй план. Однако такие исследования велись, см., напр., монографию Б.В. Лаврова [31], в которой на основе анализа памятников письменности XII–XVII вв. были выявлены закономерности и способы образования условных и уступительных союзов.

Второй этап

Второй этап в исследовании служебной лексики связан, с одной стороны, с появлением формальных теорий языка, а с другой – с так называемым коммуникативно-прагматическим поворотом, а также становлением лингвистики текста и дискурсивного анализа. Формализация описания языка с применением методов и инструментов формальной логики на Западе началась с конца 50-х гг. XX в., с появления первого варианта теории порождающих грамматик Н. Хомского [52], а в отечественной лингвистике – с конца 60-х, с появления теории моделей “Смысл Текст” (МСТ), в полном ее виде впервые представленной с монографии И.А. Мельчука [33]. Исследования в области лингвистической прагматики и анализа дискурса начались десятилетием позже: на Западе с конца 60-х, в СССР – с конца 70-х.

Приход в лингвистику формальных методов коснулся всех разделов лингвистики, в том числе синтаксиса и семантики. Для построения инте-

гральной формальной модели языка требовались строгие определения всех используемых в ней понятий. Формализация синтаксических структур позволяла ввести строгие синтаксические критерии, столь необходимые для уточнения определений служебных частей речи и для решения задачи, поставленной В.А. Белошапковой в известном вузовском учебнике по русскому языку: «Каждый из классов незнаменательных слов (кроме связки) включает достаточно обширный круг слов, которые существенно разнятся по синтаксическим свойствам. Конкретное описание значения и синтаксического «поведения» всех незнаменательных слов еще не сделано. Для его создания требуется кропотливая работа по изучению условий употребления каждого незнаменательного слова, его соотношения с другими близкими по функции словами» [5, с. 656].

Учет в синтаксической структуре предложения не только отношений зависимости, но и членения ее на составляющие, введение в формальный аппарат лингвистики понятий валентности и сферы действия (scope) лексических единиц в их синтаксическом и семантическом понимании, представление семантической структуры предложения на семантическом метаязыке, включающем базовые понятия формальной логики (терм, предикат, пропозиция) – все это позволяло более адекватно моделировать синтаксическое поведение СС во взаимосвязи с семантикой.

То, как формальное описание СС может преобразовать грамматическую классификацию СС, показали Г.Е. Крейдлин и А.К. Поливанова в своей статье 1987 г. [29]. Если, как они предложили, представлять СС как операторы, то существенное различие между ними будет состоять в том, какое требование предъявляет оператор к сорту (в логическом смысле) своих operand (= сфер действия – Прим. И.К.), причем релевантными являются два сорта – термы и пропозиции. При таком подходе служебные слова разделяются на два класса – те, которые требуют односортности своих operand (например, соединительные союзы), и те, operandы которых непременно разносортны (напр., *даже*, *только* и т. п.), – и это деление – «едва ли не самое важное, определяющее всю систему служебных слов» [29, с. 107]. Отметим, что данное суждение и приведенные примеры показывают, что в качестве элементов системы СС при таком подходе должны выступать не слова, а их варианты, различающиеся по синтаксическим и семантическим свойствам. Так, *только* как ограничительная частица требует разносортности operand, а *только* как противительный или таксисный союз – их односортности.

Ясно одно: если помимо собственно синтаксических и семантических учитывать семантико-синтаксические, и коммуникативно-просодический параметры СС, то мы получим гораздо более разветвленную их классификацию, подобную фунда-

ментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна, включавшую на момент ее публикации 15 классов [2].

Заметим, что до сих пор собственно синтаксису, то есть поверхностному синтаксису СС, уделялось существенно меньше внимания, чем их значению. Сдвиг в этом направлении намечается на третьем этапе развития исследований. Однако на втором этапе был сделан важный шаг в области синтаксической семантики СС. Мы имеем в виду прежде всего формальное описание взаимодействия синтаксиса и семантики отрицания, выражаемого отрицательными частицами *не* и *ни* в работах Е.В. Падучевой [35] и И.М. Богуславского [8], а также разработку важного для описания СС понятия “сфера действия”, рабочие возможности которого были продемонстрированы И.М. Богуславским на примере семантики частиц *только* и *даже* [9].

При всем том на втором этапе изучения СС в центре внимания оказались не столько правила взаимодействия (композиции) значения СС со значением слов, входящих в его сферу действия, а собственно значение конкретных СС, то есть тот вклад, который данное СС вносит в семантику предложения.

Формализация семантики, то есть разработка специальных формализованных языков для унифицированного представления значений лексических и грамматических единиц языка, необходимого для создания интегральных формальных моделей языка и применения их в решении прикладных задач, предполагающих автоматический семантический анализ текста, произвела кардинальное изменение в подходе к описанию значений СС. Первый опыт формального описания служебной лексики, основанного на принципах описания означаемых в Московской семантической школе (МСШ), был предпринят Г.Е. Крейдлиным в его кандидатской диссертации 1979 г. [28]. В этой работе было убедительно доказано, что установить значение СС можно лишь одновременно с семантической интерпретацией их синтаксических связей, и представлены два возможных подхода к решению этой задачи – семантический и синтаксический. На основе семантического подхода им была описана семантика союза *а*, частицы *даже* и ряда производных предлогов: *включая*, *исключая* и др., на основе синтаксического (трансформационного) – строевые соотносительные слова-классификаторы в сложных предложениях: *факт* и *утверждение*.

Впоследствии в работах Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресян, А.Н. Баранова, Е.Г. Борисовой, Л.Л. Иомдина, И.М. Кобозевой, И.Б. Левонтиной, А.Н. Латышевой, Е.В. Падучевой, А.К. Поливановой, В.З. Санникова, Е.В. Урысон и др. появились формализованные описания значения разнообразных СС русского языка, основанные на тех же принципах.

Обращение к прагматике языковых единиц и выражений, к моделированию коммуникативных актов не могло не вызвать всплеска интереса

к частицам, поскольку так называемые модальные частицы выражали именно прагматические аспекты смысла высказывания. Частицам было посвящено большинство исследований русской служебной лексики в 80-е гг. ХХ в., проблематика и методы которых нашли отражение в нашем обзоре [23]. Многие из них были выполнены в русле МСШ. Но были представлены и иные теоретические подходы. В кандидатской диссертации П.Б. Паршина [36] был успешно применен процедурный подход к описанию плана содержания выделительных частиц, французские русисты строили свои семантические описания на базе теории “Лингвистика высказывания” А. Кюльоли (см., напр., [53]), немецкие русисты начали применять к частицам аппарат “формальной семантики” (см., напр., [57]), основанной на логической теоретико-модельной семантике Р. Монтэгю (“Грамматике Монтэгю”). Естественно, что появились и описания означаемого частиц, основанные на прагматических теориях, см., напр., книгу австрийского русиста Р. Ратмайр [54].

В рассматриваемый период, характеризующийся стремлением не ограничиваться описанием и классификацией фактов языка, но переходить к их объяснению и получению значимых обобщений, рамки традиционных лексико-грамматических категорий служебных слов оказываются тесными, возникает потребность в категоризации служебной лексики по ее функциям. Так, разрабатывая теорию сложного предложения в типологической перспективе, М.И. Черемисина в монографии 1987 г. [43] вводит понятие *скрепы* для обозначения всех типов служебных слов, формирующих сложное предложение. Обращение лингвистов к анализу смысловой структуры текста/дискурса не могло не повлечь за собой изучения языковых средств, предназначенных (помимо прочего) для экспликации этой структуры. Такими средствами оказались не только союзы, но и частицы, и вводные слова и конструкции со строевыми словами типа *дело в том, что..., в этой связи* и т. п. Общность текстовой функции таких слов и конструкций послужила достаточным основанием для объединения их А.Ф. Прияткиной в категорию (*текстовых*) *скреп*⁵ [38]. Классы скреп, функционирующих на уровне предложения и на уровне текста, пересекаются. Впоследствии в качестве обобщающего термина для слов и выражений, связующих части сложного предложения и / или части текста, широкое распространение получил термин-интернационализм *коннектор*. Еще более широкий семантико-функциональный класс, включающий в себя практически все служебные слова и фразеемы, кроме сильноуправляемых, а также пространст-

⁵А.Ф. Прияткина отмечает, что, в отличие от М.И. Черемисиной, она употребляет термин *скрепа* вслед за Л.А. Булаховским для обозначения только тех лексико-фразеологических единиц, которые служат для выражения отношений между частями текста [38, с. 334].

венных и временных предлогов в их прямом значении, охватывается термином *дискурсивные слова* (ДС). Функция ДС состоит в установлении отношений не внутри пропозиции, а “между двумя (или более) составляющими дискурса” [21, с. 8], причем под “составляющими дискурса” понимаются не только части текста, но и составляющие коммуникативной ситуации: говорящий и адресат, и таким образом в область устанавливаемых отношений вовлекаются и пропозициональные установки говорящего, и его оценки, и все прочие pragmaticальные отношения, связанные с употреблением высказывания в процессе коммуникации. Термин получил распространение благодаря публикациям участников французско-русского проекта по описанию дискурсивных слов русского языка [21, 22].

Выход в 80-е гг. многочисленных работ по семантике СС в конце 90-х – начале 2000 гг. подвиг ряд научных коллективов к созданию специальных толковых словарей СС, в которых, в отличие от практики общих толковых словарей предыдущего этапа, когда давалось лишь самое общее указание на функцию СС, появились их толкования, в той или иной форме объясняющие условия их употребления. Это «Словарь структурных слов русского языка» [34], «Словарь русских частич» [48], «Словарь служебных слов русского языка» [41]. Особое место занимает словарь ДС [21] и дополняющий его сборник [22], в котором на основе разработанной Д. Пайаром техники контекстно-семантического анализа все употребления полисемичных ДС сведены к единому семантическому инвариантну, который реализуется в контексте в виде вариантов, образующих систему “граней” и “деформаций” инварианта.

Также на втором этапе произошло осознание необходимости учета просодического компонента формы СС для адекватного описания структуры его полисемии. Впервые это было продемонстрировано в работе Ю.Д. Апресяна [1] на примере СС *еще* и *вообще*. В работах И.М. Кобозевой и Л.М. Захарова [24, 25] была выдвинута идея создания звучащего словаря ДС и на примере ДС *а* введено понятие просодико-семантического варианта слова, причем предлагалось учитывать и смыслоразличительные жесты, сопровождающие артикуляцию СС.

Хотя синхронная семантическая проблематика на втором этапе изучения СС явно преобладала, параллельно продолжались и диахронические исследования СС, см., напр., монографию Е.Т. Черкасовой [44] о путях грамматикализации русских союзов неместоименного происхождения.

Третий этап

Третий этап в исследовании СС русского языка охватывает приблизительно два последних десятилетия. На этом этапе изменилась не столько проблематика, сколько материал и методы иссле-

дования. И связано это было с двумя обстоятельствами. Первое – это начало всестороннего изучения устного дискурса, которое стало возможным благодаря появлению технических средств, обеспечивающих автоматический мультиканальный анализ речевых действий с учетом многообразных парalingвистических составляющих и визуализирующих результаты этого анализа для последующей их лингвистической интерпретации.

В СПбГУ был создан и ведется устный корпус “Один речевой день” (см. [7]), позволяющий исследовать русский язык повседневного общения с разными целями. В процессе анализа данных корпуса была выделена категория слов и фразем, которые Н.В. Бегларян предложила называть *прагматемами*. Это единицы повседневной речи, функционирующие на коммуникативно-прагматическом уровне, выражающие различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющие форму самостоятельных высказываний” [6, с. 10]⁶. Посмотрев на состав этой категории, мы обнаружим в ней достаточно много единиц, которые являются служебными словами, но употребленными не на пропозициональном, а на коммуникативно-прагматическом или текстовом уровне. Напр., СС *вот* будет квалифицировано как прагматема в таком примере из корпуса ОРД: так он (э-э) / уже к... (э-э) премьеру *Н ? #ну **вот**// и я спрашиваю / +.

Независимым образом при изучении семантики сложных предложений был установлен тот факт, что СС, имеющие союзную функцию, могут употребляться не только на пропозициональном уровне, но и на коммуникативно-прагматическом, когда в сферу действия союзного средства попадает обычно имплицитный иллоктивный компонент смысла высказывания: ‘я говорю с такой-то целью, предполагая наличие в ситуации общения таких-то условий, что Р’, где Р – пропозициональный компонент, выражаемый эксплицитно. Такое употребление союзов было рассмотрено В.З. Санниковым в [39] и названо *иллоктивным*. Оно более характерно для бытового диалога, но встречается и в письменных речевых жанрах.

Второе обстоятельство, кардинально повлиявшее на интенсификацию лингвистических исследований вообще и исследования СС в частности, – это получение легкого доступа к большим языковым данным сети Интернет, а в особенности создание Национального корпуса русского языка (НКРЯ), поначалу включавшего только образцы письменной речи на современном русском языке, но постепенно расширяющегося в диахроническом

⁶Очень близкую по сути категорию речевых единиц еще в 90-е г. выделил И.А. Шаронов, назвав их *коммуникативами*, но материалом исследования для него служили не живые диалоги, а их всегда более или менее отредактированное отражение в письменных речевых жанрах [45].

направлении (Исторический корпус), а благодаря энтузиазму Е.А. Гришиной обретшего и пополняемый Мультимедийный корпус.

Обеспечение быстрого и удобного доступа к языковым данным привело к выдвижению масштабных задач и осуществлению больших коллективных проектов в области изучения служебной лексики.

Перечисление таких проектов следует начать с многолетнего проекта «Служебные слова в лексикографическом аспекте», реализуемого учеными Дальневосточной синтаксической школы в рамках Лаборатории служебного слова (ЛСС, URL <http://www.labslsl.ru/?p=2014>). Результаты работы над проектом представлены на сайте ЛСС в виде оцифрованных книг и диссертаций. Последний по времени результат – коллективная монография под ред. Е.С. Шереметьевой, Е.А. Стародумовой и П.М. Тюрина [47], в которой дано описание ряда семантически разноплановых частей, производных предлогов, союзов и текстовых скреп в виде полипараметрических словарных статей, отражающих семантическую, конструктивную, коммуникативную и pragматическую специфику каждой единицы.

Далее следует назвать многолетний международный проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», задуманный М.В. Всеволодовой и до 2020 г. осуществлявшийся под ее руководством. Цель проекта – собрать все реально используемые в языке “предложные единицы” – собственно предлоги и функционально близкие к ним простые (напр., *длиной, южнее*) и составные единицы (напр., *на глубине, во искупление*) и описать их “со всех ракурсов”, а именно по 26 грамматическим и семантическим параметрам. Первые результаты русской части проекта были опубликованы в [15]. Разумеется, получить реестр единиц и разметить его по выбранным параметрам – это не самоцель. В ходе создания подобных языковых ресурсов неизбежно приходится решать теоретические проблемы, которые не встают перед исследователем, когда он описывает один предлог или синонимическую группу. С другой стороны, наличие большого размеченного по релевантным параметрам языкового материала позволяет выявлять не замеченные ранее закономерности и корреляции.

С 2015 г. в Институте управления РАН под руководством О.Ю. Иньковой был начат проект по созданию надкорпусной базы данных (НБД) коннекторов русского языка и ряда европейских языков, предназначенный для проведения исследований в области контрастивной лингвистики и переводоведения, см. о ней в [17]. Источником данных для НБД служит Параллельный корпус НКРЯ. В ходе работы над НБД одной из основных проблем стала формальная вариативность коннекторов в широких пределах при тождестве выражаемого ими логико-семантического отношения, ср., *не только P, но / а (еще (и) Q; (как) только P, (так/то) Q; (едва / лишь / чуть) только P, как / и Q*

и т. п. О.Ю. Инькова предложила решение этой проблемы, введя понятие “речевой реализации коннектора”, которая рассматривается не как отдельная единица языковой системы, а как ее представант, появляющееся в речи в результате использования языковых единиц при порождении высказывания [18]. Соглашаясь с этой точкой зрения, И.М. Кобозева в [23] на примере союзов контактного предшествования продемонстрировала, каким бы мог быть когнитивно-семантический (и одновременно прагматический) подход к описанию языкового поведения коннекторов. Эти и другие новые выводы, полученные в ходе реализации проекта, были отражены в трех коллективных монографиях [19, 20, 26].

В Институте языкознания РАН с 2022 г. под руководством Н.В. Сердобольской ведется проект по созданию многокомпонентной базы данных о русских коннекторах “Рускон”. В отличие от НБД, рассмотренной выше, БД “Рускон” включает в себя модуль, содержащий информацию о частеречной принадлежности и семантическом разряде всех единиц, включенных в обширный список союзных средств в грамматике [46] (кроме выявленных в этом списке свободных словосочетаний), которая была почерпнута из той же грамматики и пяти словарей [15, 16, 30, 34, 48]. В том же модуле содержится собственная разметка коннекторов по семантическим зонам, установленным участниками проекта в результате обобщения представленных в литературе семантических описаний. В БД имеется также полипараметрический синтаксический модуль и разрабатывается диахронический модуль. Структура БД и проблемы, которые решались при ее заполнении, описаны в статье [27].

На третьем этапе продолжается совершенствование семантических описаний конкретных СС, причем предлагаются новые способы объяснения языкового поведения СС и ставятся новые теоретические вопросы. Так, в книге Е.В. Урысон [42] для объяснения употребления сочинительных союзов привлекается психологическая теория установки Д.Н. Узнадзе и ставится под сомнение статус семантического примитива для союза *если*. В работах Е.Г. Борисовой СС рассматриваются и описываются с точки зрения их воздействия на сознание адресата, см., напр., [10]. Продолжаются и диахронические исследования СС, теперь уже с использованием данных Исторического корпуса НКРЯ, см., напр. [55].

Заключение

Мы попытались в самых основных чертах представить путь развития представлений о служебных словах в отечественной лингвистике, отметить перемещения фокуса внимания на те или иные их свойства и функции в зависимости от смены научных парадигм и развития технических средств для поиска и анализа языковых данных.

Описывая текущее состояние исследований СС, мы постарались отметить поставленные, но не

нашедшие окончательного решения вопросы, которые предстоит решать в будущем.

Надеемся, что в других статьях данного выпуска журнала читатель найдет и описания новых

фактов, и пересмотры предшествующих описаний известных фактов, получит новые объяснения наблюдавшихся данных, узнает о новых идеях в исследовании СС и проблемах, ждущих своего решения.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990. С. 91–108.
2. Апресян Ю.Д. 2009. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
4. Баранов А.Н., Добривольский Д.О. (ред.) Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. 1. М.: Поморский и партнеры, 1996. 656 с.
5. Белошапкова В.А. (ред.) Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
6. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
7. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 3 (21). С. 100–110.
8. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985. 175 с.
9. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. 460 с.
10. Борисова Е.Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 34–50.
11. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 622 с.
12. Виноградов В.В. Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. В 2 т. М.: Учпедгиз, 1938. 590 с.
13. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. Т. 20, № 1. С. 84–100.
14. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–59.
15. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.
16. Ефремова Т.Ф. 2004. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель, АСТ. 863 с.
17. Зацман И.М., Инькова О.Ю., Кружков М.Г., Попкова Н.А. Представление кроссызыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и её применения. 2016. Т. 10, № 1. С. 106–118.
18. Инькова О.Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только... но и // ВЯ. 2016. № 2. С. 37–60.
19. Инькова О.Ю. (ред.) Семантика коннекторов: контрастивное исследование / О.Ю. Инькова, И.М. Кобозева, А.А. Зализняк и др. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. 368 с.
20. Инькова О.Ю. (ред.) Структура коннекторов и методы ее описания / И. Зацман, О. Инькова, И. Кобозева и др. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. 316 с.
21. Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Москва: Метатекст, 1998. 444 с.
22. Киселева К.Л., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003.
23. Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. Сборник научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 147–174.
24. Кобозева И.М. Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 10. № 10. С. 120–133.
25. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2004. С. 292–297.
26. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Как много в этом звуке!.. (просодико-семантические варианты русского междометия А) // Лингвистическая полифония: сборник в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой / Отв. ред. В.А. Виноградов. STUDIA PHILOGERICA. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 609–627.

-
27. Кобозева И.М., Сердобольская Н.В., Крюкова А.И., Пилюгина Д.А. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты // Вестник Тюменского государственного университета. 2023. № 4. С. 36–47.
28. Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения): дис. ... канд. фил. наук. М.: МГУ, 1979.
29. Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопр. языкоznания. 1987. № 1. С. 106–120.
30. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
31. Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
32. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Российская Академия наук, 1775.
33. Мельчук И.А. Опыт теории моделей «Смысл Текст». М.: Наука, 1974.
34. Морковкин В.В. (ред.) Словарь структурных слов русского языка. М.: Изд-во альм. «Лазурь», 1997.
35. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.
36. Паршин П.Б. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория: (Опыт процедурно-семантического описания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1988.
37. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 5-е. М.: Учпедгиз, 1935.
38. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007.
39. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур. 2008. 624 с.
40. Словарь Академии Российской. Электронный ресурс.
41. Стародумова Е.А. (ред.) Словарь служебных слов русского языка.
42. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. М: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
43. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 200 с.
44. Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения. М.: Наука, 1873. 222 с.
45. Шаронов И.А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–112.
46. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1980.
47. Шереметьева Е.С., Стародумова Е.А., Тюрин П.М. (ред.) Лексикографические портреты служебных слов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. 322 с.
48. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / Berliner slavistische Arbeiten. B. 9. Frankfurt am Main, 1999.
49. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77–100.
50. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1974. С. 328–330.
51. Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
52. Chomsky N. Syntactic structures. Berlin: NY: Mouton & Co, 1957.
53. Paillard D., Markowicz D. Le partage du savoir ou l'ignorance n'est pas un argument: A propos de la particule ved' // Les particules e'nonciative en russe contemporain. Paris, 1986. P. 89–124.
54. Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. Muenchen, 1985.
55. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator kak in russian // Linguistics. 2024, no. 3. P. 691–728.
56. Talmy L. The relation of grammar to cognition – a synopsis // American Journal of Computational Linguistics. December 1978. P. 16–26.
57. Zybatow L. Modal partikeln – ein partikularer Fall der zu Übersetzenden Einstellungsbedeutung // Die Welt der Slaven. München, 1989. Hf. 1. S. 41–50.

References

1. Apresyan Yu.D. [Types of Lexicographic Information on the Signifier of a Lexeme]. *Tipologiya i grammatica* [Typology and grammar]. Moscow, 1990, pp. 91–108. (in Russ.)
2. Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Semantic and Lexicography Studies. Vol. 1. Paradigmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. 568 p.
3. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terminology]. Moscow: Sov. Enciklopediya, 1966. 608 p.

4. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (eds.) *Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike*. Vol. 1. [English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics]. Moscow: Pomorskij i partner, 1996. 656 p.
5. Beloshapkova V.A. (ed.) *Sovremennyj russkij jazyk* [Modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 800 p.
6. Bogdanova-Beglaryan N.V. [Pragmatemes in Everyday Speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014, No. 3 (27), pp. 7–20. (in Russ.)
7. Bogdanova-Beglaryan N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu. Korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshcheniya “Odin rechevoj den” (ORD): tekushchee sostoyanie i perspektivy [Russian Everyday Speech Corpus “One Day of Speech”: current state and perspectives]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova*. 2019, no. 3 (21), pp. 100–110.
8. Boguslavskij I.M. *Issledovaniya po sintaksicheskoj semantike* [Syntactic Semantics Studies]. Moscow: Nauka, 1985. 175 c.
9. Boguslavskij I.M. *Sfera dejstviya leksicheskikh edinic* [Scope of Lexical Items]. Moscow: Shk. “Yazyki russkoj kul'tury”, 1996. 420 p.
10. Borisova E.G. Upravlenie ponimaniem. Yazykovye edinicy, reguliruyushchie ponimanie soobshcheniya [Understanding Management: Language Units as Indicators of Message Comprehension]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2018, no. 6, pp. 34–50.
11. Buslaev F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of Russian]. Moscow, 1959.
12. Vinogradov V.V. *Sovremennyj russkij jazyk: Grammatischeskoje uchenie o slove* [Modern Russian. Grammatical Conception of Words]. Moscow: Uchpedgiz, 1938. 590 p.
13. Vinogradova E.N., Klobukova L.P. [The Grammar of Russian Preposition: Theoretical Aspects]. Rusistika [Russian Language Studies]. 2022, no. 1, pp. 84–100. (in Russ.)
14. Vsevolodova M.V., Klobukov E.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. [Towards the Foundations of Functional-Communicative Grammar of Russian Preposition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2003, no. 2, pp. 17–59. (in Russ.)
15. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo jazyka. V 4 t.* [The Dictionary of Russian. In 4 Vol.]. Moscow: Russkij jazyk, 1981–1984.
16. Efremova T.F. *Tolkovyj slovar' sluzhebnyh chastej rechi russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Functional Parts of Speech]. Moscow: Astrel', AST. 863 p.
17. Zatsman I.M., In'kova O.Yu., Krushkov M.G., Popkova N.A. *Predstavlenie krossyazykovyh znanij o konnektorah v nadkorpusnyh bazah dannyh* [Representation of Cross-lingual Knowledge about Connectors in Supracorpora Databases]. Informatika i eye primeneniya [Informatics and Applications]. 2016, vol. 10, no 1, pp. 106–118.
18. In'kova O.Yu. [Towards the description of multiword connectives in Russian: ne tol'ko... no i ‘non only... but also’]. *Voprosy Yazykoznanija* [Questions of Linguistics]. 2016, No. 2, pp. 37–60. (in Russ.)
19. In'kova O.Yu. (ed.) *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of Connectives: a Contrastive Study]. Moscow: TORUS PRESS, 2018. 368 p.
20. In'kova O.Yu. (ed.) *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [The Structure of Connectives and Methods of its Description]. Moscow: TORUS PRESS, 2019. 316 p.
21. Kisileva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian Discourse Markers: an Essay in Contextual-Semantic Description]. Moscow: Metatekst, 1998. 444 p.
22. Kisileva K., Paillard D. (eds.) *Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovaniye i semanticheskoe edinstvo* [Russian Discourse Markers: Contextual Variation and Semantic Unity]. Moscow: Azbukovnik, 2003. 205 p.
23. Kobozeva I.M. Problemy opisaniya chastic v issledovaniyah 80-h godov [The Problems of Particles’ Descriptions]. *Pragmatika i semantika. Sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov* [Pragmatics and Semantics. Collection of scientific and analytical review]. Moscow: INION AN SSSR, 1991, pp. 147–174.
24. Kobozeva I.M. [Cognitive-semantic Approach towards the Description of connectives (connectives of immediate precedence)]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2016, vol. 10, no 4, pp. 120–133.
25. Kobozeva I.M., Zakharov L.M. [Why We Need a Sound dictionary of Russian Discourse Markers]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara DIALOG'2004 po kompyuternoj lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the International Seminar DIALOG'2004 on Computational Linguistics and its Applications]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 292–297. (in Russ.)
26. Kobozeva I.M., Zakharov L.M. Kak mnogo v etom zvuke!... (prosodiko-semanticheskie varianty russkogo mezhdometiya A) [How much is in that sound!... (prosodic-semantic varieties of Russian interjection A)]. *Lingvisticheskaya polifoniya: Sbornik v chest' yubileya professora R.K. Potapovoj / Otv. red. V.A. Vinogradov*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007, pp. 609–627.

-
27. Kobozeva I.M., Serdobol'skaya N.V., Kryukova A.I., Pilyugina D.A. Sozdanie bazy dannyh konnektorov sovremennoj russkoj yazyka: principy, problemy, rezul'taty [Creating a Database of Modern Russian Clause Linkers: principles, problems, results]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald]. 2023, vol. 9, no. 4, pp. 36–47. (in Russ.)
28. Krejdin G.E. *Sluzhebnye slova v russkom yazyke (semanticheskie i sintaksicheskie aspekty ih izucheniya)*. Dissertation ... kand. fil. nauk. [Functional Words in Russian (Semantic and Syntactic Aspects of their Study) PhD Dissertation.]. Moscow: MSU, 1979.
29. Krejdin G.E., Polivanova A.K. [On Lexicographic Description of Russian Functional Words]. *Voprosy yazykoznanija* [Voprosy yazykoznanija]. 1987, no. 1, pp. 106–120. (in Russ.)
30. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovojj slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p.
31. Lavrov B.V. *Uslovnye i ustupitel'nye predlozheniya v drevnerusskom yazyke* [Conditional and Concessive Clauses in Old Russian]. Moscow, Leningrad, 1941.
32. Lomonosov M.V. *Rossijskaya grammatika* [Russian Grammar]. St. Petersburg: Rossijskaya Akademiya nauk, 1775.
33. Mel'chuk I.A. *Opyt teorii modelej "Smysl – Tekst"* [An Essay in the Theory of "Meaning – Text" Models]. Moscow: Nauka, 1974.
34. Morkovkin V.V. (red.) *Slovar' strukturnyh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Structural Words]. Moscow: Izd-vo al'm. "Lazur", 1997.
35. Paducheva E.V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformacionnoj grammatike russkogo yazyka* [On Semantics of Syntax. Materials to the Transformational Grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1974. 292 p.
36. Parshin P.B. *Sopostavitel'noe vydelenie kak kommunikativnaya kategoriya: (Opyt procedurno-semanticheskogo opisaniya): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative Selection as a Communicative Category (An Essay of Procedural Semantic Description)]. Ph. D Dissertation. Moscow: Lomonosov MSU, 1988.
37. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. Izd. 5-e* [Russian Syntax in Scientific Light. 5th edition]. Moscow: Uchpedgiz, 1935.
38. Priyatkina A.F. *Russkij sintaksis v grammaticeskem aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstrukcii): Izbrannye Trudy* [Russian Syntax in Grammatical Aspect (syntactic links and constructions: Selected Papers)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2007.
39. Sannikov V.Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticsom prostranstve* [Russian Syntax in Semantic-Pragmatic Space]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 624 p.
40. *Slovar' Akademii Rossiijskoj* [Dictionary of Russian Academy]. URL: <http://runivers.ru/lib/book3173/> (accessed: 15.02.2025).
41. Starodumova E.A. (ed.) *Slovar' sluzhebnyh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Functional Words]. Vladivostok : Dal'nevost. federal. un-t, 2022. 363 p.
42. Uryson E.V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov: lingvisticheskie dannyje o deyatel'nosti soznaniya* [An Essay in Semantic Description of Conjunctions: linguistic data on activity of consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. 336 p.
43. Cheremisina M.I., Kolosova T.A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentence]. Novosibirsk, 1987. 200 p.
44. Cherkasova E.T. *Russkie soyuzы nemestoimennogo proiskhozhdeniya* [Russian Conjunctions of Non-pronominal origin]. Moscow: Nauka, 1973.
45. Sharonov I.A. [Communicatives as a Functional Class and as an Object of Lexicographic Description]. *Rusistika segodnya* [Russian Studies Today]. 1996, no. 2, pp. 89–112. (in Russ.)
46. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. In 2 vol. Moscow: Nauka, 1980.
47. Sheremet'eva E.S., Starodumova E.A., Tyurin P.M. (eds.) *Leksikograficheskie portrety sluzhebnyh slov* [Lexicographic Portraits of Functional Words]. Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 2022. 322 p.
48. Shimchuk E., Shchur M. *Slovar' russkih chastic* [Dictionary of Russian Particles]. *Berliner slavistische Arbeiten*. B.9. Frankfurt am Main, 1999.
49. Shcherba L.V. [On parts of speech in Russian]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 77–100. (in Russ.)
50. Shcherba L.V. [Teaching foreign languages in secondary schools]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otd-nie, 1974. P. 328–330. (in Russ.)
51. Yakobson R. [Boas's view of the grammatical meaning]. *Izbrannye raboty* [Selected Papers]. Moscow: Progress, 1985, pp. 231–238. (in Russ.)
52. Chomsky N. *Syntactic structures*. Berlin, NY: Mouton & Co, 1957. 117 p.
53. Paillard D., Markowicz D. Le partage du savoir ou l'ignorance n'est pas un argument: A propos de la particule ved'. *Les particules e'nonciative en russe contemporain*. Paris, 1986, pp. 89–124.

54. Rathmayr R. *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme*. Muenchen, 1985. 346 p.
55. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*. 2024, no. 3, pp. 691–728.
56. Talmy L. The relation of grammar to cognition – a synopsis. *American Journal of Computational Linguistics*. December 1978, pp. 16–26.
57. Zybatow L. Modal partikeln – ein partikularer Fall der zu Übersetzenden Einstellungsbedeutung. *Die Welt der Slaven*. München, 1989. Hf. 1, pp. 41–50.

Информация об авторе

Кобозева Ирина Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kobozeva@philol.msu.ru

Information about the author

Irina M. Kobozeva, Professor Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kobozeva@philol.msu.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2025.

The article was submitted 19.02.2025.

Научная статья
УДК 81-25
DOI: 10.14529/ling250202

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ: ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА ЧАСТИЦ, СОЮЗОВ, ВВОДНЫХ СЛОВ

Е.Г. Борисова^{1,2}, egborisova@gauhn.ru

¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

² Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Аннотация. Статья построена на основе доклада, сделанного на круглом столе по служебным словам в рамках 1-го Евразийского лингвистического конгресса. Предмет обсуждения: рассмотрение служебных слов в противопоставлении значимым, выявление различий и признание общего. Показан способ описания семантики служебных слов (частиц, союзов, вводных слов, междометий – предлоги пока остаются в стороне), позволяющий отразить две стороны значения этих единиц: функциональную (связь слов и предложений, отражение эмоций и т. п.) и лексическую, предполагающую наличие лексических значений и их связь с общим значением служебной лексемы. Используется аппарат Московской семантической школы, теории семантических сдвигов, коннекторов, отражения эмоционального состояния, коммуникативной организации и другие понятия.

Ключевые слова: частица, союз, междометие, адвербиял, pragmatic meaning, функция, общее значение слова, коннектор, управление пониманием

Для цитирования: Борисова Е.Г. Служебные слова в русской языковой системе: функции и семантика частиц, союзов, вводных слов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 18–28.
DOI: 10.14529/ling250202

Original article
DOI: 10.14529/ling250202

FUNCTIONAL WORDS IN RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM: FUNCTIONS AND SEMANTICS OF PARTICLES, CONJUNCTIONS AND ADVERBIALS

Е.Г. Борисова^{1,2}, egborisova@gauhn.ru

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

² State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The article reflects the content of the lecture delivered at the 1st Eurasian Congress of Linguists (Moscow, 9–13 December 2024), focusing on the semantic and pragmatic characteristics of functional words and their role in guiding the understanding by the hearer. The comparison of functional words and other parts of speech is also presented. The paper demonstrates that the semantics of particles, conjunctions and adverbials should be described with the help of such concepts as general meaning of the lexeme, functions of the lexeme in various contexts (emphasizing, connecting, expressing emotions etc.) and the specific meanings that are connected with the general meaning. The research employs the Moscow semantic school's framework, utilizing the concepts such as semantic shifts, connectors, affective state markers, functional perspective and others.

Keywords: modal particle, conjunction, interjection, adverbial, pragmatic meaning, function, general meaning of a word, connector, guiding the understanding

For citation: Borisova E.G. Functional words in Russian language system: functions and semantics of particles, conjunctions and adverbials. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):18–28. (in Russ.).
DOI: 10.14529/ling250202

Введение

Служебные слова (functional words) в течение долгого времени были на периферии интересов языковедов, в первую очередь, лексикологов, так как была очевидно их отличие от полнозначных лексем, передающих какое-либо

лексическое значение – информацию о внешнем и внутреннем мире человека. Служебные же слова тяготели к организации языковой структуры (предлоги, союзы – к синтаксической). Причем долгое время о некоторых классах слов (частицах, союзах, вводных словах) даже непо-

нятно было, с каким фрагментом структуры языка они взаимодействуют.

В конце 60-х – начале 70-х годов был совершен прорыв в описании этих слов (а также слово-сочетаний, относимых к речевому этикету) благодаря возникновению направления прагматика, а в дальнейшем и когнитивного подхода к описанию языка: направлений, учитывающих взаимодействие участников общения и их речемыслительную деятельность.

Достижения в этой области позволили по-новому взглянуть на содержание служебных слов [9, с. 153]. Иногда даже делались попытки отказаться от признания лексико-семантического наполнения, аналогичного содержанию значимой лексики, и перейти к рассмотрению этих единиц как знаков, указывающих на необходимость осуществления слушающим каких-либо действий с сообщением (процедурный подход).

Здесь мы не будем останавливаться на истории обращения к различным подходам при описании дискурсивных слов, модальных частиц и т. п., возникающих между ними дискуссиях о различиях полнозначных и служебных слов, о перспективе семантического и прагматического подходов. Как всегда, истина лежит даже не посередине – а на следующем уровне обобщения, допускающем объединение функций и семантики служебных слов.

Мы предполагаем рассмотреть способы лексикографического отражения содержания ряда служебных слов. Покажем, почему отражение функции (процедурный подход) не дает ответа на ряд важнейших вопросов, в частности, на невозможности взаимной замены ряда служебных слов в схожей или даже одинаковой функции. Далее предлагается рассмотреть составляющие словарных статей при разных подходах. После этого анализируются функции и показывается разница и сходство между функциями различных классов слов. В завершение проводятся определенные параллели между описаниями служебных и полнозначных слов и показываются возможности использовать в лексической семантике некоторые достижения описания служебных слов.

1. Есть ли значения у частиц и других служебных слов

Вопрос, вынесенный в заголовок раздела, действительно вставал в 70-е годы у исследователей усиленительных частиц. В части предлогов или союзов представление об отсутствии словарного значения были распространены гораздо меньше [9].

Наличие словарных статей служебных слов в толковых словарях тоже заставляет предположить наличие лексических значений и у частиц, и у союзов, и у других служебных слов. Эти словарные статьи выполнены по единой схеме с полнозначной лексикой (что необходимо в рамках одного словарного продукта). Однако выделенные значения получают не вполне определенную интерпретацию.

Так трудно понять, к кому именно служебному слово относится данное определение: «Употребляется для усиления, подчеркивания значения слова, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания (утверждения, вопроса, побуждения и пр.) высказываемого». Эти же характеристики можно отнести практически ко всем усиленительным (модальным) частицам.

Как отмечает Е.А. Стародумова, «традиционные словарные характеристики служебных единиц явно не отражают ни их индивидуальной семантики, ни их синтаксических, коммуникативных и других свойств» [18].

Вместе с тем частицы, получающие приблизительно одно описание, далеко не всегда могут быть взаимозаменны, достаточно сравнить усиленительные частицы, выражающие очевидное и обычно отмечаемое в словарях значение причины. Его регулярно выражают частицы ВЕДЬ (которая иногда называется союзом), ЖЕ, -ТО, ПРОСТО:

(1) *Есть сострадание, ведь это всего лишь мальчик 17 лет (НКРЯ)*

(2) *Колючий друг. А лук не отберут? (агдардин) Ну он же не острый! (НКРЯ)*

(3) *Пилот надел шапку – наверху-то холодно.*

(4) *Для меня однозначно универ, мне здесь интереснее, да и в школе были свои плюсы, были незабываемые моменты, просто учиться в университете интереснее. (НКРЯ)*

В случае с другими частицами значение причины может быть связано семантикой слова недостаточноочноочно, чтобы считаться ее значением:

(5) *Я вернулся – как раз собирался снять деньги в банкомате.*

В примере (5) КАК РАЗ относится к совпадению двух событий [20], а причинное значение передается бессоюзно.

Однако и в тех случаях, когда смысл причинности достаточно плотно связан именно со служебным словом, замена одной частицы на другую не всегда возможна. Сравним довольно близкие частицы ВЕДЬ и ЖЕ:

(6) *Мы вернулись домой – ведь сегодня погода не лыжная.*

(7) *Мы вернулись домой – сегодня же не лыжная погода.*

Частица ЖЕ допустима только, если адресат сам знает о том, какая погода [7, с. 25]. Невозможен пример в таком контексте:

(8)**Представляешь, оказалось что сегодня же не лыжная погода.*

А вот пример (6) здесь вполне допустим:

(6') *Мы вернулись домой, ведь, представляешь, оказалось, что погода сегодня не лыжная.*

Причинное значение частицы -ТО (пример (3)) выражается одновременно с маркировкой особого положения темы простого предложения:...наверху холодно. Особое положение связано с привлечением неожиданной (не предопределляемой ходом изложения) темы.

Не всегда – по крайней мере, без потери смысла – можно заменить на другие частицы частицу ПРОСТО: она явно включает отказ от других интерпретаций причины, поэтому замена этой частицы в примере (4) меняет смысл высказывания.

Получается, что семантика усилительной частицы не сводима к той функции, которую она выполняет и которая обычно отражается в толковых словарях. Схожая ситуация складывается и с междометиями, которые нередко отражают одну и ту же эмоцию, но по-разному:

(9) *Aх, какая девушка!* (восхищение) и

(10) *Ох какая девушка* (тоже восхищение, но немного иное).

Заметим, что для некоторых служебных слов, в частности, союзов, отражение семантики осуществляется уже в ходе классификации. Так, союз НО в русской грамматической традиции называется противопоставительным, т. е. используется для противопоставления предикатов, а союз А – сопоставительный, т. е. служащий для сопоставления предикатов и объектов. Тем не менее такое описание практически всегда признается неполным и неудовлетворительным, что приводит к появлению словарных статей, посвященных союзам, в толковых словарях.

2. Структура словарной статьи

служебного слова

Таким образом, достаточное адекватное – полное, точное и непротиворечивое – описание семантики ряда служебных слов требует включения и сведений о функциях, и собственно описание значений слова. В случае со служебными словами описание значений затруднено из-за отсутствия денотата. Если, уточняя описание значения существительного, лексикограф может выявлять те особенности, которые характеризуют данный предмет или явление (типа «стакан – сосуд для питья из прозрачного стекла, более высокий» и т. п.), то для служебных слов эта возможность ограничена.

Здесь стоит обратиться к такой особенности служебной лексики, как наличие практически у всех единиц общего значения. Тогда описание отдельных (частных) значений будет связано с этим общим значением, что позволит уточнить различия. Заметим, что такое включение подкрепляется и ограничениями на употребление частиц, которые связаны с общим значением. Так, отмеченная выше невозможность частицы ЖЕ связана с прослеживаемым в этом, как и в других значениях, компонентом «слушающий должен знать».

Как отмечено в [6], структура словарной статьи служебного слова будет иметь приблизительно такой вид:

ЛЕММА Общее значение. Список функций. Частные значения с указанием на функции, в которых они наблюдаются.

Толкования частных значений должны содержать необходимую информацию и для возможных импликатур из общего значения, и для объяснимости выполнения указанной функции.

Рассмотрим описание семантики нескольких служебных слов:

Частица А. Общее значение: «новизна последующего сообщения». Функция 1. Привлечение внимания к теме, не обусловленное повествованием. Значение 1. Сообщается о новом объекте: *А Иван-то женился!*. Функция 2. Привлечение внимания адресата в начале речи (вежливость) Значение 2. Спрашивается что-то новое: *А Саша выйдет?* Значение 3. Говорящий намерен сообщить что-то новое: *Дорогие гости! А у нас для вас сюрприз.*

Ср. [1].

Частица ВЕДЬ. Общее значение: «сказанное должно быть очевидно для адресата». Функция 1. Предъявление информации, с которой адресат должен согласиться. Значение 1. Сообщается то, с чем адресат скорее всего согласится: *То есть давая этот вопрос, вы считаете себя добычей в семье. Я ведь вас правильно понял? (НКРЯ)*. Значение 2. Говорящий уверен в сказанном: *Да, ведь всем же ясно, что нынешние олигархи – это просто малограммые, нахальные воры и должны уже давно сидеть в тюрьме*. Значение 3. Говорящий догадался и сообщает себе как новое (оказываясь в роли адресата): *А я ведь кошелек потерял!* Функция 2. Выражение причины. Значение 4. Приводится причина сказанного: *Надеюсь, что поправки РСПП в ТК не примут – ведь мне от них не будет лучше (НКРЯ)*. А бывает, что ты просто поторопилась и плохо прогрела сковороду, ведь блины следует выпекать только на горячем жире (НКРЯ).

(В последнем примере приводится причина не сказанного, а вывода из него: плохо прогрела сковородку, поэтому блины не получились, то, что приводится именно такая причина – это потому что блины следует выпекать на горячем жире. Возможность апелляции к различным фрагментам не только диктума, но и модальной рамки, рассматривается дальше). Ср. [2, 13].

Частица ДА. Общее значение «адресат должен сам понимать сказанное» Функция 1. Настоятельность утверждения (должен сам понимать, но требуется сообщение, значит, не понимает, значит, возможно недовольство, возмущение и т. п.). Значение 1. Адресат должен понимать сообщение, поэтому говорящий удивлен, что еще непонятно: *Да это очевидно*. Значение 2. Резкая и настоятельная просьба или вопрос: *Да оставь ты это. Да зачем мне это всё?* Значение 3. Риторический вопрос: *Да о чём мне с ним разговаривать!* Функция 2. Необязательность утверждения (должен сам понимать, но что именно понял, говорящего не беспокоит). Значение 4. Неважность сообщения: *Да я об этом и забыл*. Значение 5. Снисходитель-

ное согласие: *Да отдашь ты ему, чего хочет* (различие обеспечивается интонацией). Ср [1].

При составлении данных описаний использовались как значения толковых словарей (где отражены преимущественно функции частиц), так и специальные словари и работы, в которых авторы дают интерпретации, нашедшие отражение и в наших описаниях [1, 16, 17, 19].

3. Управление пониманием при помощи служебных слов

Посмотрим теперь на другую сторону содержания служебных слов – функциональную. Выражаемые частями, союзами и вводными словами функции можно представить как средство управления пониманием всего сообщения в целом [6, с. 26]. Однако в каком смысле можно говорить об управлении слушающим? Многие полнозначные слова, внося определенные смыслы в содержание сообщения, тоже управляют пониманием, в том смысле, что вносят некоторые уточнения в описываемую картину:

(11) *Он вошел запыхавшись.*

Однако служебные слова затрагивают слои описания, включающие, но не сводимые к добавлению сообщаемой информации. Частично мы уже столкнулись с ними при описании значения ряда слов, в частности, когда союзы и частицы в причинном значении вводят причину не пропозиции, а модальной рамки, имплицитного смысла, выводимого из предшествующего текста, и даже содержания реальности. Представим продолжение разговора из примера:

(6') *Мы вернулись домой, ведь, представляешь, оказалось что погода сегодня не лыжная.*

(6'') *И о чём ты говоришь? Снег же так быстро не растает!*

В сферу действия частицы ЖЕ, т. е. в указание на то, причина чего приводится, попадает некое сообщение из предшествующего текста, содержание которого оценивается как некорректное, о чем свидетельствует риторический вопрос. Таким образом, предложение с частицей ЖЕ относится к утверждению собеседника и передает, если перефразировать, приблизительно такой смысл: «Я считаю, что твое заявление лишено основания, потому что снег так быстро не растает, из чего следует, что погода не могла помешать лыжной прогулке». В сферу действия попадает и оценка говорящего, и высказывание собеседника, которое оценивается, т. е. фрагменты не пропозиции, а модальной рамки, т. е. иллокутивного слоя смысла.

Модальные частицы (а в чем-то и союзы, вводные слова, междометия) играют роль вспомогательных экспликаторов содержания. В теории коннекторов [8] этот факт отражается, но односторонне: с точки зрения того, как это маркирует связность текста. Там отмечается, что в сферах действия коннекторов попадают разные фрагменты смысла, в том числе и не входящие в пропозицию.

Рассмотрим, к каким фрагментам смысла (вернее, к уровням непропозиционального содержания) относятся некоторые служебные слова. Мы будем использовать категории грамматики слушающего [14], объединяющих языковые единицы в зависимости от роли в восприятии и понимании сообщений [4]. Перечислим те, которые были уже выделены в ходе многолетних исследований.

I. Категория ориентации. Это средства, позволяющие слушающему соотнести новое сообщение с тем, что ему уже известно: с предыдущими сообщениями, с представлениями об участниках и объектах сообщений, с картиной мира в целом. Очевидный пример: средства референции (артикли, указательные местоимения). Однако эту же функцию выполняют и частицы *вот*, маркеры известности *же* и неизвестности *а*. В частности, маркер новизны показывает, что нет необходимости искать референта.

II. Категория декодирования: соотнесение элементов сообщения с их закрепленными в языке значениями, выбор нужного, уточнение в контексте, «хеджинг», ср. *Он лопух – В смысле лох?* – *Нет, именно лопух* (частица ИМЕННО заставляет уточнить понимание слова *лопух*, включения в переданный смысл тех нюансов, которые его отличают от слова *лох*).

III. Категория синтеза (понимания связного текста). Это этап установления связей между фрагментами текста и определения роли всего текста (основного намерения автора). Сюда входят и маркеры причинно-следственных связей (*Вот он и пришел*), указания на отклонение от основной задачи (*между прочим, например*). Некоторые элементы пересекаются с другими категориями: ориентирования, декодирования, экспликации. Пока непонятно, как они соотносятся.

IV. Категория экспликации: вскрытие имплицитных компонентов сообщения. Имплицитность играет большую роль в построении текста. При ее вскрытии говорящий опирается и на общие представления об устройстве мира, и на конкретные факты об описываемом сообществе. Но кроме того, основанием являются и языковые факторы: требования композиции, предполагающие выражение причинных отношений, иллюстрации и т. п. Здесь тоже определенное прояснение вводится служебными словами, в частности, частями, союзами, см. примеры (2), (3) и др.

V. Категория формирования аффективного состояния. Влияние на аффективное (эмоциональное) состояние является важной составляющей и в устной, и в письменной, в том числе массовой коммуникации. Язык располагает богатым арсеналом средств – и интонации, и лексическое значение, и служебные слова – преимущественно междометия. Однако и другие служебные слова могут отражать эмоции автора и влиять на эмоции адресата, причем задавать разный уровень эмоциональности.

VI. Категория формирования образности. Выход адресата на формирование в сознании представления о переданной информации рассматривается как конечная задача передачи информации. На этом уровне происходит – по крайней мере, частично – слияние данных первой (органы чувств) и второй (язык) сигнальных систем.

VII. Рассмотреть все показатели по перечисленным категориям нет возможности. Кроме того, поскольку работа над грамматикой в целом не просто продолжается, а по некоторым параметрам не достигла даже половины пути, полное рассмотрение всех служебных слов, задействованных в работе, невозможно. Мы остановимся на наиболее значимых примерах, в которых частицы, вводные слова, междометия и союзы влияют на восприятие и понимание текста, причем покажем, какие не-пропозициональные (иллокутивные) смыслы оказываются в сфере действия этих единиц.

3.1. Служебные слова и ориентация

слушающего

Одним из первых аспектов понимания является соотнесение сообщения с представлениями адресата. Важнейшей составляющей здесь оказывается референция средствами показателей категории определенности (артиклами) и указательными (и другими) местоимениями. Однако и там, где такой категории нет, есть способы задания возможностей соотнесения получаемого сообщения с параметрами реальности или этого же текста. В первую очередь следует учесть показатели известности: частицы А (новое), ЖЕ (известное), ВЕДЬ (очевидное), -ТАКИ (упоминавшееся), ВОТ (дайксис, в том числе и в иллокутивном пространстве), САМ (соотнесение с упомянутым). Информация о неизвестности снимает необходимость искать референцию с событием, а о новизне позволяет представлять сказанное как основание для новых связей. Примеры (4), (7) показывают, что частица ЖЕ освобождает адресата от необходимости воспринимать сообщение как новое.

Использование частицы ВОТ позволяет осуществить привязку к известному в представлениях адресата не отдельных объектов, а событие в целом [6, 15]:

(12) Я жил в США несколько лет, сейчас вот стараюсь регулярно ездить летом, благо друзья там имеются. Хотя получается не всегда. С учениками вот ни разу не ездил. (НКРЯ).

Приведен отрывок из обсуждения поездки с учениками за рубеж. Первое употребление ВОТ привязывает (наряду с наречием *сейчас*) сообщение к моменту обсуждаемого события. Второе употребление частицы ВОТ соотносит с событием, упомянутым в предыдущих репликах.

Интересным оказывается поведение частицы ВЕДЬ, которое не просто маркирует уже известное – это, как мы отметили, происходит не всегда, но и апеллирует к согласию слушающего, ср.

(1)... Он ведь в сущности неплохой мальчик.

Особенно интересным оказывается использование ВЕДЬ в значении «это должно было быть очевидно»:

(13) А я ведь догадывался.

(14) Надо же, он ведь знал об этом.

См. также примеры (6), примеры в описании значения этой частицы, приведенном выше. Особенno интересен пример

(15) А я ведь кошелек потерял!

В сфере действия частицы ВЕДЬ (положение, которое должно быть очевидно для собеседника) оказывается точка зрения самого говорящего (нет кошелька, не знаю, где он) – но в предшествующий момент, а в данный момент говорящий осознает потерю как очевидное.

Определенную роль в этом процессе играют и союзы А, И, которые сигнализируют о новизне или ожидаемости дальнейших сообщений [3].

3.2. Частицы и вводные слова в определении значения слов

Процесс определения значения представляет собой сложное, нередко рекурсивное действие адресата. Его модель представлена в интерактивном подходе [5], где учитываются возможности выбора нужного (наиболее соответствующего выражаемому) слова. Соответственно, адресат тоже учитывает эти возможности и, восстанавливая исходные варианты и причины их отверждения, пытается понять замысел говорящего, т. е. совершает действие «если б хотел сказать Р, то сказал бы другое».

В этом случае тоже используются служебные слова, которые позволяют уточнить выбор, отграничить слово в прямом значении от его расширений в контексте. Эта функция отмечена в [10] для частиц и вводных слов, однако не исключено, что она может быть обнаружена у междометий. «Подозрительные» примеры:

(16) Измена, блин! Ты еще предательством назови!

Здесь междометие (производное) БЛИН показывает, что автор считает выбор номинации *измена* неверным, преувеличенным, что и раскрывает в последующем утверждении.

Рассмотрим механизмы работы этих средств.

Есть много способов указать, что используемое слово должно пониматься не в переносном или расширенном, а в исходном значении. Наиболее явно это делают прилагательные, относящиеся к лексико-семантической группе «настоящий»:

настоящий

(17) Он настоящий гений,

подлинный

(18) Это подлинный шедевр,

истинный

(19) Каждый истинный гурман помнит этот ресторан,

натуральный

(20) Да он же натуральный хам!

Близки к нему наречия, нередко переходящие в вводные слова: «действительно» – *Он действи-*

тельно возмущен, «буквально» – Это буквально преступление. Сюда же относятся и некоторые частицы: ИМЕННО, ПРЯМО, ПРОСТО.

(21) Да это прямо оскорбление.

(22) Нет, это именно измена.

Следует отметить, что в этом качестве используются слова и словосочетания, относимые иногда к вводным словам: *фактически, собственно (говоря), вообще-то, на самом деле, в сущности*. Эти слова, имея одну и ту же (или по крайней мере, очень схожую) функцию: «освобождение от дополнительных выводов», не вполне синонимичны, что требует отдельного описания каждой из них [10].

3.3. Понимание целого текста

В сферах, связанных с восстановлением связного текста, имеются случаи, когда тоже можно говорить об управлении пониманием. В частности, когда ожидается иное продолжение, нежели соответствующее принятому [6]:

(23) Ну а потом мы вынуждены были извиниться – Вот так так! С чего вдруг?

Сложное междометие ВОТ ТАК ТАК маркирует удивление адресата, явно не ожидавшего продолжения, связанного с извинением.

В этой функции можно отметить средства (преимущественно служебные слова), которые позволяют маркировать неожиданное продолжение (союз А), противоречие ожидаемому по логике вещей (союз НО), приведение дополнительной информации (МЕЖДУ ПРОЧИМ, КСТАТИ), приведение примеров (НАПРИМЕР, ВОН, ВОТ) [15] и другие. Однако в целом вопрос нуждается в более тщательной проработке.

3.4. Восстановление имплицитных фрагментов содержания сообщения

Вопрос экспликации может быть связан с различными этапами деятельности слушающего. Не вдаваясь в вопросы связи с категориями грамматики слушающего, отметим те частицы и союзы, которые могут быть связаны с раскрытием имплицитных смыслов

1) уточнение причинно-следственной связи: ЖЕ, ВЕДЬ, -ТО, ПРОСТО, И;

2) выражение: союзы А, НО, ДА, частицы ДА, НУ;

3) неважность: частица ТАМ [21];

4) маркировка связи без указания на семантические характеристики: ТАК и др.

Здесь напрашивается более глубокое исследование явления, причем с разных позиций и в рамках различных научных школ: компьютерной лингвистики, психолингвистики и ряда других.

3.5. Изменение аффективного состояния

Не будем здесь затрагивать междометия, целью которых является передача эмоций говорящего и, как следствие, влияние на состояние адресата. Отметим, как такое же воздействие оказывается союзами, частицами и вводными словами.

Многие частицы, внося в значение выражений дополнительные смыслы, передают и эмоции.

К их числу можно отнести: частицу ЖЕ (нетерпение, удивление):

(24) Откройте же дверь,

частицу ДА, которая в зависимости от значения (а также от контекста и интонации) способна передавать и негодование:

(25) Да зачем ты говоришь такую чушь и положительные эмоции

(26) Да я с ним одной левой справлюсь!, но также и безразличие, презрение:

(27) Да что там с ним разговаривать.

Примерно такая же двойственность в передаваемых эмоциях наблюдается и у частицы НУ. Это может быть нетерпение:

(28) Ну когда же всё закончится?, восхищение:

(29) Ну это замечательно или гнев:

(30) Ну это переходит все границы и, напротив, равнодушие:

(31) Ну не стоит так переживать.

В целом, как показано в [11], усилительные и модальные частицы способны участвовать в выражении огромного спектра разнообразных эмоций. В большинстве случаев эти же эмоции одновременно выражаются и другими средствами: интонацией, оценочной лексикой, порядком слов и восклицательным типом предложения. Однако и собственно частицы вносят свой вклад, который можно связать с апелляцией к определенным типам отношений между говорящим и адресатом, передаваемым частями.

Так, негодование в примере (25) с частицей ДА следует связать с передачей этой частицей оттенка «слушавший должен это понимать», что может сопровождаться негативной эмоцией от того, что слушавший не понимает. Поскольку эмоции при этом могут быть различными в зависимости от обстоятельств (что и передано контекстом), подобное раздражение способно передавать и презрение к называемому. С другой стороны, смысл «слушавший должен это понимать» может соответствовать значению безусловности, см. (26), что в условиях передачи другой частью высказывания положительной оценки усиливает ее степень и соответствующую ему эмоцию.

Заметим, что эмоциональные составляющие могут вноситься и другими служебными словами, например, вводными:

(32) Он меня буквально измучил,

в которой буквально используется для придачи негативного оттенка, а также союзами. Например, союз ДА нередко встречается (вместо более привычных И и НО) в предложениях с отрицательной окраской:

(33) Пошел бы да сам всё сказал.

Однако необходимо отметить, что здесь вклад в аффективную составляющую представляется существенно более слабым.

4. Взаимодействие с содержанием разных компонентов модальной рамки

Описание служебных слов связано с их взаимодействием с различными компонентами смысла сообщений. Это было высвеченено при обращении к понятию коннекторов [8]. Но в целом было известно и ранее. Например, именно на этом феномене был построен шуточный диалог:

(34) *Ты дурак. – Почему? – Ну не знаю, наверное, таким уродился.*

Юмор – как это нередко бывает – заключался в неправильном понимании двусмысленного вопроса «Почему?», который у второго участника должен был означать «Почему ты так утверждаешь?», т. е. относиться к модальной рамке или, как сейчас говорят, к иллокутивному слою сообщения. Обращение к этому слою отмечается и при употреблении частиц, ср.:

(35) *Он-таки женился (хотя долго сомневался)*
и

(36) *Он-таки женился, слухи подтвердились.*

Переход от рассмотрения классических союзов, использование которых более или менее регламентировано, к другим средствам связи, трактуемым как коннекторы [23], показал, что соединяться могут фрагменты не из одного слоя модальной рамки, а из нескольких. Посмотрим на те элементы смысла сообщения, которые выражаются при помощи таких служебных слов, как союзы (не только подчинительные, но и сочинительные), частицы и вводные слова.

Частицы -ТАКИ, ЖЕ, А, И включают в общее значение апелляцию к известности сообщения и для говорящего, и для слушающего. Иными словами, при общении участники учитывают разницу между уже известной информацией (которую слушающему не нужно вводить в свои представления) и той, которую надо оценивать, принимать – полностью или частично – в свою картину мира.

Частицы ДА, НУ – включают оценку знаний слушающего со стороны говорящего: говорящий представляет сообщение как очевидное для слушающего. При этом НУ включает еще и элемент градации представлений о месте описываемого события в представлениях говорящего (и, как предполагается, слушающего): до какого-то момента (по времени или по условной шкале) говорящий мог согласиться с не Р, но после этого момента утверждает Р:

(37) *Ну об этом ты мог договориться заранее.*

Аналогично место «предела» в представлениях об организации ситуации (ситуативной картины мира) отмечается частицей УЖ (явно происходящей от частицы УЖЕ): до какого-то момента (опять же как временного, так и условного в представлении о мире) могло быть не Р, а теперь Р [15]. Отличие от НУ можно связать с наличием у НУ идеи побудительности, что обеспечивает и более высокую степень настоятельности и эмоциональности.

Представления о ситуации, общие для говорящего и слушающего, проявляются и при употреблении частиц «действического происхождения», т. е. связанных с местоимениями, указательными частицами и наречиями [4, 15]. Например, частица ВОТ – обращение к представлениям слушающего, см. пример (12). Однако эти частицы относят слушающего еще и к ситуации беседы, характеризуя сообщаемое с точки зрения не только известности, но и важности:

(38) *Это типа коня на скаку, там, в горящую избу* (пример НКРЯ).

Здесь частица показывает, что приводится одна из возможных характеристик, и конкретно она не важна.

Близким к этим оказываются возможности, связанные с разворачиванием повествования:

(39) *Лафет, мне вот тут подумалось, а может Вам стоит рискнуть в 2012 году баллотироваться в президенты, тогда бы все могло решиться практически мирным путем. В общем, ладно, хотите к нам – приезжайте, мы же живем как-то здесь. Я тут недавно за городом была – чудо! красота!* (пример НКРЯ).

Мне тут… – способ начала сообщения, ввода в пространство описания (или в передаваемый смысл). А второе употребление частицы ТУТ в этом примере – введение в новый фрагмент смысла, служащий для иллюстрации сказанного и потому не связанный собственно с продолжением сюжета.

При разворачивании повествования нередко возникает потребность в дополнительной маркировке темы, ремы или их частей, не совпадающих с обычными свойствами этих компонентов. Членение на тему и рему осуществляется на разных основаниях. Тема высказывания показывает, к чему относится сообщение, т. е. отмечает фрагмент смысла, к которому нужно будет «прикрепить» содержание высказывания. А прикрепляемое содержание и объявляется ремой. В принципе возможны – и случаются на самом деле – случаи, когда один и тот же фрагмент смысла по одним основаниям (связь с известным, с содержанием ближайшего предшествующего фрагмента) должен быть темой. И в то же время именно его содержание оказывается наиболее важным для сообщения, т. е. его следует сделать ремой [3]. Для маркировки темы с отдельными рематическими характеристиками (важность, противопоставление, привлечение внимания) используется частица -ТО, а если у ремы нет свойства передачи нового, может использоваться частица И:

(40) *Обсуждали поездку на отдых. Тищенки предложили Анталью. Туда-то мы и поехали.*

Слово Анталья – содержит основную информацию (куда поехали) и в то же время она упомянута в предыдущем предложении и слово туда, относящееся к ней, должно быть и темой тоже.

Таким образом, частицы способны взаимодействовать (или передавать) те смыслы, которые в

обычной ситуации оказываются избыточными, понятными, однако в какой-то момент для слушающего могут быть неочевидны (мысль П.Б. Паршина, высказанная в 1998 г.) Частицы способны влиять на представления слушающего о новизне-известности, о содержании ситуации и организации ее с точки зрения участников (предел, о степени актуализации, введении в ситуацию, оправдании неканонического выбора темы и ремы).

На понимание сообщения влияют и вводные слова, причем в большинстве случаев их значение напрямую связано с метатекстовым компонентом смысла высказывания: как отмечено в статье Н.И. Кручининой в Большой российской энциклопедии, «посредством В.с. осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения». Как правило, эмоциональная (к счастью, к сожалению) и дискурсивная (связанная с порядком изложения и его автором: во-первых, по-моему, по слухам) выражены достаточно эксплицитно. Однако целый ряд слов, по синтаксическим признакам относимым к вводным, выражают (нередко наряду с указанными) и другие функции. Рассмотрим несколько таких слов.

В первую очередь, обратим внимание на распространение наречий (нередко относимых к вводным словам) со значением «на самом деле»:

(41) *Спилберг реально талантливый мастер*
(пример НКРЯ)

(42) *Впервые в России тарифы на услуги естественной монополии будут реально снижены!*
(пример НКРЯ)

(43) *Присоединюсь к Лафету... Вы действительно по-своему обаятельно-забавный...* (пример НКРЯ)

В функции вводных слов они имеют своей сферой действия предшествующий текст (и более широкий контекст (43)), а также модальную рамку высказывания, а именно ту часть, которая соотносится с фрагментом смысла, который отвечает за предицирование (т. е. утверждение, что нечто имеет место).

У вводных слов с общим значением «на самом деле» возникают и другие оттенки значения, связанные с противопоставлением, чего у других единиц нет. Имеется и более широкое употребление, когда в контексте не имеется ничего, что могло бы ставить реальность под сомнение (41), однако говорящий как бы заранее отмечает возможные сомнения, и вводное слово получает значение усиления достоверности сообщения.

Таким образом, вводные слова (адвербиалы) тоже апеллируют к представлениям участников общения, в частности, к метасмыслу, оценивающему соответствие сказанного реальности. Этот смысл возникает при разделении естественно совпадающего смысла модальной рамки «нечто имеет место» и «говорящий утверждает, что нечто имеет место». Таким образом, вводные слова оказываются инструментом, в значительной степе-

ни оперирующим с фрагментами смысла высказывания, составляющими представления слушающего: утверждение *об истинности (реально, буквально)*, противопоставлении предшествующему (*вообще-то, в сущности*). В отличие от частиц здесь идет апелляция к более наблюдаемым компонентам смысла, чем у частиц. Однако в некоторых случаях возможны пересечения, и функции таких вводных слов, как *собственно*, продвигаются дальше, к отрицанию предположений о мнении собеседника.

Полный переход от полнозначного наречия к вводному слову, а затем к частице можно наблюдать на примере немецкого *eigentlich* «собственно». Для *eigentlich* постулируется переход к новой теме или попутному вопросу [22]. Для русского слова *собственно* это еще более распространенное использование: оно возможно не только с вопросом, но и с утвердительными предложениями. И действительно, ряд употреблений слова *собственно* очень близок к употреблениям частиц:

(44) *О чём, собственно, речь?*

и

(45) *О чём именно речь?*

Заметим, что в английском языке, в котором мало модальных частиц, к их число нередко [21] относят адвербиалы *actually, in fact* и др. [6].

Союзы тоже влияют на понимание (так что их значение становится частью номинативного смысла высказывания). Добавление информации И: подобное и следующее, А – новое, НО – противоречие, ДА – просто добавление без включения в логику изложения.

5. Служебные и полнозначные слова

Мы рассмотрели несколько типов служебных слов, причем некоторые из них – вводные слова, а иногда и частицы (просто, именно, прямо, как раз) оказывались весьма близки к полнозначным как по происхождению, так и по семантике. Мы отметили принципиальное отличие служебных слов от полнозначных: необходимость взаимодействия с контекстом для правильного и осмысленного использования. Это заставило нас ввести более сложную модель словарной статьи, учитывающую функции и общее значение служебного слова, без чего не удавалось учесть различия между значениями слов, выполняющих одну и ту же функцию.

Однако насколько такая модель является не применимой к полнозначным словам? Общее значение полнозначного слова нередко тоже может быть выделено. Достаточно часто в этом качестве выступает главное значение (обычно подаваемое первым). Значительная часть прочих значений может рассматриваться как выводимые из него [12]. Подобные процедуры не очень распространены, так как достаточно значительная денотативная часть значений полнозначного слова (чего не хватает у служебных) позволяет описывать значения и сами по себе. Однако в некоторых моделях такие

операции по выводимости используются [5] и позволяют несколько иначе представить структуру лексического значения, соотношение узуса и нормы, внутренней формы слова.

Понятие функции тоже – в несколько измененном виде – приложимо к полнозначным словам. Так, модель речепорождения, речевого *общения в целом в той или иной степени должно опираться на выбор языковых единиц*, необходимых для отражения некоторого фрагмента реальности. Для этой цели можно формировать группы, примерно соответствующие лексико-семантическим группам (ЛСГ), когда объединяются не только синонимы, но и конверсины, гиперонимы и другие единицы, способные участвовать в передаче требуемого смысла. Эти группы формируются в рамках преподавания иностранного языка (правда, туда еще включают и паронимы, омонимы – всё, что представляет трудность при изучении). Основная задача преподавателя – показать разницу этих слов и словосочетаний, чтобы обеспечить правильный выбор единицы при выражении намерения, общего для всех этих единиц. В этом случае у обучаемых нужно сформировать представление о том намерении, которое и должно быть выражено при помощи нужного в данной ситуации слова. Оно может быть приблизительно сформулировано как доминанта синонимического ряда (*приехать, пребыть, появиться, доехать... – «прибыть»*). Можно применить огрубленное толкование (*учиться, заниматься, изучать – «приобретать знания»*). В целом мы видим общее для функции служебных слов, объединяющих различные средства ее выражения, и у «ключевого смысла» лексико-семантической группы: это «вход» для действий говорящего по выбору нужной единицы.

Итак, явления, выделенные нами при описании служебных слов, оказываются применимы в лексической семантике и по отношению к полнозначным словам.

Выводы

Приведенные в статье данные показывают, что обращение к служебным словам (по крайней мере, некоторым их классам) позволяют обнаружить или хотя бы уточнить некоторые аспекты организации языковых механизмов. В частности, описание содержания и условий употребления частиц, союзов, междометий, вводных слов заставляет несколько изменить представление об отражении содержания языковой единицы: приходится разводить выполняемые функции (обычно подаваемые в толковых словарях как значения) и собственно значения. Причем значения (частные) более или менее очевидным образом можно связать с общим значением, выделяемым для каждой лексемы. Такой подход позволяет объяснить, почему при выполнении сходных функций (усиления, выражения причины и т. п.) служебные слова не являются взаимозаменимыми.

Для полнозначных слов тоже возможно выделение аналогов функций – обобщенного фрагмента смысла, который мог бы служить отправной точкой при отборе подходящих средств выражения замысла говорящего.

Особое внимание в работе уделяется использованию служебных слов: частиц, вводных слов, союзов – для управление пониманием сообщения. Отмечается их использование для привязки сообщения к представлениям о положении дел, уже имеющимся у адресата, причем это касается не только соотношения наименований и объектов (референции), но и событий и действий (что связано с частицей ВОТ). Показывается роль уточнений средствами как вводных слов (БУКВАЛЬНО, СОБСТВЕННО), так и частиц (ИМЕННО, И) при передаче содержания средствами номинации, допускающей несколько расширенное толкование.

Таким образом, мы видим, что разные типы служебных слов по-разному влияют на деятельность адресата, хотя часто встречаются и пересечения. Союзы чаще всего эксплицитно выражают отношения между событиями (т. е. соотносятся с пропозициональным уровнем). Однако и они могут включать в сферу действия уровень иллокуции. В наибольшей степени это верно для простых сочинительных союзов.

Частицы (модальные, усиливательные) модифицируют пресуппозиции в отдельных высказываниях и текстах в целом. Частицы добавляют pragматическую информацию, делая представления об организации сообщения более определенным. Этим они предотвращают ложные импликатуры.

Вводные слова (адвербиалы) связаны с иллокутивным и метатекстовым уровнями сообщения, они уточняют соотнесение высказывания с отражающим представлением, причем в некоторых случаях (подтверждение достоверности, предотвращение возможных выводов) употребления адвербиалов и частиц сближаются.

Нельзя не признать, что некоторые обозначенные здесь аспекты описания служебных слов не вполне проработаны, часть проблем (в первую очередь, функциональное различие между частицами и вводными словами) только поставлены. Вместе с тем предложенные в статье подходы позволяют сделать вывод о том, что именно служебные слова открывают возможности описания некоторых свойств языка и основанной на нем речевой деятельности, что при других подходах оказывается не столь очевидным. Таким образом, общий вывод из статьи можно сделать следующий: описание служебных (функциональных) слов, в том числе в сопоставлении разных их классов, оказывается важной (хотя и сложной) частью лингвистического описания. Причем получаемые результаты и предлагаемые модели описания могут оказаться полезными для семантики и pragmatики в целом.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Активный словарь русского языка: Т. 1–2, А–Г / Ю.Д. Апресян (отв. ред.). М., 2014.
2. Акопян К. Нетривиальные вопросы семантики и pragmatики диалогической частицы *ведь* // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века: Материалы международной научной конференции / Общ. ред: П.Б. Балаян. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2001. С. 12–19. https://www.researchgate.net/publication/314521417_Net trivialnye_voprosy_semantiki_i_pragmatiki_dialogiceskoj_casticy_ved [accessed Jan 07 2025].
3. Борисова Е.Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкоznания. 1990. № 2. Т. 48. С. 351–364.
4. Борисова Е.Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 147–151.
5. Борисова Е.Г. Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики. М.: ФЛИНТА, 2021. 196 с.
6. Борисова Е.Г. Есть ли частицы в английском языке? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 25–37.
7. Володин А.П., Храковский В.С. Опыт анализа семантико-сintаксических свойств усилительной частицы ЖЕ (Ж) в императивных конструкциях // Семантика служебных слов. Пермь: ПГУ, 1982. С. 23–33.
8. Инькова О., Манзотти Э. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 11–90.
9. Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 147–176.
10. Кобозева И.М., Щедрина Н.С. Дискурсивные единицы «собственно» и «фактически» как средство манипуляции представлениями адресата // Эффективность коммуникации: Сборник статей по итогам междисциплинарной конференции 22–23 апреля 2008 г. / сост. Е.Г. Борисова. М.: МГПУ, 2008. С. 95–100.
11. Купоросов П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 169 с.
12. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
13. Левонтина И.Б. Об одной загадке частицы ВЕДЬ // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог2005». <http://www.diaiog-21.ru/Archive/2005/Levontina%20I/LevontinaI.htm>
14. Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. М.: Флинта, 2024. 320 с.
15. Овчинникова Т.Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. М., 2009. 173 с.
16. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред.: Е.А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.
17. Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 422 с.
18. Стародумова Е.А. Параметризация описания частиц и опыт их словарного представления // Форма и содержание единиц языка и речи. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 157–167.
19. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Франкфурт на Майне, Peterlang, 1999. 147 с.
20. Юань С. Частица «как раз» в лексикографическом представлении и материалы для дополнения её словарной статьи // Litera. 2021. № 10. URL: https://nppublsh.comlibrary_read_article.php?id=36595
21. Aijmer K. Analyzing Modal Adverbs as Modal Particles and discourse markers. // Discourse Markers and Modal particles. Categorization and description / Eds.: Liesbeth Degand, Bert Cornille and Paola Pietrandrea Amsterdam Philadelphia, John Benjamins. 2013, P. 89–106. (проверить)
22. Helbig G., Helbig A. Deutsche Partikeln – richtig gebraucht? Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N.Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995. 224 p.
23. Tsunoda T. Levels of clause linkage. Mouton de Gruyter, 2018. 906 p.

References

1. Apresyan Yu.D. *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka*: Т. 1-2, А-Г. [Active Dictionary of the Russian Language]. Ed. Yu.D. Apresyan. Moscow, 2014.
2. Akopyan K. Netrivial'nye voprosy semantiki i pragmatiki dialogicheskoy chastyi ved' [Non-trivial questions of semantics and pragmatics of the dialogical particle *after all*]. *Russkij jazyk i literatura v nauchnoj paradigme XXI veka: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. [Russian language and literature in the scientific paradigm of the 21st century: Proceedings of the International scientific conference]. Ed. P.B. Balayan. Erevan: EGU Publ., 2011 p. 12–19. https://www.researchgate.net/publication/314521417_Net trivialnye_voprosy_semantiki_i_pragmatiki_dialogicheskoy_chastyi_ved [accessed Jan 07 2025].
3. Borisova E.G. [Reflection of the communicative organization of the utterance in the lexical meaning]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1990. Vol. 48, no. 2, pp. 351–364. (in Russ.)
4. Borisova E.G. [Speech orientation as a category of receptive linguistics]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2015, no. 2, pp. 147–151.

-
5. Borisova E.G. *Interaktivnyj podhod k opisaniyu leksiki i grammatiki* [An interactive approach to describing lexis and grammar]. Moscow: FLINTA Publ., 2021. 196 p.
6. Borisova E.G. Est' li chasticy v anglijskom yazyke? [Are there particles in the English language?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Linguistics and Cross-Cultural Communication]. 2023. №1. P. 25–37.
7. Volodin A.P., Hrakovskij V.S. [Experience of analysis of semantic and syntactic properties of the intensifying particle ЖЕ (Ж) in imperative constructions. *Semantika sluzhebnyh slov* [Semantics of Function Words]. Perm', PGU Publ., 1982, pp. 23–33. (in Russ.)
8. In'kova O. Logiko-semanticheskie otnosheniya: problemy klassifikacii [Logico-semantic relations: problems of classification]. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Text coherence: mereological logical-semantic relations]. Moscow: Izdatel'skij dom YaSK, 2019, pp. 11–90.
9. Kobozeva I.M. Problemy opisaniya chastic v issledovaniyah 80-h godov [Problems in participles description in research of the 80-s]. *Pragmatika i semantika* [Pragmatics and Semantics]. Moscow: INION AN SSSR Publ., 1991. C. 147–176.
10. Kobozeva I.M., Shchedrina N.S. [Discursive units “actually” and “in fact” as a means of manipulating the addressee’s ideas]. *Effektivnost' kommunikacii: Sbornik statej po itogam mezhdisciplinarnoj konferencii 22–23.04.2008* [Effectiveness of Communication: Collection of papers from the interdisciplinary conference, April 22–23, 2008]. Moscow, 2008, pp. 95–100. (in Russ.)
11. Kuporosov P.A. Semantika emocional'no-ekspresivnyh chastic sovremennoj russkoj yazyka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Semantics of emotional-expressive particles of the modern Russian language: diss. ... cand. philological sciences]. Moscow, 2008. 169 p.
12. Kustova G.I. *Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language extension]. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury, 2004. 472 p.
13. Levontina I.B. [About one mystery of the particle VED]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii po komp'yuternoj lingvistike i intellektual'nym tekhnologiyam “Dialog2005”* [Proceedings of the international conference on computer linguistics and intellectual technologies “Dialogue 2005”]. Moscow, 2005. (in Russ.) <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Levontina%20I/LevontinaI.htm>
14. Norman B.Yu. Grammatika slushayushchego [Listener's grammar]. Moscow: Flinta, 2024. 320 p.
15. Ovchinnikova T.E. *Prostranstvennaya metafora v semantike modal'nyh chastic dejklicheskogo proiskhozhdeniya* [Spatial metaphor in the semantics of modal particles of deictic origin. Diss. kand. filol. nauk]. 2009.
16. *Slovar' sluzhebnyh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Functional words of the Russian Language]. Ed.: E.A. Starodumova. Vladivostok: Izd-vo GUP “Primpoligrafkombinat”, 2001. 363 p.
17. *Slovar' strukturnyh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Structural Words in the Russian Language]. Ed. by V.V. Morkovkin. Moscow, Lazur', 1997. 422 p.
18. Starodumova E.A. [Parameterization of particle description and experience of their dictionary representation]. *Forma i soderzhanie edinic yazyka i rechi* [Form and content of units of language and speech]. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. P. 157–167. (in Russ.)
19. Shimchuk E., Shchur M. *Slovar' russkih chastic* [Dictionary of Russian Particles]. Ed. V. Gladrova. Frankfurt na Majne, Peterlang, 1999.
20. Yuan' S. [The particle “just” in lexicographic representation and materials for supplementing its dictionary entry]. *Litera*. 2021. № 10. (in Russ.) DOI: 10.25136/2409-8698.2021.10.36595. URL: https://nbpublsh.com/library/_read_article.php?id=36595
21. Aijmer K. Analyzing Modal Adverbs as Modal Particles and discourse markers. In *Discourse Markers and Modal particles. Categorization and description/* Liesbeth Degand, Bert Cornille and Paola Pietrandrea eds. Amsterdam Philadelphia, John Benjamins, 2013, pp. 89–106.
22. Helbig G., Helbig A. Deutsche Partikeln – richtig gebraucht? Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-N.Y.: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1995. 224 p.
23. Tsunoda T. Levels of clause linkage. Mouton de Gruyter, 2018.

Информация об авторе

Борисова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, заведующий кафедрой теоретической лингвистики, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, egorisova@gaugn.ru

Information about the author

Elena G. Borisova, Doctor (Philology), Professor, Professor of Germanistics, Moscow City University, Moscow, Russia; Head of Theoretical linguistics Chair, State Academic University for Humanities, Moscow, egorisova@gaugn.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2025.

The article was submitted 11.03.2025.

ФОРМА ХОРОШ В РАМКАХ РЕЧЕВОГО АКТА ДИРЕКТИВА

N.V. Богданова-Бегларян, n.bogdanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются неадъективные употребления формы ХОРОШ, как изолированные (*Хорош, не надо больше об этом говорить*), так и в составе конструкции <ХОРОШ + Inf!> (*Хорош болтать!*!), которые реализуют в повседневном устном дискурсе речевой акт (РА) директива (просьбы, мольбы или настоятельного требования) и в таком качестве пока не замечены академической лексикографией. На примере контекстов из двух речевых корпусов (устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» – ОРД) показаны все особенности таких употреблений: общая их экспрессивность, вплоть до грубости и нецензурности, использование дополнительных средств выражения данного РА (усилительные частицы (*да, ну, а ну-ка давай*), глагольные императивы (*прекрати, перестань, успокойся, не кричи*), нейтральный синоним *хватит*, слово *всё* в той же директивной роли и под.), преобладание изолированных употреблений – на фоне конструкций, а также употреблений данной формы в квазиспонтанной (придуманной сценаристами) речи кино – на фоне реальной спонтанной речи носителей языка. Корпусные данные подкреплены в работе данными проведенного лингвистического опроса, а сделанные наблюдения и выводы могут быть полезны не только в теоретическом отношении (коллоквиалистика как теория разговорной речи и грамматика речи), но и во многих прикладных аспектах лингвистики (лингводидактика, практика перевода, автоматическая обработка естественной речи, создание/совершенствование систем искусственного интеллекта и др.).

Ключевые слова: разговорная речь, речевой корпус, речевой акт, директив, конструкция, грамматика конструкций, лингвистический опрос, коммуникативная ситуация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и pragmaticальном аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В. Форма *хорош* в рамках речевого акта директива // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 29–35. DOI: 10.14529/ling250203

Original article
DOI: 10.14529/ling250203

FORM KXOROSH WITHIN THE DIRECTIVE SPEECH ACT

N.V. Bogdanova-Beglarian, n.bogdanova@spbu.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines non-adjectival usages of the form *KHOROSH*, both isolated (*Khorosh, ne nado bol'she ob etom gorovit'*) and as part of the construction <*KHOROSH + Inf!*> (*Khorosh boltar'!*), which implement the directive speech act (SA) (request, plea or urgent demand) in everyday oral discourse and in this capacity not yet been noticed by academic lexicography. Using the example of contexts from two speech corpora (the oral subcorpus of the Russian National Corpus and the Russian corpus of everyday communication “One Speech Day” – ORD), all the features of such usages are shown: their general expressiveness, up to rudeness and obscenity; the use of additional means for expressing the directive SA (amplifying particles (*da, nu, a nu-ka davay*), verbal imperatives (*prekrati, perestan', uspokoyysya, ne krichi*), the neutral synonym *khvitat*, the word *vso* in the same directive role, etc.); the predominance of isolated uses compared to constructions; and the usages of this form in quasi-spontaneous (scripted) speech in films compared to real spontaneous speech of native speakers. The corpus data are supplemented by the results of the conducted linguistic survey. The obtained observations and conclusions may be useful not only in theoretical terms (colloquialisms as a theory of colloquial speech and grammar of speech), but also in many applied aspects of linguistics (applied linguistics, translation practice, natural language processing, development/improvement of artificial intelligence systems, etc.).

Keywords: colloquial speech, speech corpus, speech act, directive, construction, grammar of constructions, linguistic survey, communicative situation

Acknowledgments: The research was supported by the grant from the Saint Petersburg State University (No. 124032900006-1).

For citation: Bogdanova-Beglarian N.V. Form KXOROSH within the directive speech act. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):29–35. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250203

Настоящая статья представляет результаты исследования одного речевого явления, достаточно частотного в устном повседневном дискурсе и знакомого всем говорящим на русском языке как родном. Без таких «точечных» (пословных) исследований функциональных единиц устной речи невозможно сложить полномасштабную картину жизни языка нашего повседневного общения, необходимость которой в самых разных аспектах трудно переоценить. Так, «вряд ли требует аргументации тот факт, что современное языкознание уже давно главным объектом своего внимания сделало живую речь человека с учетом всех его индивидуальных – социальных и психологических – особенностей, в этой речи отражающихся» [9, с. 11]. Родилось даже особое направление, изучающее эту живую речь во всех формах ее бытования – *коллоквиалистика* [12]. Уже 100 лет назад именно «живые языки (разрядка автора. – Н. Б.-Б.) во всем их разнообразии» И.А. Бодуэн де Куртенэ называл главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» – «материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» [6, с. 103]. И это вопреки тому, что примерно в то же время ученые сетовали, что «...поскольку речевая деятельность в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению, лингвисту приходится считаться с писанными текстами как с единственными источниками в отношении наречий, отделенных во времени или в пространстве» [13, с. 32] (см. также [5, с. 45; 7, с. 297]). Коллоквиалистика и корпусная лингвистика дали в руки лингвистам замечательное орудие для изучения живой речи – речевые корпусы.

В нашем случае объектом «точечного» исследования стала форма ХОРОШ, способная, в числе прочего, реализовать в дискурсе речевой акт директива.

Словарные данные и источники материала

Форма ХОРОШ в русской речи всегда выступает в функции предиката, реализуя два типа значения:

- адъективное в двух разновидностях [1, с. 621]:
 - прямое (*он хороши*) (54 % употреблений в пользовательском подкорпусе),
 - переносное, энантиосемическое (*O!... хороши/ подлец!*) (14 %),
- неадъективное – ‘хватит, достаточно’ (*хороши трепаться!*) [4, с. 428] (28 %).

Последнее (неадъективные употребления) и стало объектом внимания в настоящем исследовании. Такое значение формы ХОРОШ свойственно исключительно разговорной речи и, в отличие от адъективных употреблений, формирует в устном дискурсе речевой акт (РА) директива [11]. Именно такой материал привлекает внимание, в частности, с позиций грамматики конструкций (CxG) [16], так как выявляет не только изолированную форму-требование (*Хороши!* = ‘хватит’), но и конструкцию <ХОРОШ + InfI>, которая конкретизирует, что именно надо прекратить делать собеседнику.

Предлагаемое исследование выполнено на материале двух речевых корпусов: устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2] (основной материал, большая часть пользовательского подкорпуса) и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [3] (весома незначительная часть пользовательского подкорпуса). Полученные данные проверены и подкреплены результатами проведенного лингвистического опроса.

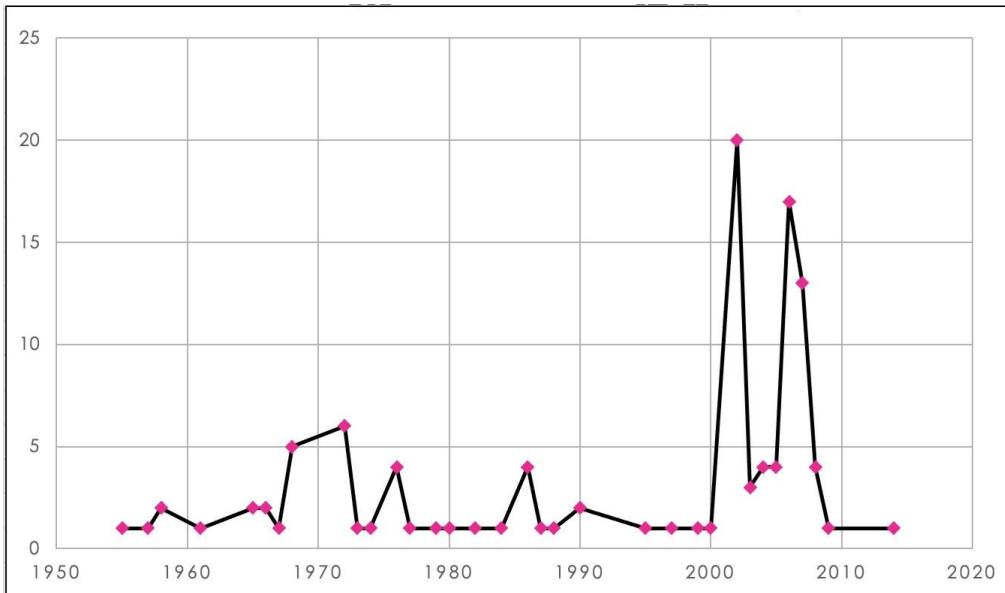
Неадъективные употребления формы ХОРОШ: корпусные данные

Анализ корпусного материала показал, что неадъективных употреблений формы ХОРОШ в русском обиходном дискурсе менее трети (28 % пользовательского подкорпуса), фиксируются они в УП НКРЯ с середины XX века, пик их активности пришелся на первое десятилетие XXI в., и сейчас наблюдается явное снижение употребительности (см. рисунок).

Анализ материала с убедительностью показал, что неадъективные употребления формы ХОРОШ свойственны в основном речи кино, т. е. не реальной повседневной речи носителей языка, а, скорее, представлениям сценаристов об этой речи: такие контексты составили более 83 % пользовательского подкорпуса.

Одиночное ХОРОШ в значении ‘хватит, достаточно’ выявляет это неадъективное значение только в контексте, чему часто помогают усилиительные частицы, нейтральный синоним *хватит*, форма императива или слово *всё*, также формирующее РА-директив (в контекстах ниже все эти «помощники» подчеркнуты), ср.:

- (1) *Левей/ левей/ левей/ стоп! Ещё/ ещё!*
Хороши! Готовься! [УП; Адмирал Ушаков, к/ф (1955)] (первая фиксация в корпусе);
- (2) *Блин / да хороши уже / пацаны / а!* [УП; Жара, к/ф (2006)];
- (3) *Саша / всё-всё-всё. Хороши / успокойся / Саш* [УП; День выборов, к/ф (2007)];

Распределение по годам вхождений формы ХОРОШ в неадъективном употреблении (УП НКРЯ)

(4) *Макс/ прекрати. Всё/ хороши* [УП; День выборов, к/ф (2007)];

(5) *Так/ Лёш/ хватит/ хватит/ ну! Хороши!* [УП; День радио, к/ф (2008)];

(6) *Всё. Я думаю / хороши / хватит бреда... на четыре минуты* (смех) [УП; Монолог девушки (2014)] (последняя фиксация в УП);

(7) *Куда ты мне тридцать восемь ног пришил / я и так уже бегать не могу / хороши* [ОРД].

По примерам хорошо видно, что говорящему (точнее – сценариству, создающему эту *квазиспонтанную речь*¹) явно не хватает одного языкового средства, чтобы выразить свое требование: он сознательно усиливает это требование, используя порой до 4 разных средств (3).

Конструкция <ХОРОШ + Inf!: корпусные данные

Конструкция <ХОРОШ + Inf!> в роли того же РА представлена в пользовательском подкорпусе материала исследования весьма скромно (5 %), но очень разнообразно. Так, на месте инфинитива частотны эмоциональные разговорные, жаргонные, сниженные, неодобрительные, грубые и даже нецензурные глаголы (*заливать, базарить, жрать, лаяться, выпендриваться, орать, трепаться*), встречаются в этой позиции устойчивые и столь же жаргонные устойчивые словосочетания (*мокруху kleить, выуживать информацию*), в ка-

честве контекстных «соседей» используются обращения, частицы, семантически обесцвеченное личное местоимение *ты*, сп.:

(8) *А ну-ка/ ну-ка/ ну-ка/ ну-ка... Хороши/ братишка/ есть! А ну-ка давай/ слушай/ на песочке* [УП; Ваш сын и брат, к/ф (1965)] (первая фиксация в корпусе);

(9) *Да хороши ты жрать!* [УП; Бумер, к/ф (2002)];

(10) *Да хороши орать уже!* [УП; Изображая жертву, к/ф (2006)];

(11) *Слушай/ давно говорю тебе/ завязывай! Хороши думать!* [УП; Телефонный разговор (2007)];

(12) *Хороши оратьсяся/ ладно/ мне/ короче/ пора/ желаю удачи!* [УП; Разговор друзей (2006)];

(13) *Ну/ народу много... хотя/ его всегда много... Ладно/ хороши трепаться / я побежала. Пока* [УП; Телефонный разговор (2006)];

(14) *Хороши умничать.* Ты же видишь в камеру [УП; Даже не думай, к/ф (2002)];

(15) *Не надо, пожалуйста// Пошлите/ Хороши сидеть/ нечего* [УП; Разговоры в компании накануне отъезда после отдыха на острове на Волге (2002)];

(16) *ну какая тебе разница? ну хороши уже из меня выуживать информацию!* [ОРД].

Примеры демонстрируют, что конструкция <ХОРОШ + Inf>, в отличие от одиночной формы ХОРОШ, встречается не только в квазиспонтанной речи кино, но и в реальной спонтанной речи. При этом и ей зачастую требуются «помощники» для выражения того или иного требования.

Обнаружился в корпусном материале и интересный пример (всего 0,3 % от объема пользовательского подкорпуса), где вместо инфинитива

¹ Речь кино, вне всякого сомнения, отличается от живой повседневной речи, но создает иллюзию разговорности, спонтанности общения; *кинодиалогу*, по мнению исследователей, присуща некая двойственность: «он не спонтанный, но должен казаться таковым; он фиксирован, но должен казаться таким же эфемерным, как и речь, которую он имитирует» [8]. В любом случае речь кино является лишь «приближенным отображением спонтанного разговора» [14].

использовано имя существительное в В. п., а вся конструкция обозначает тот же РА-директив:

(17) *Хорош базар/ пошли лучше пиво пить* [УП; Связь, к/ф (2006)].

Этот пример обнаружился также в квазиспонтанной речи кино, и оба выявленных варианта вполне могут быть представлены одним и тем же типом конструкции: <ХОРОШ + X!>, где в позиции переменной (слота X) может выступать и инфинитив, и имя существительное.

Лингвистический опрос: анализ данных

Неадъективные употребления формы ХОРОШ можно квалифицировать как результат процесса грамматикализации, в ходе которого «одно грамматическое превращается в другое грамматическое», или слово из одного грамматического класса переходит в другой класс (см. о грамматикализации подробнее [10, 15, 17–21]).

Оба варианта РА директива – ХОРОШ и <ХОРОШ + Inf!> – выступают преимущественно в негативных коммуникативных ситуациях (недовольство, раздражение, ссора, желание прекратить разговор и т. п.). Для проверки вывода о том, что данные единицы больше характерны не для реальной речи, а для имитирующей ее квазиспонтанной речи кино, в ходе исследования был проведен лингвистический опрос (на платформе Google Forms)². В опросе приняли участие 70 респондентов: 16 мужчин и 54 женщины в возрасте от 18 до 65+ лет.

Респондентам были предложены 6 коммуникативных ситуаций, в которых они должны были попросить своего собеседника или человека рядом сделать или не делать чего-либо и при этом использовать *не более двух слов*.

1. Раздражение. Представьте, что находящийся рядом с вами человек делает что-то раздражающее (например, стучит пальцами по столу). Остановите его.

2. Не ври! Представьте, что ваш собеседник врет вам, и вы это знаете. Попросите его перестать это делать, выразите свое недоверие.

3. Успокойся. Представьте, что ваш собеседник сильно взъярен. Попросите его перестать нервничать, успокойте его.

4. Конец разговора. Представьте, что вы разговариваете по телефону и чувствуете, что вам пора заканчивать беседу и идти заниматься другими делами. Оповестите собеседника об этом.

5. Ссора. Представьте, что ваши друзья ссорятся и кричат друг на друга. Попросите их прекратить перепалку.

6. Шумные дети. Представьте, что ваши дети/младшие братья и сестры бегают и кричат в общественном месте, мешая другим людям. Попросите их прекратить это делать.

Результаты опроса оказались таковы. Рассмотрим все 6 ситуаций.

Ситуация 1 – Раздражение

- Наиболее частотные варианты:
 - *перестань* (35 ответов; 50 % от общего количества респондентов),
 - *прекрати* (16; 23 %),
 - *хватит* (изолированно или в составе конструкции *может, хватит?* – 10; 14 %).

- Форма ХОРОШ встретилась лишь в одном варианте: *ну харэ* (муж., 25–34).

Ситуация 2 – Не ври!

- Самые частотные варианты:
 - конструкция *<не + [...]>* (чаще всего – императив глагола) (20; 29 %),
 - *хватит* (изолированно/с «соседями» или конструкция с инфинитивом) (17; 24 %),
 - ироничное *да ладно!* (9; 13 %)
- Конструкция <ХОРОШ + Inf!> встретилась 3 раза (4 %):
 - *Хорош врать* (жен., 45–54),
 - *Хорош заливать* (муж., 35–44),
 - *Хорош n***еть* (муж., 18–24).
- Встретился и вариант с *харэ*: *харэ n***еть* (жен., 18–24).

Ситуация 3 – Успокойся

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Частотные ответы:
 - *успокойся* (24; 34 %),
 - *не + [...]* (18, 26 %),
 - *всё хорошо* (9; 13 %).

Ситуация 4 – Конец разговора

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Варианты:
 - *пора* (изолированно), *мне пора, пора +* инфинитив (28 суммарно; 40 %),
 - *перезвоню* (7; 10 %),
 - *пока!* (5; 7 %).

Ситуация 5 – Ссора

- Частотные варианты:
 - *хватит* (часто изолированно / с «соседями» или в составе конструкции *может, хватит?* – суммарно 15; 21 %),
 - *прекратите* (9; 13 %),
 - *перестань(те)* (8; 11 %).
 - ХОРОШ – 3 нетипичных варианта, по одному ответу на каждый (3 суммарно; 4 %):
 - *харош* (изолированно и через *a* – жен., 18–24),
 - *хары ср***ся* (жен., 35–44),
 - *харе* (изолированно – жен., 25–34).

Ситуация 6 – Шумные дети

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Частотные варианты:
 - *тихо* (и вариации – *тишие, потишие*; суммарно 14; 20 %),
 - *хватит* (варианты с инфинитивами, например, *ораться/беситься*, или изолированно/с «соседями» – суммарно 12; 17 %),
 - *успокойтесь* (10; 14 %).

² Опрос проведен совместно со студенткой НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) К. Спиридоновой.

Проведенный опрос позволил сделать ряд выводов.

1. Носители языка определенно предпочитают в предложенных коммуникативных ситуациях использовать более нейтральные средства выражать требование, чем ожидаемые употребления ХОРОШ и <ХОРОШ + Inf!>.

2. Форма ХОРОШ в роли РА-директива чаще употребляется в контекстах с отрицательным значением (человек злится на кого-то или показывает свое недоверие по отношению к чужим словам). В ситуации же, когда нужно кого-то успокоить или утешить, респонденты выбирали более эмпатичные и мягкие выражения, старались выразить поддержку и приободрить собеседника.

3. Преобладание одиночного ХОРОШ над конструкцией с инфинитивом можно, по всей видимости, объяснить действием *принципа экономии*, свойственного устной речи.

4. Выявился ряд вариаций формы ХОРОШ: *харэ, хары, харе, харош* – которые, во-первых, свидетельствуют о яркой разговорной специфике и данной формы, и конструкции с ней, а также, во-вторых, о несомненном действии того же *принципа экономии*.

Заключение

Словоформа ХОРОШ, ставшая объектом настоящего «точечного» исследования, во всех своих употреблениях в повседневной речи выступает как предикат. Это грамматикализованная единица,

которая функционирует в устном дискурсе чаще самостоятельно, изолированно, реже – в составе конструкции <ХОРОШ + Inf!>.

В роли РА-директива словоформа ХОРОШ активна лишь в квазиспонтанной речи кино, а конструкция <ХОРОШ + Inf!> в этой же роли малоподходяща в любой устной речи.

Разговорные формы ХОРОШ – *харэ, хары, харе, харош* – подчеркивают экспрессивную окраску и разговорность и формы, и конструкции.

ХОРОШ в роли РА-директива чаще всего употребляется в контекстах с негативным значением: ее употребление связано с недовольством, раздражением говорящего. Экспрессивность данной единицы подтверждается также частым сочетанием формы ХОРОШ с грубой или нецензурной лексикой, а также с инфинитивами разговорных и просторечных глаголов и такими же словосочетаниями.

Рассмотрение устойчивых единиц и конструкций такого (да и любого!) типа важно в разных аспектах: как в теоретическом (выявление максимально широкого круга устойчивых единиц повседневного дискурса и описание их особенностей; построение речевого лексикона и грамматики речи), так и во всех прикладных: лингводидактика (прежде всего – преподавание русского языка как иностранного), практика перевода, автоматическая обработка речи, создание/совершенствование систем искусственного интеллекта и, вероятно, ряд других.

Список словарей и источников

1. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Том IV. С – Я / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru>.
3. ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» [Электронный ресурс] // URL: <https://ord.spbu.ru>.
4. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-общедной речи: в 2 т. Т. 2. О – Я. СПб.: Златоуст, 2017. 533 с.

Список литературы

5. Бодуэн де Куртенэ И.А. О древнепольском языке до XIV столетия // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкоznанию, т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963а. С. 45–46.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкоzнание // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкоzнанию, т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963б. С. 96–117.
7. Бодуэн де Куртенэ И.А. Очерк истории польского языка // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкоzнанию, т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963с. С. 294–310.
8. Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. 2014, № 3. С. 22–25.
9. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
10. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
11. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.

-
12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.
 13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.
 14. Bubel C. The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.
 15. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
 16. Fillmore Ch.J., Kay P. Construction Grammar Course Book. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
 17. Heine B., Reh M. Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. Hamburg: Helmut Buske, 1984. 308 p.
 18. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
 19. Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization: a Programmatic Sketch. Cologne: Universität zu Köln, Institut für Sprachwissenschaft, 1982. 186 p.
 20. Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization. Revised and Expanded Version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. P. 2–30.
 21. Traugott E.C. Pragmatic Strengthening and Grammaticalization // Berkeley Linguistic Society. No. 14. 1988. P. 406–416.

Dictionaries and Sources

1. MAS – Slovar' russkogo jazyka v chetyrekh tomakh. Izd. 2-ye, ispr. i dop. Tom IV. S – YA. / Gl. red. A.P. Yevgen'yeva [Dictionary of the Russian language in Four Volumes. 2nd ed., corr. and add. Volume IV. S – Ya / Ed. A.P. Evgenyeva]. Moscow: Russian Language, 1984. 794 p.
2. NCRL – Natsional'nyy korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian language] [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru>.
3. ORD – Korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshcheniya “Odin rechevoy den” [Corpus of Russian Language of Everyday Communication “One speech day”] [Electronic resource]. URL: <https://ord.spbu.ru>.
4. Khimik V.V. Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi: v 2 t. T. 2. O – Ya [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial and Everyday Speech: in 2 volumes. Vol. 2. O – Ya]. St. Petersburg: Zlatoust, 2017. 533 p.

References

5. Boduen de Curtene I.A. [About the Old Polish Language before the 14th Century]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu jazykoznaniiyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 45–46. (in Russ.)
6. Boduen de Curtene I.A. [Linguistics]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu jazykoznaniiyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 96–117. (in Russ.)
7. Boduen de Curtene I.A. [Essay on the History of the Polish Language]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu jazykoznaniiyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 294–310. (in Russ.)
8. Dukhovnaya T.V. [Film Discourse: Relationship with the Concept of Living Speech Discourse]. *Vestnik Maykopskogo gos. tekhnol. un-ta* [Bulletin of Maikop State Technological University]. 2014, no. 3, pp. 22–25. (in Russ.)
9. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye / Otv. red. N.V. Bogdanova-Beglarian [Speech Corpus as Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2013. 532 p.
10. Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Motion and Verbs of Position]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 480 p.
11. Searle J.R. [Classification of Illocutionary Acts]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue XVII. Moscow: Progress, 1986, pp. 170–195. (in Russ.)
12. Skrebnev Yu.M. *Vvedeniye v kolokvialistiku* [Introduction to Colloquialisms]. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1985. 210 p.
13. Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Transl. from French by A.M. Sukhotin]. Moscow: Sotsekzgiz, 1933. 272 p.

14. Bubel C. *The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.
15. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
16. Fillmore Ch.J., Kay P. *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
17. Heine B., Reh M. *Grammaticalization and Reanalysis in African Languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984. 308 p.
18. Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
19. Lehmann Ch. *Thoughts on Grammaticalization: a Programmatic Sketch*. Cologne: Universität zu Köln, Institut für Sprachwissenschaft, 1982. 186 p.
20. Lehmann Ch. *Thoughts on Grammaticalization. Revised and Expanded Version*. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995, pp. 2–30.
21. Traugott E.C. *Pragmatic Strengthening and Grammaticalization*. Berkeley Linguistic Society. 1988. No. 14, pp. 406–416.

Информация об авторе

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; n.bogdanova@spbu.ru

Information about the author

Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Language Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; n.bogdanova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2025.

The article was submitted 21.01.2025.

ПОНИМАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ КОННЕКТОРОВ В ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

О.Ю. Инькова^{1,2}, *olga.inkova@unige.ch*

¹ Женевский университет, Женева, Швейцария

² Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы понимания и употребления коннекторов. Если в родном языке основными факторами, усложняющими эти два процесса, являются степень когнитивной сложности дискурсивного отношения, которое выражает коннектор, степень семантической связности фрагментов текста и полифункциональность, полисемичность и частота употребления коннектора, то в иностранном языке к этим фактам следует добавить расхождения в системах родного и иностранного языка и проблемы интерференции, т. е. ошибочного переноса свойств коннектора в родном языке на свойства коннектора в иностранном языке и, реже, наоборот. Эти вопросы рассмотрены на примере ошибок профессиональных переводчиков, зафиксированных в форме двуязычных аннотаций в Надкорпусной базе данных коннекторов, созданной на основе параллельных французского и итальянского подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: дискурсивные отношения, коннекторы, обучение иностранному языку

Для цитирования: Инькова О.Ю. Понимание и употребление коннекторов в иностранном языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 36–44. DOI: 10.14529/ling250204

Original article

DOI: 10.14529/ling250204

UNDERSTANDING AND PRODUCING CONNECTIVES IN A SECOND LANGUAGE

О.Ю. Инькова^{1,2}, *olga.inkova@unige.ch*

¹ University of Geneva, Geneva, Switzerland

² Institute of Informatics Problems, FRC CSC RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the issue of understanding and producing connectives. In the first language the main factors complicating these two processes are the cognitive complexity of the discursive relation expressed by the connective, the semantic coherence of text fragments and polyfunctionality, polysemy and frequency of use of the connectives. In the second language, additional factors should be considered, including the discrepancies between the systems of the first and second languages and interference-related problems, i.e. the erroneous transfer of the properties of the first-language connective to the properties of the second-language connective and (less often) vice versa. These issues are considered using the example of errors made by professional translators that are documented in the Supracorpora Database of Connectives created using the parallel French and Italian subcorpora of the Russian National Corpus.

Keywords: discourse relations, connectives, second language teaching

For citation: Inkova O.Yu. Understanding and producing connectives in a second language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):36–44. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250204

1. Вводные замечания

Изучение коннекторов и дискурсивных отношений остается в центре лингвистических исследований уже на протяжении нескольких десятилетий, и это неслучайно: они представляют собой важнейшие элементы связности дискурса. Несмотря на такой интерес, многие вопросы остаются еще мало изученными. К ним относится, конечно, и сам вопрос определения класса коннекторов, и здесь представлены диаметральные точки зрения. Например, в [5] кон-

нектором считается языковая единица, которая может связывать отрезки самой разной синтаксической природы: от слова до последовательности высказываний, и, следовательно коннектором будет считаться союз *а* как в (1)¹, так и в (2):

(1) Салтыков-Щедрин, Лесков, Зощенко остались невостребованными, *а* зря [Владимир Соколов. Заметки переводчика // «Дальний Восток», 2019].

¹ При отсутствии других указаний используются примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8].

(2) В 1981 году крымскими и присоединившимися к ним пермскими спелеологами была достигнута глубина 550 м. А в 1982 году тот же коллектив энтузиастов, продолжая исследование шахты и пройдя еще серию колодцев, вышел в длинную сухую галерею, дальний конец которой заканчивался глиняным сифоном, то есть ходом, где уровень жидкости глины подымался до потолка [Игорь Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)].

Для Л. Иорданской и И. Мельчука [13] коннектором считается языковая единица со связующей функцией, вводящая самостоятельное предложение, а значит, только союз *а* в (2) или в (3), что, безусловно, приводит к некоторым противоречиям, поскольку в (1) и (3) дискурсивная функция *а* сопоставима, если не идентична.

(3) Прошлую зиму я не приезжал. *А* зря. Можно бы и приехать было [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)].

Не решен вопрос о классификации дискурсивных отношений. С одной стороны, они не совпадают в разных подходах, и ставится вопрос о сведении к некоторому общему знаменателю различных классификаций (см. более или менее удачные попытки в [10, 16] и их анализ в [3]). С другой стороны, списки отношений постоянно пополняются, но к ним зачастую добавляются отношения другой семантико-функциональной природы, например показатели смены темы (о неправомерности такого подхода см. [3]).

Слабо освещен также вопрос о тех сложных связях, которые коннекторы имеют с синтаксической структурой высказывания, в частности, пока мало исследований, посвященных синтаксическим особенностям коннекторов как средству устранения неоднозначности их функции и значения (достаточно привести в пример союз и частицу *и* или *а*). Этот аспект исследования представляет особый интерес в области автоматической обработки языка, а также в области контрастивной лингвистики, в связи с тем что синтаксические категории, включая те, которые лежат в основе описания коннекторов, не всегда сопоставимы в разных грамматических традициях.

Наконец, оставаясь в области сопоставительной лингвистики, пока мало изучены вопросы усвоения коннекторов как в родном, так и иностранном языке говорящими разных возрастных категорий и уровней владения языком.

Хорошо известно, что коннекторы представляют значительные трудности при обучении как родному, так и иностранному языку, поскольку их употребление требует разнообразных языковых знаний и навыков. Говорящие должны знать, как правильно использовать коннекторы в различных жанрах и регистрах речи, иметь четкое понимание различий в значении и стилистиче-

ских свойствах коннекторов, используемых для передачи схожих дискурсивных отношений, а также правильно их применять при понимании и создании текстов.

В работе [17] сложность усвоения и употребления коннекторов в родном языке объясняется, в частности, следующими причинами.

Во-первых, это степень когнитивной сложности дискурсивных отношений, которые они передают. Например, аддитивные отношения довольно примитивны по своей семантике: говорящий лишь указывает на то, что данную информацию необходимо добавить к предыдущей. Гораздо сложнее для понимания уступительные отношения, которые опираются на причинно-следственную цепочку и на неоправдавшиеся ожидания говорящего относительно осуществления положения вещей.

Во-вторых, на употребление коннекторов влияет степень семантической связности фрагментов текста, соединенных коннектором. Мы знаем еще со времен Джона Лока («Исследования о человеческом познании», 1748 г.), что человеческий ум устанавливает, как правило, одну из трех возможных ассоциаций между двумя ситуациями: ассоциация по сходству, по смежности в пространстве и во времени и по причинности. При этом ассоциация по причинности, при которой ситуации наиболее тесно связаны между собой семантически, – первое, что приходит нам на ум. Поэтому, в частности, причинные отношения часто остаются невыраженными соответствующим показателем, т. е. являются имплицитными. И наоборот, аддитивные отношения реже передаются без показателя. Если обратиться к данным Надкорпусной базы данных коннекторов (НБДК; подробнее о ней [5]), то даже при всей осторожности, которую нужно проявлять к информации по переводным текстам, в частности, к таким факторам, как желание переводчиков сохранить верность оригиналу, с одной стороны, и трудность найти переводной эквивалент – с другой, то можно заметить, что в направлении перевода русский – французский причинные отношения теряют свой показатель в 18,7 % случаев, тогда как аддитивные – лишь в 6,8 %. Хотя принято считать, что переводы обычно, наоборот, отличаются от оригинала как раз большей степенью эксплицитности дискурсивных отношений, что является одной из переводческих универсалий [15].

Наконец, на овладение употреблением коннекторов существенно влияют полифункциональность и полисемичность, а также частота использования коннекторов в языке. Коннекторы, которые употребляются редко, как и вообще редкие слова, могут быть не до конца освоены говорящими, а полифункциональность и неоднозначность коннекторов может приводить к ошибке в понимании. Примером полифункциональной

единицы может служить русск. *вообще*, которое может быть коннектором (4) и не-коннектором (5); подробнее см. [6].

(4) – *Вы собственно физикой занимаешься? – спросил, в свою очередь, Павел Петрович. – Физикой, да; вообще естественными науками* [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)].

(5) *Теперь ни вздоха, ни шороха не доносилось до его ушей, и даже настало мгновение, когда Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло* [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)].

Хороший пример полисемичности – русск. *a то*, выражающий целую гамму отношений, среди которых причинное и, в некоторой степени, противоположное ему отношение отрицательной альтернативы (в терминах русской грамматики отношения прямой и обратной мотивации), а также имеет два омонима: *a то*, служащий для завершения перечислительного ряда ситуаций, чередующихся во времени (*то... то... a то*), как в (6), и свободное сочетание союза *a* и демонстратива *то* (7).

(6) *To и дело здесь появляются то «писательницы», то «фольклористки», а то персонажи по фамилии Кучерская* [Л.А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016)].

(7) *И Никита – а то был он – напомнил, что мы знакомы со времен пансиона в Жуан-ле-Пен* [Людмила Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний (2002–2003)].

В НБДК зафиксированы случаи перевода на французский язык *a то* со значением отрицательной альтернативы показателем причинных отношений. Причем, что интересно, часто такие переводы нельзя признать ошибочными, они просто меняют семантическую структуру высказывания.

(8) *Очень просто: плывет по улице белый глазетовый гроб, и в гробу погибший в боюunter-officer Турбин с благородным восковым лицом, и жаль, что крестов теперь не дают, а то непременно с крестом на груди и георгиевской лентой.*

Ce serait très simple: un cercueil ouvert capitonné de blanc passe lentement dans la rue, et dans le cercueil gît le corps du sous-officier Tourbine tué au combat, avec un noble visage de cire. Dommage qu'on ne donne plus de croix, car il aurait évidemment une croix sur la poitrine, avec le ruban de Saint-Georges. [М.А. Булгаков. Белая гвардия (1924), tr. Cl. Ligny (1970)].

В (8) русский коннектор *a то* устанавливает отношение отрицательной альтернативы между ситуациями «крестов теперь не дают» и «непременно с крестом на груди», а французский коннектор *car* мотивирует оценку *dommage que* ‘жалко, что’ ситуации «крестов теперь не дают», т.е. буквально ‘жалко, что крестов теперь не дают, потому что у него на груди непременно был бы крест и георгиевская ленточка’.

2. Сложности понимания и употребления коннекторов в иностранном языке: ошибки профессиональных переводчиков

2.1. Постановка вопроса

Если говорить о понимании и употреблении коннекторов в иностранном языке, то здесь к перечисленным факторам следует добавить расхождения в системах родного и иностранного языка и проблемы интерференции, т. е. ошибочного переноса свойств коннектора в родном языке на свойства коннектора в иностранном языке и, реже, наоборот.

Многие из нас преподают иностранные языки и часто фиксируют ошибки учащихся при переводе коннекторов. Это отдельное исследование, которое требует кропотливого сбора материала, но такие исследования проводятся на материале самых разных языков. В уже цитированной книге [17, гл. 9] приводится ряд интересных наблюдений, касающихся изучающих английский язык в разных странах [11], для стран с дву- и трехъязычием, таких как Бельгия [14] или Швейцария. Например, тот факт, что школьники, изучающие английский язык, чаще маркируют дискурсивные отношения, чем носители языка, однако и в той, и другой группе наиболее часто маркируемые отношения – это уступительные и отношения «вопреки ожиданиям». Но если разница в степени маркированности отношений слаживается по мере повышения уровня владения иностранным языком (ср., например, работу [9], где показано, как повышается уровень владения дискурсивными словами, в том числе и коннекторами, итальянцами, изучающими русский язык), то стилистические различия коннекторов продолжают представлять проблему даже при высоком уровне владения языком. Например, в работе [12] приводится такой любопытный факт: учащиеся из Сингапура и Гонконга выбирают коннекторы с более нейтральной или даже официальной стилистической окраской, чем учащиеся из Азии или носители языка. Ошибки касаются и семантики коннекторов, особенно полисемичных.

В этой связи хотелось бы остановиться на проблеме перевода коннекторов с русского и на русский язык на примере семантических ошибок профессиональных переводчиков, зафиксированных в НБДК. Следовательно, речь идет о взрослых людях с высоким уровнем владения иностранным языком. Для анализа были взяты двуязычные аннотации в четырех направлениях перевода, имеющие метку TrDif ‘трудность перевода’, которая на самом деле является эвфемизмом для указания на ошибочный перевод. Учитывая уровень владения иностранным языком, особенно у переводчиков литературных текстов, таких аннотаций оказалось немного: 24 (из 15'729, 0,15 %) в направлении перевода русский – французский, 73 (из 4'461, 1,63 %) в направлении русский – итальянский, 3 (из 4'183, 0,71 %) в направлении французский – русский и 4 (из 1'034, 0,4 %) в направлении итальянский – рус-

ский. Но даже этот небольшой материал позволяет сделать некоторые, пусть предварительные, обобщения.

2.2. Расхождения в системах языков как одни из факторов, влияющих на ошибочный перевод

На первый план при понимании коннекторов иностранного языка выходят, как это можно было предположить, расхождения в системах двух языков: коннекторы, не имеющие системных и точных эквивалентов в другом языке, чаще переводятся ошибочно. Причем речь идет, как правило, о практически семантически пустых отношениях, смысл которых трудно уловим для носителей языка. Так, нами зафиксированы ошибочные переводы фр. *or*, который выражает разновидность аддитивного отношения и у которого в русском, как и во многих других языках, нет точного эквивалента. Французско-русский словарь К. Ганшиной [1] дает в качестве переводных эквивалентов фр. *or* коннекторы, принадлежащие к довольно разнообразным семантическим классам: *a*, *же*, *ну и вот*, *но вот*, *итак*, *однако*, *а ведь*. В НБДК для него зафиксировано 38 переводных эквивалентов, в числе которых и *между тем* в своем сопоставительно-противительном значении, как в (9).

(9) *Pour avoir le champ libre, il me fallait attendre que Harry s'absente de la maison; or, il se trouvait que le jeudi était le jour où il enseignait à Burrows, partant tôt le matin et ne revenant en général qu'en toute fin de journée. C'est ainsi que l'après-midi du jeudi 6 mars 2008 se produisit un événement que je décidai d'oublier immédiatement: je découvris que Harry avait entretenu une liaison avec une fille de quinze ans alors que lui-même en avait trente-quatre.*

Для полной свободы действий приходилось дожидаться, чтобы Гарри отлучился из дома; между тем по четвергам он преподавал в Берроузе, уезжал рано утром и возвращался обычно совсем поздно. Вот так под вечер четверга 6 марта 2008 года и произошло событие, которое я решил немедленно забыть: я обнаружил, что Гарри в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с пятнадцатилетней девочкой [Joël Dicker. La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert (2012), пер. И. Страф (2014)].

Этот перевод нельзя, однако, признать удовлетворительным. Функция *or* в данном примере заключается во введении информации, важной для дальнейшего повествования. Действительно, следующая за фрагментом с *or* фраза говорит о том, что именно благодаря тому, что Гарри уезжал по четвергам, удалось обнаружить его любовную связь. Русский коннектор *между тем* здесь неуместен ни в своем временном, ни в своем противительно-уступительном значении и нарушает связность текста.

В НБДК зафиксированы также ошибки в переводе для русских коннекторов с формантом *при*

(*при этом, причем, притом*), выражающих отношение сопутствования, близкого по своей семантике к наиболее абстрактному соединительному [2], но у которых в романских языках также нет эквивалента-коннектора. Для его перевода также предлагаются коннекторы, принадлежащие к разнообразным семантическим классам, причем их выбор определяется прежде всего контекстом. Ср. (10), где *при этом* переведен показателем аддитивных отношений фр. *en plus* ‘кроме того’, (11) – показателем условных отношений фр. *dans ce cas* ‘в этом случае’, в (12) – показателем отношения «вопреки ожиданиям» ит. *та ‘но’*:

(10) *Но мы в чужой стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго – пистолет. Если не бомба... При этом латиноамericанцы, говорят, еще страшнее негров.*

Mais nous sommes dans un pays étranger. Nous ne connaissons pratiquement pas la langue. Nous n'entendons pas grand-chose aux lois. Nous ne sommes pas habitués aux armes. Et ici un type sur deux a une arme. Quand ce n'est pas une bombe... En plus les Latino-Américains sont, paraît-il, encore plus terribles que les Noirs [Сергей Довлатов. Иностранка (1986), tr. J. Michaut-Paterno (2001)].

(11) Президент Российской Федерации прекращает исполнение полномочий досрочно в случае его отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия или отрешения от должности. *При этом* выборы Президента Российской Федерации должны состояться не позднее трех месяцев с момента досрочного прекращения исполнения полномочий.

Le Président de la Fédération de Russie cesse d'exercer ses attributions avant terme en cas de démission, d'incapacité permanente pour raison de santé d'exercer les attributions qui lui incombent, ou de destitution. Dans ce cas, l'élection du Président doit avoir lieu au plus tard trois mois à compter de la cessation anticipée de son mandat [Конституция Российской Федерации (1993), tr. M. Lesage (2000)].

(12) *Долго расспрашивал меня о службе в армии. Вид у него при этом был смущенный.*

Mi aveva chiesto a lungo del servizio militare, ma con aria imbarazzata [Сергей Довлатов. Филиал (1987), tr. L. Salmon].

Если в приведенных примерах предложенные переводчиками эквиваленты не нарушают связности текста, может быть, чуть «форсируя» семантику русского оригинала, поскольку часто выбираются показатели более семантически насыщенных отношений, то в (13) выбран явно ошибочный эквивалент:

(13) *Жена смотрела телевизор и ходила по магазинам. Говоря при этом: «Купила Марику*

на день рождения тюлевые занавески – обалдеть!..».

Sa femme regardait la télévision et faisait les magasins. En plus de ça elle disait: «Pour son anniversaire, j'ai acheté à mon petit Marc des rideaux de tulle, une vraie folie!...» [С.Д. Довлатов. Чемодан (1986), tr. J. Michaut-Paterno (2001)].

В (13) русский коннектор *при этом* сообщает о том, что действие *говорить* сопровождает действие *ходить по магазинам*, а французский коннектор *en plus de ça* ‘кроме этого’ выражает аддитивные отношения, ставя эти два действия в один перечислительный ряд, добавляя в него и действие *смотреть телевизор*.

2.3. Полифункциональность и полисемичность коннекторов

Следующий параметр, который заслуживает внимания, – это полифункциональность и полисемичность коннекторов, набор значений которых может не совпадать в сопоставляемых языках. Этот аспект мы рассмотрим на примере русского *вообще*, для которого в НБДК зафиксировано наибольшее количество ошибок перевода как на французский, так и на итальянский язык. В итальянском языке ситуация осложняется еще и тем, что в нем есть два схожих по семантике коннектора: *in generale* ‘вообще’ и *in genere* ‘как правило, главным образом’, но также и ‘вообще’ в некоторых случаях его употребления, которые являются паронимами и которые путают даже носители языка.

Для того чтобы понять, в чем заключаются ошибки переводчиков, необходимо коротко охарактеризовать то отношение, которое выражают эти показатели. Это отношение генерализации, сигнализирующее о том, что «в общей динамике текста в определенных семантических условиях осуществляется переход от более частного к более общему» [7, с. 58]. В [7] предложено также различать два способа осуществлять этот переход: абстрагирующее пропозициональное отношение, действующее на интенсиональной единице, попадающей в сферу действия показателя генерализации, и квантификация, действующая на ее экстенсиональной. Если показатели интенсиональной генерализации всегда имеют сентенциальную сферу действия, то показатели экстенсиональной генерализации могут распространять свою сферу действия на языковые единицы разной синтаксической природы: пропозиции, предикаты и синтагмы. На различии сферы действия показателя основывается и классификация видов экстенсиональной классификации, представленная в таблице.

При интенсиональной генерализации показатель вводит некоторую закономерность, частным случаем которой является ситуация, описанная в предыдущем контексте. Иными словами, говорящий предлагает признать истинность данного утверждения, абстрагируясь от деталей (*вообще говоря*);ср. (14):

(14) *Ольга Владимировна от конька буквально расцвела – сверкала глазами, зубами и обнаженным декольте. Собственно, на декольте молодой пограничник и среагировал. Вообщето все мужчины, которые попадались Ольге Владимировне на жизненном пути, так реагировали на ее пятый размер бюста* [Маша Трауб. Женщина на отдыхе (2009)].

Экстенсиональная генерализация осуществляется квантификацией: от элемента (или элементов) некоторого множества говорящий переходит к самому множеству. Именно в зоне экстенсиональной генерализации наблюдаются различия между системами русского языка, с одной стороны, и французского и итальянского – с другой. Первое различие находится в зоне разграничения типизирующей и слабой универсальной квантификации. Первая не знает исключений, вторая указывает лишь на некоторую закономерность, которая может не охватывать все случаи. Показателями слабой универсальной генерализации в русском языке являются *как правило, обычно* и под. Здесь русский язык ближе к французскому, в котором фр. *en général*, служащее эквивалентом русск. *вообще* во многих других контекстах, также не употребляется. В итальянском языке показателем слабой универсальной квантификации является ит. *in genere*, а ит. *in generale* не имеет этого значения.

(15) *«Due?!» fece Montalbano pensando alla fatica che gli faceva *in genere* mettere nero su bianco.*

– *Два?!* – воскликнул Монтальбано, думая о том, как трудно ему *обычно* давалось любое писание [Andrea Camilleri. Il Cane di Terracotta (1996), пер. А. Кондюрина].

Типы генерализации и их основные показатели в русском, французском и итальянском языках [4, с. 141]

Язык	Интенсиональная генерализация	Экстенсиональная генерализация		
		слабая универсальная квантификация ситуаций	типизирующая генерализация	
			ситуации	действия, признаки
Итальянский	<i>in generale</i>	<i>generalmente, in genere</i>	–	(<i>in generale</i>)
Французский	<i>en général</i>	<i>généralement</i>	–	(<i>en général</i>)
Русский	<i>вообще</i>	(<i>вообще</i>)	<i>вообще</i>	<i>вообще</i>

Использование ит. *in genere* для перевода русск. *вообще* понижает, следовательно, уровень обобщения; ср. (16), где правильнее было бы употребить ит. *in generale*:

(16) Но вместе с тем она знала, как с нынешнею свободой обращения легко вскружить голову девушки и как **вообще** мужчины легко смотрят на эту вину.

Ma sapeva pure come, con l'attuale libertà di costumi, fosse facile far perdere la testa ad una ragazza, e come, in genere, gli uomini guardassero con leggerezza a una colpa di questo genere [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1873–1877), tr. M.B. Luporini].

При типизирующей генерализации, которая может касаться как ситуаций, так и действий и их признаков или классов, говорящий переходит от элемента множества к самому множеству. Типизация ситуаций проиллюстрирована примером (17), где *вообще* сигнализирует, что данная ситуация имеет место не только в конкретных обстоятельствах (сегодня), а всегда.

(17) – Что это ты такая злая сегодня? – спросил Виктор. – А я **вообще** злая [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Гадкие лебеди (1967)].

Сфера действия *вообще* может распространяться на предикат или лексему с предикативным значением. В таком случае *вообще* типизирует действие или признак, ими обозначенные: речь идет обо всех возможных его проявлениях; ср. (18).

(18) У нее своя лошадь и новенький шарaban, купленный этим летом. **Вообще** живет она на широкую ногу: наняла дорогую дачу-особняк с большим садом и перевезла в нее всю свою «городскую обстановку», имеет двух горничных, кучера... [А.П. Чехов. Скучная история (1889)].

Наконец, сфера действия показателя может быть присловной. Как правило, это именные группы, являющиеся именем класса. Это единственный вид типизирующей генерализации, где возможен фр. *en général*, как видно из (19):

(19) Я думаю о себе самом, о жене, Лизе, Гнеккере, о студентах, **вообще** о людях; думаю нехорошо, мелко, хитро перед самим собою (...).

Je pense à moi-même, à ma femme, à Lisa, à Gnäcker, à mes étudiants, aux gens en général; (...) [А.П. Чехов. Скучная история (1889), tr. É. Parayre (1960)].

В итальянском языке возможны как *in genere*, так и *in generale*, однако первый показатель сохраняет свою семантику слабой генерализации, что делает его неприемлемым в некоторых контекстах. Ср. в этом отношении адекватный перевод в (20) и ошибочный – в том смысле, что вместо *вообще* получается как правило – в (21), которые интересны также тем, что принадлежат одному переводчику:

(20) Должен вам сказать, что хотя многое богоборческого, а еще более просто скотского обнаружила «великая» русская революция, но

кризисом христианства **вообще**, ни даже кризисом русского христианства она не является (...).

Devo dirvi che, nonostante la "grande" rivoluzione russa abbia manifestato tanto di ateismo e ancor più di bestialità, tuttavia non rappresenta la crisi del cristianesimo in generale, neanche la crisi del cristianesimo russo (...) [Сергей Булгаков. У стен Херсониса (1922), tr. M. Campatelli].

(21) У нас нет патриаршей власти, а если ее нет, то нет и патриаршества, как, в сущности, нет его уже давно в Александрии, Антиохии, да и в Иерусалиме и в Константинополе, **вообще** на всем православном Востоке.

Noi non abbiamo il potere del patriarcato, e se questo non esiste, allora neanche il patriarcato esiste, come in sostanza non esiste già da lungo tempo ad Alessandria, ad Antiochia, come anche a Gerusalemme e a Costantinopoli, in generale in tutto l'oriente ortodosso [С.Н. Булгаков. У стен Херсониса (1922), tr. M. Campatelli].

Использование итальянских и французских показателей в других видах типизирующей генерализации приводит к ошибочным переводам. Приведем несколько примеров.

В (22) с экстенсиональной генерализацией ситуации русск. *вообще* ошибочно переводится ит. *in genere*:

(22) Пред отъездом в Москву она, **вообще** мастерица одеваться не очень дорого, отдала модистке для переделки три платья.

Prima della sua partenza per Mosca ella, che in genere era abilissima nel vestirsi senza spendere eccessivamente, aveva dato a rimodernare tre abiti alla sarta. [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1873–1877), tr. M.B. Luporini].

В результате вместо того, чтобы интерпретировать ситуацию «она отдала модистке для переделки три платья» как проявление обобщенной ситуации «она была мастерницей одеваться не очень дорого», получается наоборот: Анна, хотя она, как правило, умела одеваться не дорого, почему-то отдала модистке для переделки целых три платья. Русск. *вообще* не может быть переведено и ит. *in generale*.

В (23) с типизацией признака также зафиксировано ошибочное употребление ит. *in genere*.

(23) Тогда шедший впереди откровенно вынул из-под пальто черный маузер, а другой, рядом с ним, отмычки. **Вообще**, шедшие в квартиру № 50 были снаряжены как следует.

Allora quello che arrivò tolse di sotto il cappotto una nera rivoltella, e un altro, vicino a lui, dei grimaldelli. In genere, quelli che stavano andando nell'appartamento n. 50 erano attrezzati di tutto punto [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940), tr. V. Dridso (1967)].

В русском тексте на основе частных проявлений иметь маузер и иметь отмычки говорящий переходит к обобщению признака, называя его быть снаряженным как следует. Здесь снова ни *in*

genere, ни *in generale* не могут служить переводным эквивалентом русск. *вообще*.

В (24) приведен пример ошибочного использования фр. *en général* для типизации признака, причем его использование также нарушает связность текста. Французский показатель преобразует экстенсиональную генерализацию в интенсиональную, но этому, с одной стороны, препятствует время предиката (прошедшее незаконченное), который должен был бы стоять скорее в настоящем вневременном, а с другой – аналогия, выраженная *как* и ‘*comme*’ со всеми другими случаями проявления данного действия (*вести себя странно*), т. е. создает плеоназм.

(24) Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из главных он считает трусость. – К чему это было сказано? – услышал гость внезапно треснувший голос. – Этого нельзя было понять. Он *вообще* вел себя странно, как, впрочем, и всегда.

La seule chose qu'il a dite, c'est que, parmi tous les défauts humains, il considérait que l'un des plus graves était la lâcheté. – À propos de quoi a-t-il dit cela? demanda Pilate d'une voix fêlée qui surprit le visiteur. – Personne ne l'a compris. En général, son attitude était bizarre. Comme toujours, d'ailleurs [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940), tr. Cl. Ligny (1968)].

Интересно также отметить, что в ошибочных переводах на итальянский язык встречается в основном ит. *in genere* как эквивалент русск. *вообще*: можно предположить, что переводчики чувствуют, что ит. *in generale* не всегда подходит, но, не владея в полной мере функционированием *in genere*, используют его, чтобы передать обобщающую семантику русск. *вообще* во всех его значениях, которые тоже не всегда очевидны.

2.4. Влияние внутренней формы коннектора как источник интерференции

Говоря о трудностях усвоения употребления коннекторов в иностранном языке, следует упомянуть проблему влияния внутренней формы коннектора в родном языке, которое может приводить к переносу значений коннектора в родном языке на его значения в иностранном. Так, фр. *entre autres* и русск. *между прочим*, которые, несмотря на близость внутренней формы (*entre* ‘между’, *autres* ‘прочий, другой’), не имеют общих употреблений, являясь источником ошибок в понимании коннектора иностранного языка. Ср. (25):

(25) – У меня нет костюма. Для театра нужна соответствующая одежда. Там, *между прочим*, бывают иностранцы.

– *Je n'ai pas de costume. Pour aller au théâtre, il faut un vêtement adéquat. Le Kirov, entre autres, est très fréquenté par les étrangers* [С.Д. Довлатов. Чемодан (1986), tr. J. Michaut-Paternò].

Если в русском тексте *между прочим* представляет вводимое им высказывание как один из возможных аргументов, почему для театра нужна соответствующая одежда, то фр. *entre autres* вклю-

чает Кировский театр во множество театров, которые посещают иностранцы, нарушая таким образом связность текста.

Такого же рода ошибки зафиксированы и для русск. *между тем* и ит. *intanto*, пересекающимися лишь в некоторых из своих значений.

(26) *Просидели и прошептались часов до двух. Невеста, впрочем, ушла спать гораздо раньше, удивленная и немножко грустная. А Свидригайлова между тем ровнехонько в полночь переходил через ...ков мост по направлению на Петербургскую сторону.*

Rimasero così seduti a bisbigliare quasi fino alle due. La fidanzata, però, se ne andò a dormire un po' prima, meravigliata e un po' triste. Intanto, a mezzanotte precisa Svidrigàjlov attraversava il ponte di... in direzione della Peterburgskaja storonà [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866), tr. G. Kraiski].

(27) Все узнали, что приехала барыня, и что Капитоныч пустил ее, и что она теперь в детской, *а между тем* барин всегда в девятом часу сам заходит в детскую, и все понимали, что встреча супругов невозможна и что надо помешать ей.

Tutti avevano saputo che era venuta la signora e che Kapitonyc l'aveva lasciata entrare, e che adesso era nella camera del bambino, e intanto, dopo le otto, il signore entrava lui nella camera del bambino, e tutti capivano che l'incontro dei coniugi era impossibile e che bisognava impedirlo [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1873–1877), tr. M.B. Luporini].

В (26) *между тем* в своем временном значении в составе коннектора *a... между тем* переведен правильно, а в (27) коннектор *a между тем*, передающий отношение «вопреки ожидаемому», переведен неадекватно, поскольку ит. *intanto* не имеет такого значения, выражая отношение одновременности.

Такую же тенденцию можно зафиксировать и в других пластиах лексики, например, для модальных показателей русск. *очевидно* и ит. *evidentemente*, которое, в отличие от русского слова, выражает более высокую степень уверенности (‘разумеется’), но который регулярно используется итальянцами для перевода русск. *очевидно*.

3. В качестве заключения

Полученные результаты и сформулированные гипотезы должны быть в дальнейшем, безусловно, проверены на дополнительном экспериментальном материале и на изучающих иностранный язык, имеющих разный уровень и разный возраст. Однако, на наш взгляд, данные наблюдения могут быть полезными для разработки рекомендаций по преподаванию коннекторов, аспект, который, насколько нам известно, пока слабо представлен в пособиях по изучению иностранных языков и переводу.

Список литературы

1. Ганшина К. (ред.) Французско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971.
2. Инькова О.Ю. Отношение сопутствования и его показатели // О.Ю. Инькова (ред.), Семантика коннекторов. Количественные методы описания. Berne: Peter Lang, 2021. С. 51–142.
3. Инькова О.Ю. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: ЯСК, 2019а. С. 11–99.
4. Инькова О.Ю. Генерализация как логико-семантическое отношение // Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: ЯСК, 2019б. С. 99–152.
5. Инькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // О.Ю. Инькова (ред.), Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М., ТОРУС ПРЕСС, 2018а. С. 5–23.
6. Инькова О.Ю. Вообще // О.Ю. Инькова (ред.), Семантика коннекторов: контрастивное исследование. Москва, ТОРУС ПРЕСС, 2018б. С. 80–128.
7. Инькова О.Ю. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 53–82.
8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
9. Стоянова Н. Дискурсивные элементы в русской речи итальянцев: некоторые закономерности усвоения // Inkova O., Nowakowska M., Scarpel S. (eds), *Systèmes linguistiques et textes en contraste. Etudes de linguistique slavo-romane*. Krakow: Wydawnictwo Naukowe UP, 2020. С. 357–374.
10. Bunt H., Prasad R. ISO DR-Core: Core Concepts for the Annotation of Discourse Relations // Proceedings of 12th Joint ACL-ISO Workshop on Interoperable semantic annotation, 28 May 2016, Slovenia, Portorož / Ed. by H. Bunt. Portorož, 2016, pp. 80–92. (URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2016/workshops/LREC2016Workshop-ISA12proceedings.pdf>)
11. Granger S., Hung J., S. Petch-Tyson eds.. Computer Learner Corpora, Second Language Acquisition and Foreign Language Teaching. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2002.
12. Hu C., Li Y. Discourse connectives in L1 and L2 argumentative writing // Higher Education Studies. 2015. Vol. 5. P. 30–41.
13. Iordanskaja L., Mel'čuk I. *Cet or mystérieux et ses équivalents russes*. Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 2015. Vol. CX. P. 131–156.
14. Lamiroy B. Pragmatic connectives and L2 acquisition: The case of French and Dutch. *Pragmatics*. 1994. Vol. 4. P. 183–201.
15. Laviosa S., Universals. M. Baker, G. Saldanha, eds., Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. London: Routledge, 2009. P. 306–10.
16. Sanders T., Demberg V., Hoek J., Scholman M., Asr F.T., Zufferey S., Evers-Vermeul J. Unifying Dimensions in Coherence Relations: How Various Annotation Frameworks are Related // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2018. DOI: doi.org/10.1515/cllt-2016-0078
17. Zufferey S., Degand L. Connectives and Discourse Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

References

1. Ganshina K. (ed.) *Francuzsko-russkij slovar`* [French-Russian dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1971.
2. Inkova O.Yu. [The relation of concomitance and its markers]. O.Yu. Inkova (ed.), Semantika konnektorov. Kolichestvennye metody opisaniya [Semantics of connectives. Quantitative methods of description]. Bern: Peter Lang, 2021, pp. 51–142. (in Russ.)
3. Inkova O.Yu. [Logical-semantic relations: problems of classification]. O. Inkova, E. Manzotti, Svyaznost` teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya [Text coherence: mereological logical-semantic relations.]. Moscow: YaSK, 2019a, pp. 11–99. (in Russ.)
4. Inkova O.Yu. Generalizaciya kak logiko-semanticcheskoe otnoshenie [Generalization as a logical-semantic relation]. O. Inkova, E. Manzotti, Svyaznost` teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya [Text coherence: mereological logical-semantic relations.]. Moscow: YaSK, 2019a, pp. 99–152.
5. Inkova O.Yu. [Linguistic specificity of connectives: methods and parameters of description]. O. Yu. Inkova (ed.), Semantika konnektorov: kontрастивное исследование [Semantics of connectives: a contrastive study]. Moscow, TORUS PRESS, 2018а, pp. 5–23. (in Russ.)
6. Inkova O.Yu. [In general]. O.Yu. Inkova (ed.), Semantika konnektorov: kontрастивное исследование [Semantics of connectives: a contrastive study]. Moscow, TORUS PRESS, 2018б, pp. 80–128.
7. Inkova O.Yu. [Generalization: Definition, discourse functions, markers (in Russian, French, and Italian)]. Topics in the study of language. 2017. Vol. 3, pp. 53–82.
8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [National Corpus of the Russian Language]. www.ruscorpora.ru.

-
9. Stoyanova N. Diskursivnye elementy v russkoj rechi ital`yancev: nekotorye zakonomernosti usvoeniya [Discursive elements in Russian speech of Italians: some patterns of acquisition]. O. Inkova, M. Nowakowska, S. Scarpel (eds), Systèmes linguistiques et textes en contraste. Etudes de linguistique slavo-romane [Linguistic systems and texts in contrast. Studies in Slavic-Romance linguistics], Krakow: UP Scientific Publishing House, 2020, pp. 357–374.
10. Bunt H., Prasad R. ISO DR-Core: Core Concepts for the Annotation of Discourse Relations // Proceedings of 12th Joint ACL-ISO Workshop on Interoperable semantic annotation, 28 May 2016, Slovenia, Portorož. Ed. by H. Bunt. Portorož, 2016. P. 80–92. (URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2016/workshops/LREC2016Workshop-ISA12proceedings.pdf>)
11. Granger S., Hung J., S. Petch-Tyson eds.. Computer Learner Corpora, Second Language Acquisition and Foreign Language Teaching. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2002.
12. Hu C., Li Y. Discourse connectives in L1 and L2 argumentative writing // Higher Education Studies. 2015. Vol. 5, pp. 30–41.
13. Iordanskaja L., Mel'čuk I. Cet *or* mystérieux et ses équivalents russes. Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 2015. Vol. CX, pp. 131–156.
14. Lamirov B. Pragmatic connectives and L2 acquisition: The case of French and Dutch. Pragmatics. 1994. Vol. 4, pp. 183–201.
15. Laviosa S.. Universals // M. Baker, G. Saldanha, eds., Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. London: Routledge, 2009, pp. 306–310.
16. Sanders T., Demberg V., Hoek J., Scholman M., Asr F.T., Zufferey S., Evers-Vermeul J. Unifying Dimensions in Coherence Relations: How Various Annotation Frameworks are Related // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. 2018. DOI: doi.org/10.1515/cllt-2016-0078
17. Zufferey S., Degand L. Connectives and Discourse Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

Информация об авторе

Инькова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета, Женевский университет, Женева, Швейцария; с.н.с., Институт проблем информатики, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия, olga.inkova@unige.ch

Information about the author

Olga Yu. Inkova, Doctor of Science in Philology, Senior Lecturer of Faculty of Arts, University of Geneva, Switzerland; Senior Scientist, Institute of Informatics Problems, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olga.inkova@unige.ch

Статья поступила в редакцию 22.01.2025.

The article was submitted 22.01.2025.

АВТОРИЗАЦИОННЫЕ И МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Г.И. Кустова, galinak03@gmail.com

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается материал, который в традиционных грамматиках относится к вводным словам и предложениям. Показано, что разные типы и формы вводных слов являются результатом действия двух разных стратегий. Первая стратегия – понижение статуса матричного предиката и превращение его в служебный показатель модальности (неассертивности): *Я думаю, что он обиделся – Он, я думаю* (\approx *наверное*), *обиделся*. Такие показатели могут быть неизменяемыми, адвербальными (*по-видимому, скорее всего*), а могут быть глагольными формами: *думаю* = 1-е лицо; *думаешь* = 2-е лицо. Тогда они выражают не только модальность, но и авторизацию: *Он, думаю, придет* vs. *Он, думаешь, придет?* Вторая стратегия – контаминация двух высказываний: утверждения (сообщения) говорящего и манипулятива, который может иметь вопросительную экспрессивную интонацию и выполняет функцию воздействия на адресата: *Веришь* [?], *газеты некогда читать* [НКРЯ]. Если такой манипулятив оказывается в конце предложения, возникает пунктуационный конфликт – ставится знак «?», хотя предложение является утвердительным: *Отказался парень с нами ехать, представляешь?* [НКРЯ]. В функции манипулятива употребляются глагольные формы 2-го лица *веришь, представляешь, знаешь, понимаешь*, но невозможна форма *думаешь*.

Ключевые слова: вводные конструкции, ментальные глаголы, говорящий, адресат, авторизация, манипулятив

Для цитирования: Кустова Г.И. Авторизационные и манипулятивные вводные конструкции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 45–52. DOI: 10.14529/ling250205

Original article

DOI: 10.14529/ling250205

AUTHORIZATION AND MANIPULATIVE PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS

Г.И. Кустова, galinak03@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses material that in traditional grammars refers to parenthetical words and sentences. It is shown that different types and forms of parenthetical words are the result of two different strategies. The first strategy lowers the status of the matrix predicate and turns it into an auxiliary indicator of modality (non-assertiveness): *I think he was offended – He, I think* [\approx *probably*], *was offended*. Such indicators can be adverbial (*apparently, most likely*), or they can be verbal forms – *dumayu* ('I think') = 1st person; *dumaesh'* ('You think') = 2nd person. The verbal forms express not only modality, but also authorization: *On, dumayu, pridet* ('He, I think, will come') vs. *On, dummaesh', pridet?* ('Do you think he will come?'). The second strategy is the contamination of two constructions: they are the statement (message) of the speaker and the manipulative, which can have an interrogative expressive intonation and has the function of influencing the addressee: *Verish'* [?], *газеты некогда читат'* [RNC] ('Do you believe, there is no time to read newspapers'). If such a manipulative appears at the end of a sentence, a punctuation conflict arises - a question mark is placed, although the sentence is affirmative: *Otkazalsya paren' s nami ekhat', predstavlyash'?* [RNC] ('The guy refused to go with us, can you imagine?'). 2nd person verbal forms *verish'*, *predstavlyash'*, *znaesh'*, *ponimaesh'* ('you believe, imagine, know, understand') are used as manipulatives, but the form *dumaesh'* ('you think') is impossible in this function.

Keywords: parenthetical constructions, mental verbs, speaker, addressee, authorization, manipulative

For citation: Kustova G.I. Authorization and manipulative parenthetical constructions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):45–52. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250205

Введение

Применительно к материалу, о котором пойдет речь, в литературе используются разные термины: вводные слова и предложения [7, 9, 11, 12], парентетические, метатекстовые конструкции [15–18].

Для единобразия вводные единицы любой структуры (*видимо*; *скорее всего*; *думаю / я думаю / как я думаю*) будем называть вводными конструкциями (сокращенно – ВК).

Хотя состав ВК довольно пестрый, четко выделимы предикаты, которые выражают модусные значения. В исходной синтаксической структуре они являются матричными предикатами, подчиняющими клаузу: *Думаю / знаю / известно*, что он уехал. Получая статус вводных конструкций, что можно рассматривать как понижение в ранге, они продолжают оставаться модальными показателями пропозиции: *Он, я думаю / насколько я знаю / как известно*, уехал. Некоторые ВК (*возможно / думаю / кажется*) выражают нереальный статус пропозиции; другие (*знаю / помню*) – реальный.

Задача данной работы – показать: 1) как ведут себя разные грамматические формы глаголов в составе ВК; 2) как глаголы в одной и той же форме 2-го лица выполняют разные функции – авторизационную и манипулятивную.

Сразу отметим, что неглагольные формы вводных слов – *наверное, вероятно, видимо, по-видимому, скорее всего* и под., которые, как и глаголы типа *думаю, считаю, предполагаю*, выражают предположение, – имеют ограниченные грамматические возможности. Хотя у них есть субъект сознания (термин Е.В. Падучевой [8, с. 263–264]), но это всегда говорящий (или его коррелят в нарративе – повествователь, персонаж); кроме того, для них невозможно варьирование по лицу, числу, времени. Поэтому возможности их употребления и диапазон выражаемых значений существенно уже, чем у глагольных форм, и они будут привлекаться лишь в качестве фона.

Далее речь пойдет главным образом о ВК с личными формами глаголов. Мы рассмотрим два параметра: лицо (1-е, говорящий vs. 2-е, адресат) и время (настоящее vs. прошедшее).

В силу ограниченности объема статьи мы включаем в рассмотрение только ментальные глаголы – мнения (путативные) и знания (фактивные). Основной глагол мнения – *думать*, к нему примыкают *предполагать, бояться* (‘предполагать негативное’), *надеяться* (‘предполагать позитивное’); основной глагол знания – *знать*, в эту группу также входят *понимать, помнить, догадаться*. В первую очередь нас будут интересовать основные глаголы как максимально контрастные выражители свойств обеих групп; остальные глаголы будут привлекаться эпизодически.

Думать: настоящее vs. прошедшее время

Показатели типа *видимо, наверное, скорее всего, думаю* имеют своим субъектом говорящего и выражают (с теми или иными модификациями) значение предположения, допущения, гипотезы.

ВК *видимо, наверное, скорее всего* не имеют грамматического показателя времени, но можно считать, что они связаны с синхронной точкой отсчета (моментом речи, настоящим временем). Поэтому в тексте адвербальные (неизменяемые) показатели *видимо, наверное, скорее всего* и глагольная форма *думаю* взаимозаменимы (разумеется, речь не идет о полной эквивалентности, а лишь о приближительном соответствии):

«Прохоров, когда входил в проект, *думаю, понимал, где он живет*» [«Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011] → Прохоров, когда входил в проект, *видимо / вероятно / наверное, понимал, где он живет*.

*Какие-либо изменения в лучшую сторону в этом плане в нашем государстве, *думаю, возникнут нескоро* [«Дело» (Самара), 2002.07.17] → *Какие-либо изменения в лучшую сторону в этом плане в нашем государстве, видимо, возникнут нескоро*.*

– Что бы вы взяли с собой на необитаемый остров? – Из вещей — топор и рыболовные снасти, коробок спичек на первое время. Вообще я к работе приученный, так что, *думаю, не погибли бы* [«Дело» (Самара), 2002.05.03] → Вообще я к работе приученный, так что, *скорее всего, не погибли бы*.

В приведенных примерах ВК употребляются в диалогическом режиме. При изменении диалогического режима на нарративный режим и перемещении наблюдателя в прошлое глагольную форму достаточно заменить на форму прош. времени, однако если в настоящем времени глагольная ВК легко заменяется на адвербальную (а), то в прошедшем времени это невозможно (б):

(а) Но этим летом отпуск мой, *думаю, продлится недолго* [«Коммерсантъ-Власть», 2000] → Но этим летом отпуск мой, *наверное, продлится недолго*.

(б) Прошлым летом, *думал, отпуск продлится недолго, боялся, отзовут на работу*. → *Прошлым летом, *наверное, отпуск продлится недолго*.

Таким образом, адвербальные модальные показатели, взаимозаменимые с *думаю*, невзаимозаменимы с *думал*, так как не проецируются в прошедшее время. Зато *думал* в зависимости от содержания пропозиции может заменяться на другие ментальные глаголы с соответствующей семантикой:

Но Юзуп поблагодарил — и бегом в тайгу. Пока бежал, *думал, сердце выпрыгнет* [Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза (2015)] → ...*боялся, сердце выпрыгнет*.

В прошлом году раскидал обветшавшую кровлю, *думал, перекрою, да вот... самого накрыло* [«Бельские просторы», 2018] → *надеялся, перекрою...*

Если форму *думал* можно считать редуцированным вариантом конструкции *я думал*, то вводное предложение с союзом – *как я думаю, как я думал* – не является механическим усложнением

конструкции я думал, а выражает некоторую семантическую модификацию:

Основную же роль, как я думаю, в моем назначении сыграла высокая характеристика, которую дал мне Игорь Евгеньевич [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)].

Особенность союзных ВК состоит в том, что союз *как* не утрачивает связи с местоимениями образа действия *как* и *так*, т. е. с конструкциями типа *Как вы думаете?*; *Я так* думаю и под., а эти конструкции, в свою очередь, выражают идею выбора варианта ('так или иначе, по-другому'). Вследствие этого ВК с союзом *как* содержат импликацию, что человек обдумывал некоторое суждение и из возможных вариантов пропозиции выбрал именно этот, т. е., в отличие от редуцированных конструкций *думаю / думал*, которые часто выражают не просто предположение, а уверенность (– *Почему ты пошел к Петя? – Думал, он дома* ≈ 'был практически уверен, исходил из того, что он дома'), конструкция *как я думаю* выражает предположение, гипотезу в собственном смысле.

Противопоставление форм настоящего / прошедшего у глагольных ВК дает возможность выразить еще одну важную группу смыслов (импликаций), связанную с верификацией предположений.

Форма путативного глагола настоящего времени (как матричного, так и вводного ВК) показывает, что пропозиция не верифицирована и остается гипотезой: *Наши друзья, думаю, уже добрались до дома / сегодня не приедут* ('не известно, Р или не-Р').

Прошедшее время глагола предположения – как матричного, так и вводного (я думал, Р) – имеет импликацию, что в момент речи говорящий уже знает, Р или не-Р (иначе он должен по-прежнему употреблять форму настоящего времени *думаю*).

При этом возможны два исхода:

1) *я думал; как я думал* → 'Р не подтвердилось, имело место не-Р':

А я уж испугался, думал, с тобой что случилось [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] → 'не случилось'

Сегодня, наконец, познакомился с румыном Джорджем и спросил, как дела, как работает. Молодежный мужчина моих, как я думал, лет. Оказалось, ему 64 года. Фантастика! [Д.Н. Карапис. Дневник (2000)]

Иногда ситуация, противоположная ожидаемой Р, эксплицирована в самом высказывании:

Спасибо, что ботинки вернули, я думал, украдали их у меня [Владимир Спектр. Face Control (2002)].

И вся эта очередь, которая, как я предполагал, пройдет часа за полтора, была им принята буквально за 10 минут [С.Н. Есин. Дневник (2006)].

Оказалось, что там, где, как я думал, мы не имели никакого преимущества, как раз и смогли выиграть [Шамиль Тарпищев. Самый долгий матч (1999)].

Данная импликация распространяется и на 3-е лицо:

Дам тебе, говорит, каравай хлеба, топор и медный казан, а взамен попрошу немножко земли, которую можно измерить бычьей шкурой. Сколько она земли закроет, та и моя. Засмеялся Баим, согласился, думал, шутит купец: много ли земли накроет шкура даже самого крупного быка? [В.А. Марушин. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш (2016)] (из дальнейшего повествования выясняется, что Баим ошибался).

2) *как я и думал* → 'Р подтвердилось':

Сам по себе мой визит Лелю, как я и думал, нисколько не удивил [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] – 'думал, что не удивит; и действительно, не удивил'.

Знать

Еще больше pragматически и коммуникативно релевантных (но формально не выраженных) смыслов связано с употреблением вводного знать.

Употребление глагола знать, вообще говоря, должно быть pragматически оправданно, так как если отсутствует показатель нереальной модальности или неутвердительности, то человек по умолчанию сообщает знание. Если говорящий все-таки использует глагол знать, особенно в статусе ВК, у него есть специальные pragматические цели.

Например, говорящий хочет подчеркнуть, что обладает неочевидным для других знанием, которое, возможно, сближает его с адресатом или выделяет среди других людей:

Беляев посмотрел на часы: Ты, я знаю, в Ленинград собрался. Мой тебе совет – не вознирай [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Иногда ВК *знаю* используется говорящим, чтобы придать дополнительный вес своим словам, подчеркнуть их достоверность, заслужить доверие адресата:

Вот что, – сказал вдруг директор решительно, – тут вот что надо: тут надо ходатайствовать, чтобы взяли памятник под охрану. Как представляющий ценность. Да, да! Это, я знаю, можно. В Феодосии армянская церковь такая есть, и ее не трогают. И тут на турецких воротах тоже надпись: «Охраняется государством» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Существует особое употребление формулы *я знаю*: в конце предложения и с утверждительной интонацией. Считается, что вводные конструкции произносятся с «редуцированной» интонацией – пониженным тоном и ускоренным темпом, однако для данной конструкции свойственна ударная, эмфатическая интонация:

Тебя бывают дома, я знаю. Бывают, а? [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Понимаю, понимаю, начальник, – кивал Мансур, совершенно спокойный. – Ты большой человек, я знаю... [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

Говорящий хочет установить доверительный контакт с адресатом, особенно это видно в данных примерах, где речь идет о том, что говорящий обладает некоторыми «закрытыми» и / или важными сведениями об адресате.

При этом говорящий показывает, что и для него эта информация значима, в отличие от конструкции *насколько я знаю*, где говорящий занимает «отстраненную позицию»: *Насколько я знаю, он большой человек.*

Эмфатическое *я знаю* обычно находится в финальной позиции, но может находиться и в интерпозиции, при этом все равно оставаясь «ударным»:

Для Володи же, я знаю, из всех музыкальных встреч эта была номер один по значимости и по полученному заряду [Сати Спивакова. Не все (2002)].

Таким образом, за формально одинаковыми ВК скрываются разные типы с разными функциями; некоторые из них не выделены и не описаны.

Авторизационные и манипулятивные ВК

Глагольные ВК ментальной группы являются не только модальными, маркирующими статус пропозиции, но и **авторизационными** (в литературе их функции обозначаются как «указание на источник сообщения» [9, с. 262]). Основу этой группы составляют формы 1-го л. глагольных предикатов: *думаю, полагаю, помню, знаю* и под., ориентированные на говорящего, т. е. указывающие, что говорящий является автором пропозиции (3-е лицо устроено аналогично и является, как правило, передачей чужого высказывания, ср.: *Сахар, как считают, есть вредно*).

Ментальные предикаты 2-го лица, которые теоретически должны вводить пропозицию адресата, в действительности ведут себя нестандартно. Это связано с особым положением адресата в коммуникативных и ментальных структурах диалога и текста.

Вообще, формы 2-го лица отражают парадоксальную ситуацию, когда говорящий сообщает адресату его, адресата, пропозицию. Это странно, даже если речь идет о физических ситуациях: *Ты идешь по улице; Ты слушаешь музыку*. Ясно, что для pragматически оправданного употребления таких предложений должны быть специальные условия, и это особые речевые акты: *Ты слушаешь слишком громкую музыку, это вредит слуху* (предостережение). Тем более pragматически неуместно и даже абсурдно выглядят предложения, в которых фигурируют ментальные глаголы: содержание сознания адресата известно только самому адресату. Поэтому для уместного употребления ментальных глаголов 2-го лица (как матричных, так и вводных) тем более нужны специальные условия.

Можно выделить две типовые ситуации, когда со стороны говорящего уместно использовать ВК с ментальными глаголами 2-го лица: 1) в режиме напоминания: *Собрание акционеров, как вы знаете / как вы помните, отменено*; 2) в режиме вопроса: *Когда, думаешь, все будет готово? — спросил Лука, помолчав [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]; Он, думаешь, согласится нам помочь?* – здесь говорящий запрашивает информацию, которая является мнением, предположением адресата (интересно, что пропозиция, которая должна быть связана с глаголом 2-го лица и, следовательно, с адресатом, в действительности принадлежит говорящему; мы не можем на этом подробно останавливаться, но это важно отметить для дальнейшего изложения).

При этом в большинстве случаев форма вопроса используется в качестве риторического приема, т. е. в манипулятивных целях, – говорящий задает вопрос, чтобы тут же самому на него ответить:

Займы возвращать надо, да еще с процентами. Капиталист – он тебе зачем, думаешь, в долг дает? Угря разводить? Дудки! Чтоб в долг тебя вогнать [И.А. Бродский. Демократия! (1990)];

Чем, думаешь, работа держится? Головой! [Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей (1973)].

Собака, думаешь, сразу домашней была? Да ее сто лет приручали! [М.С. Аромштам. Мокнатый ребенок (2010)].

Подчеркнем, что в «нормальной» функции, т. е. в качестве указания на автора пропозиции, используется преимущественно глагол *думать* (и его менее употребительные ближайшие синонимы – *считать, полагать: Он, считаешь, откажется?*). Впрочем, даже в «нормальном» случае об авторизационной функции *думаешь* можно говорить достаточно условно, и связь между пропозицией и адресатом устанавливается не на первом шаге, а в результате описанной выше процедуры (говорящий сам строит пропозицию, помещает ее в модальную рамку вопроса, рассчитывает, что адресат ее «присвоит» и добавит в ответе нужную информацию).

При этом другие ментальные глаголы – *верить, представлять, знать, понимать* – в этой «нормальной» (авторизационной) функции вообще использоваться не могут, ср. **Он, знаешь, уехал?*, **Где, представляешь, он может быть?*, но используются в другой функции – **манипулятивной**.

В литературе выделяется группа вводных слов, которая выражает «значение акцентирования, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника» [12, § 2221]. Впрочем, в [12] в эту группу включены не только формы 2-го лица *знаешь, понимаешь, представляешь*, но также формы 1-го лица, ср.: *напоминаю, подчеркиваю, скажу вам*, и другие ВК, ср. *так сказать, надо сказать, главное и под., свойства и поведение ко-*

торых существенно отличаются от форм 2-го лица. Но нас интересует другое – отличие авторизационных форм 2-го лица от акцентирующих форм 2-го лица, свойства которых не просто различны, но полностью противоположны.

Прежде всего «акцентирующие» формы не вводят пропозицию адресата (как это ожидается от формы 2-го лица), а «сочетаются» с пропозицией говорящего:

Такие масштабы! Веришь [?], газеты некогда читать. Новости по дороге ухватываю [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

Хотя формально такое высказывание похоже на вопрос (*Ты веришь, что мне некогда читать газеты?*), в действительности, говорящий вовсе не интересуется, верит ли адресат, а сообщает некоторый новый (необычный, удивительный, заслуживающий внимания) факт, который может быть интересен адресату.

В других случаях построение грамматически правильного вопроса из материала исходного предложения вообще невозможно:

И я, представляешь [?], сама в ответ на их аккуратные пожелания разработала схему, максимально для них приятную [О.А. Славникова. 2017 (2017)].

В приведенных и подобных примерах употребление глагольных форм 2-го лица во вводных конструкциях имеет сугубо риторические функции и призвано воздействовать на сознание адресата, добиться от него определенного восприятия сообщаемого, определенной реакции. Подобные ВК можно называть манипулятивами, но с оговоркой, что такое название не обязательно указывает на «злой умысел» и недобросовестность говорящего. Напротив, использование арсенала средств, о котором идет речь, обычно нужно говорящему для того, чтобы просто привлечь внимание адресата и усилить впечатление (разумеется, «манипулятив» – это рабочее название, не претендующее на статус термина; учитывая «акцентирующие» свойства подобных конструкций, их можно было бы назвать и экспрессивами).

Употребление манипулятивов 2-го лица имеет два режима – вопросительный и не-вопросительный, – и оба они достаточно парадоксальны с точки зрения соотношения ментального глагола вводной конструкции и пропозиции основного предложения.

Представляешь [?], я даже одолела все грамматические правила, которые в школе мне не давались! [«Туризм и образование», 2000.06.15] – подобные высказывания являются, по-видимому, контаминацией двух отдельных речевых актов – сообщения и манипулятива-вопроса. В отличие от редуцированного модусного показателя, такие показатели никак не могут считаться понижением в ранге матричного ментального предиката 2-го лица, так как автор сообщаемой пропозиции не адресат, а говорящий. Во-вторых, обсуждаемые

манипулятивы употребляются с вопросительно-экспрессивной интонацией. В работе [5] для маркирования этой интонации предложен знак [?]. При этом манипулятивы употребляются в составе повествовательных предложений. Гетерогенность такой контаминированной конструкции, разноприродность ее составляющих особенно хорошо видна в парадоксальной и противоречащей общим правилам пунктуации.

В конце повествовательного предложения по правилам русской пунктуации должна стоять точка. И действительно, если манипулятив занимает пропозицию или интерпозицию, в конце предложения стоит точка:

Представляешь, паруса хлопают, мачты скрипят, волны о борт бьются, а мы – на экватор... [А.Г. Асмолов. Мечты сбываются (2015)].

Однако если манипулятив занимает финальную позицию, то ставится знак вопроса, отражающий вопросительную интонацию произнесения манипулятива:

Мама величает Максима Малановича «дорогим гостем». Я здоровуюсь с ним за руку, верите? [Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013].

Между тем предложение *Я здоровуюсь с ним за руку* является повествовательным, и после него должна стоять точка. Таким образом, правила русской пунктуации не предусматривают такого сложного случая, когда в одном высказывании совмещаются и пропозициональное содержание, передаваемое адресату, и средство воздействия на адресата данного типа.

Манипулятивы *знаешь / знаете и понимаешь / понимаете* ведут себя противоречиво и нестандартно не только с пунктуационной, но и с семантической точки зрения.

Они имеют два режима употребления. Первый режим, аналогичный вопросительным *веришь [?], представляешь [?]*, можно назвать эмфатическим, или вопросительным:

А я, знаешь [?], не сразу согласился.

Знаешь [?], я, пожалуй, к ним не поеду.

Если в случае *веришь [?]* еще можно считать, что говорящий действительно интересуется, верит ли адресат в сообщаемое, то в данном случае он сообщает адресату информацию, которую тот точно не знает, и употребление фактивного глагола *знаешь* (не важно, в нейтральном или вопросительном режиме) противоречит логике и здравому смыслу.

Ближайшим аналогом такого употребления *знаешь* является «предваряющее» употребление *знаешь*, о котором упоминает Ю.Д. Апресян: *Знаешь, кто на тебя донес?* (см. [1, с. 426]). В таких случаях говорящий не спрашивает, а, напротив, собирается сообщить адресату информацию, которую тот не знает. Но, вообще говоря, можно представить, что это все-таки вопрос, говорящий проверяет, есть ли у адресата информация, и теорети-

чески адресат может ответить «Знаю». Тем не менее стандартная ситуация употребления такого *знаешь* – сообщение адресату новой информации. Возможно, под влиянием такого «ослабленного» *знаешь* сформировался круг употреблений манипулятива *знаешь* / *знаете*, когда говорящий сообщает адресату новую, неизвестную информацию, а манипулятив используется для создания атмосферы доверительности: говорящий сообщает личную информацию, о которой, возможно, не знают другие люди, т. е. как бы приглашает, допускает адресата в свою личную сферу.

Использование манипулятива *понимаешь* можно объяснить тем, что, сообщая некоторую важную для себя информацию, говорящий подразумевает, что от адресата потребуются усилия, чтобы вникнуть в суть дела, разобраться в ситуации, поставить себя на место говорящего и т. д. И это действительно соответствует семантике понимания:

Понимаешь [?], очень обидно прозевать вспышку. Ведь сверхновая... [Евгений Велтистов. Победитель невозможного (1975)].

При этом *знаешь* (*знаете*) и *понимаешь* (*понимаете*) имеет и другой, не-вопросительный, режим употребления. В таком режиме в конструкции легко употребляется частица *ли*:

– Всё это, *знаете*, не ново, – сказал он [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)] ≈ *знаете ли*

Я, знаете, имею обыкновение ездить на городском транспорте. [И. Грекова. На испытаниях (1967)] ≈ *знаете ли*

Такие употребления можно назвать «назидательными». Впрочем, невопросительные манипулятивы могут употребляться и в бытовых контекстах:

Я тебе, знаешь ли, поверил на слово [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

Принципы употребления вопросительных и невопросительных манипулятивов совершенно не изучены, но некоторые тенденции можно проследить даже на небольшом корпусе примеров.

Вопросительный вариант обычно сопровождает сообщение о фактах личной биографии говорящего, важных для него самого, подчеркивает доверительность:

Я месяца два или три пролечился, знаете [?], легче стало [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)].

Не-вопросительный режим обычно связан с сообщением каких-то сведений обобщающего характера. В качестве эксперимента можно использовать материал приведенного примера и преобразовать его в своего рода сентенцию, общее суждение:

При таких нарушениях, знаете [вариант: *знаете ли*], лучше как следует полечиться, чтобы не было осложнений.

Иногда в одном тексте рядом могут оказаться оба типа манипулятивов:

«А ты знаешь [?], я ведь решил не жениться». Я говорю: «Да?» Он говорит: «Ну. Посидел так, *знаешь*, подумал, и решил – да ну этого депутата вместе с его дочками» [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)].

Впрочем, принципы использования манипулятивов и их интонационного оформления требуют специального исследования.

Заключение

Подведем итоги. Хотя рассмотренные выше манипулятивные конструкции в литературе традиционно включаются в число вводных и действительно внешне выглядят как вводные (не входят в синтаксическую структуру предложения, выделяются пунктуационно), они, очевидно, имеют совершенно другой статус, чем авторизационные. Показательно, что в последние десятилетия в связи с интересом к изучению устной речи появились термины «дискурсивные формулы», «прагматемы», «иллокутивы», «метакоммуникативы», «хезитативы», «прагматические маркеры» (см., в частности, работы [2–4, 10, 13, 14]), которые включают и многие вводные слова (хотя охватывают более широкий круг единиц). Так, в «Мультимедийном словаре коммуникативных маркеров» [6] единицы *думаю, знаешь, представляешь, понимаешь*, в грамматиках и пособиях по пунктуации относимые к вводным словам, квалифицируются как метакоммуникативы и хезитативы.

Очевидно, назрела необходимость пересмотреть состав, семантику и функции конструкций, которые традиционно относят к вводным словам, словосочетаниям и предложениям, с точки зрения современных теоретических представлений о коммуникативных стратегиях и использовании редуцированных единиц разного происхождения в качестве маркеров этих стратегий.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы // Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 405–433.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.

3. Богданова-Бегларян Н.В. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.) / Гл. ред. В.П. Селегей. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 72–85.
4. Иоанесян Е.Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 24–39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.
5. Кобозева И.М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 539–543.
6. Мультимедийный словарь коммуникативных маркеров (электронный ресурс). www.ord-multimedia-dict.com/
7. Остроумова О.А. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 501 с.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
9. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2006. 480 с.
10. Рахилина Е.В. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.
11. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Моск. междунар. шк. переводчиков, 1994. 400 с.
12. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М.: Наука, 1980.
13. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
14. Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6.
15. Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. Studies in Language, 2010, Vol. 34, no 1, pp. 36–74.
16. Parentheticals. Ed. by N. Dehé, Y. Kavalova. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 314 p.
17. Urmson J.O. Parenthetical Verbs // Philosophy and Ordinary Language. Ed. Ch.E. Caton. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1963, pp. 220–240. Рус. перевод: Урмсон Дж. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 196–216.
18. Wierzbicka A. Metatekst w tekscie // O spójności tekstu. Wrocław: Ossolineum, 1971, p. 105–121. Рус. перевод: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–423.

References

1. Apresyan Yu.D. Problema faktivnosti: *znat'* i ego sinonimy [The Problem of Factivity: *znat'* ‘to Know’ and Synonyms]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr.*: v 2 t. [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, pp. 405–433. (In Russ.)
2. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu. Korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshcheniya “Odin rechevoy den’”: tekushchee sostoyanie i perspektivy [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication “One Speech Day”: Current State and Prospects]. *Trudy In-ta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyj korpus* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Iss. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development]. Moscow, 2019, pp. 101–110. (in Russ.)
3. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu., Zaides K.D., Popova T.I. Annotirovaniye pragmatischeskikh markerov v russkom rechevom korpusse: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty [Annotation of Pragmatic Markers in the Russian Speech Corpus: Problems, Searches, Solutions, Results]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam jezhegodnoj mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog” (Moskva, 29 maya – 1 iyun'a 2019)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. According to the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, May 29 – June 1, 2019)]. Iss. 18 (25). Moscow, 2019, pp. 72–85. (in Russ.)
4. Ioanesyan E.R. Diskursivnye formuly, proizvodnye ot propozitsional'nykh predikatov. [Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2022, 11(8), pp. 24–39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39. (In Russ.).
5. Kobozeva I.M. O dvukh tipakh vvodnykh konstruktsiy s parenteticheskym glagolom [On Two Types of Constructions with a Parenthetical Verb]. *Tipologiya i teoriya jazyka: ot opisaniya k ob"yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika* [Typology and Linguistic Theory: from Description to Explanation. For the 60th birthday

-
- of Aleksandr E. Kibrik]. E.V. Rakhilina, Ya.G. Testelets (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 539–543. (In Russ.)
6. *Mul'timediyyny slovar' kommunikativnykh markerov* [Multimedia dictionary of pragmatic markers] (www.ord-multimedia-dict.com/) (In Russ.)
7. Ostroumova O.A., Frampol' O.D. *Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii. Opyt slovarya-spravochnika* [A Dictionary of Parentheticals. A Working Dictionary]. Moscow, SGU Publ., 2009, 501 p. (In Russ.)
8. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Investigations. Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)
9. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Handbook]. V.V. Lopatin (Ed.). Moscow, EKSMO Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)
10. Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu. *Rechevyye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly* [Speech acts as a linguistic category: discursive formulas]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2021, no. 2, pp. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27. (In Russ.)
11. Rozental' D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Handbook of Spelling, Pronunciation, and Literary Editing]. Moscow, Moscow International Transl. School Publ., 1994, 400 p. (In Russ.)
12. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar] Vol. 2. N.Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
13. *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh grup-pakh. Kollektivnaya monografiya.* [Everyday Russian Language in Different Social Groups. Collective Monograph]. N.V. Bogdanova-Beglarian (Ed.). St. Petersburg, 2016. 244 p. (In Russ.)
14. Sharonov I.A. Semantic and pragmatic aspects of the description of introductory words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2018, vol. 51, pp. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6. (In Russ.).
15. Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. *Studies in Language*, 2010, Vol. 34, no 1, pp. 36–74.
16. *Parentheticals.* Ed. by N. Dehé, Y. Kavalova. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 314 p.
17. Urmson J.O. Parenthetical Verbs. *Philosophy and Ordinary Language*. Ed. Ch.E. Caton. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1963, pp. 220–240.
18. Wierzbicka A. Metatekst w tekscie. *O spójności tekstu*. Wrocław: Ossolineum, 1971, pp. 105–121.

Сведения об авторе

Кустова Галина Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; galinak03@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9404-081X

Information about author

Galina I. Kustova, Doctor of Philology, chief researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; galinak03@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9404-081X

Статья поступила в редакцию 10.02.2025.

The article was submitted 10.02.2025.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ю.В. Овсейчик, ovsei77@rambler.ru

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена концептуальному моделированию логико-семантических отношений, оформляемых средствами сочинительной связи (традиционными союзами и их аналогами), на основании двух образных схем THING и PATH. В разработанной иерархической модели выделяются пять типовых ситуаций, характеризующих многообразные логико-семантические отношения между фрагментами внеязыковой действительности, маркируемые единицами сочинения. Образная схема THING, отражающая отношения сосуществования и несуществования, представлена типовыми ситуациями «включение», «исключение» и «альтернатива». Образная схема PATH, фиксирующая временную и логическую последовательность, включает типовые ситуации «исходная ситуация» и «производная ситуация». Внутри каждой типовой ситуации выделяются по два варианта, в свою очередь распадающихся на две или три разновидности, которые подвергаются различным типам регулярного варьирования в разнообразных контекстах. Продемонстрирована приложимость предложенного прохода к системе средств сочинительной связи в современном французском языке.

Ключевые слова: иерархическая модель, образы-схемы, типовые ситуации, семантика единиц сочинения

Для цитирования: Овсейчик Ю.В. Концептуальное моделирование сочинительных отношений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 53–62. DOI: 10.14529/ling250206

Original article

DOI: 10.14529/ling250206

CONCEPTUAL MODELING OF COORDINATION RELATIONS

Yu.V. Auseichyk, ovsei77@rambler.ru

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the conceptual modelling of logical-semantic relations formalised by the coordinating conjunction (traditional conjunctions and their analogues), based on two figurative schemes THING and PATH. The developed hierarchical model identifies five typical situations representing a variety of logico-semantic relations between fragments of extra-linguistic reality marked by coordination units. The figurative scheme THING, which reflects the relations of coexistence and non-existence, is represented by the typical situations «inclusion», «exclusion» and «alternative». The figurative scheme PATH, reflecting the temporal and logical sequence, includes the typical situations «initial situation» and «derivative situation». Within each typical situation, two variants are distinguished, which in turn are subdivided into two or three varieties, which are subject to different types of regular variation in different contexts. We demonstrate the applicability of the proposed approach to the coordination means system in contemporary French.

Keywords: hierarchical model, image-schemes, typical situations, semantics of coordination units

For citation: Auseichyk Yu.V. Conceptual modeling of coordination relations. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):53–62. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250206

Активизация семантических исследований связующих единиц обусловлена, с одной стороны, стремительным развитием когнитивной лингвистики, а с другой – практическими нуждами компьютерной лингвистики и методики преподавания [4, 6, 10, 17]. Разрозненность и разнородность информации, представленной в лексикографических источниках, академических грамматиках и многочисленных исследованиях, посвященных разнообразным связующим единицам в европейских языках, включая и сочинительные союзы, не позволя-

ет в полной мере соотнести эти реляционные единицы и маркируемые ими отношения между фрагментами внеязыковой действительности во всем их богатстве и многообразии.

Целью исследования является разработка классификационной схемы отношений, маркируемых средствами сочинительной связи. Выбор этой синтаксической подсистемы обусловлен неуказанным исследовательским интересом к сочинительным союзам и их аналогам в разных языках (см., например, типологическое исследование

средств сочинительной связи [13]), поскольку, проникая в лингвистическую природу этого класса служебных слов, предназначенных для описания как чувственно воспринимаемого, так и мыслимого мира, мы тем самым углубляем наше знание о когнитивной деятельности человека.

Исходным методологическим принципом является признание за сочинительными союзами способности именовать различные элементы опыта (природа, человек, социум), которые существуют на невербальном уровне как сигналы «текущего ментального состояния субъекта» [10, с. 315]. Когнитивные исследования показывают, что в процессе повседневного рефлексирования над фактами и явлениями объективной действительности любой носитель языка регулярно пользуется двумя десятками разнообразных образов-схем и их смысловых трансформаций, которые покрывают огромное количество экспериенциальных структур [12]. Обобщенно понятие «образ-схема» определяется как динамические аналоговые репрезентации статичных отношений (THING_{schema}) и динамичных отношений (PATH_{schema}) [12, с. 240; 15, р. 113]. Ср. два основных блока лексем, указывающих на объективную связь между ситуациями P₁ и P₂, и на сосуществование (или следование) ситуаций P₁ и P₂, представленных в работе Е.В. Урысон [10, с. 312]. Метафорическое переосмысление пространственного и временного опыта человека в виде образов-схем предложено М. Джонсоном и Дж. Лакоффом. Эта концепция представляется весьма продуктивной и перспективной для максимального точного и исчерпывающего понимания специфики более абстрактных сущностей [14, с. 240], каковыми являются логические и нелогические отношения, сложным образом переплетающиеся в семантике средств сочинительной связи.

Для апробации предлагаемой классификации выбрана система средств сочинительной связи французского языка. Для этих средств вводится термин «единицы сочинения». Единица сочинения рассматривается как языковая единица, функция которой заключается в выражении того или иного типа логико-семантических отношений, существующих между двумя и более соединенными с ее помощью синтаксическими компонентами: членами одного предложения (копулятивная связь) или частями сложного предложения и независимыми предложениями (коннективная связь), ср.: «NP-соинение» и «event-соинение» в [13, с. 18].

Класс единиц сочинения французского языка включает как первичные средства сочинительной связи (*et*, *ou*, *ni*, *mais*, *car*, *donc*, *or*, функционирующие с IX–X вв. в роли реляторов), так и их аналоги, неоднородные единицы, принадлежащие к разным классам слов (наречия, наречные обороты, предложные группы, причастия и т. д.), отобранные нами в ходе обобщения данных современных академических грамматик [7, с. 25–37].

Материалом для исследования послужили контексты современного французского языка с 1981 г.

по настоящее время из Национального корпуса французского языка Frantext [11]. Отбор репрезентативного количества контекстов с исследуемыми единицами осуществлялся с использованием методики коррекции и накопления исследовательского материала [9]. Так, для высокочастотных единиц (количество вхождений более 10 000 в рассматриваемом сегменте корпуса) репрезентативным является 400 контекстов, для среднечастотных единиц (количество вхождений менее 10 000, но больше 1000) – 200 контекстов, для малочастотных единиц (количество вхождений меньше 1000) – 100 контекстов. Для единиц, количество вхождений которых меньше 100, учитывались все контексты, зафиксированные в данном сегменте корпуса. В ходе дистрибутивного анализа определялось количество контекстов, в которых исследуемые единицы устанавливают копулятивную и коннективную связь (сводные данные представлены в таблице).

Систематизация отобранных 4714 контекстов проводилась на основании смыслового соотношения соединяемых компонентов и их лексико-грамматического наполнения в соответствии с разработанной нами иерархической моделью отношений, маркируемых единицами сочинения в современном французском языке, основанной на двух образных схемах THING и PATH.

Образная схема THING фиксирует связь между однородными и/или неоднородными внеязыковыми сущностями, которые сосуществуют или не сосуществуют в одном пространстве:

Il pouvait y a voir partout des gens intelligents et des idiots ‘Везде могли быть люди умные и глупые’ (Fr. Maspero, 2002; здесь и далее используются примеры из [11], перевод наш – Ю.О.);

Pas de sentinelle au portail, mais beaucoup de gens autour ‘Часового у ворот нет, но вокруг много людей’ (Cl. Schmit, 2017 [11]).

Образная схема PATH отражает темпоральную и/или логическую последовательность ситуаций во внеязыковой действительности:

Je gravis les marches et entrai ‘Я поднялся по ступенькам и вошел’ (J. Littell, 2006 [11]);

Vous m'avez écrit, donc je vous appelle ‘Вы мне написали, поэтому я вам звоню’ (Ch. Angot, 2006 [11]).

Для разграничения единиц сочинения, маркирующих отношения в сфере действия образной схемы THING, использовались следующие смысловые признаки.

Признак **сосуществование** некоторых сущностей в одном пространстве предполагает, что компоненты, соединенные единицами сочинения, представляют собой:

– элементы одного онтологического или pragматического класса (предметы, признаки, действия):

Il y avait une table de chevet en ébène et un tapis de laine écrue ‘Там были прикроватная тумбочка из черного дерева и небеленый шерстяной ковер’ (C. Jouvet, 1991 [11]);

Количество контекстов с единицами сочинения

1	2	1	2	1	2	1	2
<i>ou</i>	400	<i>cependant</i>	83	<i>en revanche</i>	43	<i>effectivement</i>	25
<i>ni</i>	400	<i>au reste</i>	82	<i>donc</i>	41	<i>néanmoins</i>	25
<i>et</i>	392	<i>c'est pourquoi</i>	82	<i>en effet</i>	41	<i>à la vérité</i>	23
<i>mais</i>	389	<i>tantôt</i>	79	<i>enfin</i>	39	<i>conséquemment</i>	22
<i>puis</i>	285	<i>ensuite</i>	77	<i>par contre</i>	36	<i>soit... ou</i>	22
<i>car</i>	200	<i>pourtant</i>	61	<i>soit</i>	35	<i>par conséquent</i>	21
<i>or</i>	196	<i>en outre</i>	57	<i>après tout</i>	33	<i>de même que</i>	20
<i>c'est- à-dire</i>	182	<i>par suite</i>	57	<i>à savoir que</i>	33	<i>du reste</i>	16
<i>alors</i>	181	<i>en fait</i>	56	<i>toutefois</i>	32	<i>de plus</i>	12
<i>sinon</i>	137	<i>ainsi que</i>	53	<i>encore</i>	31	<i>encore que</i>	9
<i>aussi</i>	106	<i>au contraire</i>	51	<i>de fait</i>	31	<i>partant</i>	7
<i>du moins</i>	95	<i>finalement</i>	51	<i>au surplus</i>	29	<i>plutôt</i>	2
<i>voire</i>	95	<i>d'ailleurs</i>	49	<i>et/ou</i>	28	<i>non moins que</i>	1
<i>ou bien</i>	91	<i>au moins</i>	43	<i>aussi bien que</i>	26	<i>sitôt</i>	1
Всего, ед.							4714

Примечание: 1 – единица сочинения, 2 – количество контекстов для соответствующей единицы в союзной функции.

Léa avait un peu changé elle aussi. Plus maigre, avec les sillons nasolabiaux plus marqués. Mais elle était toujours belle ‘Леа тоже немного изменилась. Худощавая с сильно выраженным носогубными складками. Но она оставалась красивой’ (J.-M. Le Clézio, 2003 [11]);

– ситуации, одновременно происходящие в текущий момент:

Tout le monde meurt. Et Mamina vit ‘Все умирают. А Мамина живет’ (A. Bois, 2009 [11]);

– две и более имеющие место альтернативы в определенный временной промежуток:

Ne t'inquiète pas si je n'arrive que le jour de Noël, ou si mon voyage est dérangé ‘Не волнуйтесь, если я не приеду до Рождества или если моя поездка будет сорвана’ (A. Gavalda, 2004 [11]).

Несуществование некоторых сущностей в одном пространстве предполагает, что компоненты, соединенные единицами сочинения, представляют собой:

– противопоставленные элементы одного класса / одной ситуации:

Nous disposions d'informations abondantes sur l'industrie pétrolière; par contre nos dossiers restaient presque vides sur le sujet des relations politiques ‘У нас было много информации о нефтяной промышленности, но наши досье оставались почти пустыми на предмет политических отношений’ (J. Littell, 2006 [11]);

Je ne suis pas blessée. Au contraire votre voix friable me touche ‘Мне не больно. Напротив, меня трогает ваш мягкий голос’ (A. Brochet, 2005 [11]);

– взаимоисключающие альтернативы:

En haut ou en bas? – En bas ‘Вверху или внизу? – Внизу’ (M. Fellag, 2007 [11]).

Для разграничения единиц сочинения, маркирующих отношения в сфере действия образной схемы PATH, исходим из следующих смысловых признаков.

При **temporalной** последовательности между соединенными компонентами существует такого рода отношение, которое основывается на непосредственном следовании внеязыковых ситуаций в промежуток времени T_1-T_2 , наблюдаемых субъектом ситуации (‘сначала есть P_1 , потом следует P_2 ’):

Les Thaïs saluèrent les corps en joignant leur main à leur front et ils s'en allèrent ‘Тайцы поклонились телам, приложив руку ко лбу, и ушли’ (Al. Jenni, 2011 [11]).

При **логической** последовательности между соединенными компонентами существует такого рода отношение, которое основывается на естественной и закономерной обусловленности внеязыковых ситуаций (‘если есть P_1 , то обычно следует P_2 ’) и в наиболее общем виде сводится к двум видам каузальности:

– собственно-причинной, непосредственная истинная причина порождения ситуации (причина-следствие):

Il s'est fait arrêter par les flics. Il avait oublié ses papiers, donc on l'a emmené au poste ‘Его задержали полицейские. Он забыл свои документы, и его забрали в участок’ (S. Crémier, 2007 [11]).

– несобственно-причинной, внешний повод или косвенное свидетельство, используемые как аргумент для умозаключения о порождении ситуации (основание – вывод):

J'étais en civil. Ainsi ils ne me devaient pas salut ‘Я был в штатском. Поэтому они не должны были отдавать мне честь’ (J. Roubaud, 2008 [14]).

Каждая из образных схем, таким образом, включает определенные типовые ситуации отношений, связывающих фрагменты внеязыковой действительности на основании общности их содержательных и формальных признаков (ср. типовые сценарии развития событий в когнитивно-

семантическом подходе к описанию коннекторов со значением непосредственного следования [5]).

Образная схема THING представлена тремя типовыми ситуациями: «включение», «исключение» и «альтернатива». Образную схему PATH представляют две типовые ситуации: «исходная ситуация», «производная ситуация». Внутри каждой типовой ситуации выделяются по два варианта, каждый из которых включает две или три разновидности (см. рисунок), подвергающиеся регулярному варьированию в разнообразных контекстах. В данной работе задача подробного анализа всех видов контекстуальных модификаций не ставится.

Рассмотрим каждую типовую ситуацию отдельно.

Типовая ситуация «включение» выделяется на основании общих смысловых признаков (количество элементов множества, степень объединенности элементов внутри множества, выделенность последнего элемента множества, наличие обобщающего элемента) и реализуется в двух вариантах – МНОЖЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ и СОСУЩЕСТВОВАНИЕ СОВМЕСТИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ.

В варианте МНОЖЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ (ср.: «Говорящий формирует множество, включая в него то, на что поочередно падает его взгляд, то, что в каждый момент попадает в поле его зрения» [10, с. 301]) различаются три разновидности:

– собственно соединение (элементы, соединенные единицами сочинения, интерпретируются как некое единство, т. е. множество состоит из данных элементов, количество которых должно быть более двух):

L'album recèle le secret de l'entité de famille, fabrique sa légende par l'inventaire infini des corps et des visages, meubles et immeubles, bêtes et gens, parentèles et relations ‘Альбом скрывает тайну семейной общности, создает ее легенду из бесконечного количества тел и лиц, мебели и зданий, животных и людей, родственников и знакомых’ (A.-M. Garat, 2011 [11]);

– аддитивность как соотнесение общего и частного или элемента и множества, что подчеркивает факт включения элементов в некоторое множество (см. подробнов в [4, с. 306–365]):

Mon père a été pendant dix-huit ans chef de service dans cette maison, ainsi que ma mère, vingt-deux ans. De plus mon grand-père y a été chef de fabrication en 1880... ‘Мой отец был управляющим в этом доме восемнадцать лет, как и моя мать, двадцать два года. Более того, мой дед работал там заведующим производством в 1880 году...’ (A.-M. Garat, 2008 [11]);

– коррекция, т. е. введение информации на основании отождествления по смысловому объему компонента, представленного в первой части, с компонентом во второй части (о неоднородности отношения двойного обозначения см. в [8, с. 11–18; 16]):

Tous les cyclistes dénichent le plus souvent, des félicités et des plaisirs qui les aident à vivre un peu

mieux. C'est-à-dire à soigner le pessimisme, à chasser la tristesse, à décourager le découragement lui-même ‘Все велосипедисты чаще всего открывают для себя блаженство и удовольствие, которые помогают им жить чуточку лучше. То есть излечить пессимизм, отогнать печаль, отбить охоту к унынию’ (J.-N. Blanc, 2003 [11]);

Prétextant des restrictions économiques ils ont licencié une employée, à savoir mon amie Laetitia Lang ‘Под предлогом экономических ограничений они уволили сотрудницу, а именно мою подругу Летисию Ланг’ (C. Lovey, 2016 [11]).

Вариант СОСУЩЕСТВОВАНИЕ СОВМЕСТИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ представлен двумя разновидностями:

– одновременность без сопоставления, т. е. элементы множества могут представлять одновременно происходящие события, действия, явления и одновременное проявление двух признаков, присущих объекту:

Des gens sont debout, dans l'ombre, et parlent à voix basse ‘В тени стоят люди и переговариваются вполголоса’ (L.-É. Martin, 2010 [11]);

L'enfant le sortit dans sa main, craintive des flappements mous dans sa paume, cependant ravie de la curieuse beauté de l'insecte ‘Малыш взял его в руку с трепетом от мягкого трепыхания в ладони и в восторге от диковинной красоты насекомого’ (A.-M. Garat, 2006 [11]);

Mathilde fixe les cailloux qui tapissent le sol. Alors elle pense à Théo, Maxime et Simon ‘Матильда смотрит на камешки, лежащие на земле. И она думает о Тео, Максиме и Симоне’ (D. de Vigan, 2009 [11]);

– сопоставление, т. е. речь идет о двух элементах множества, которые существуют одновременно, сопоставляются на основании их сходства и различия (см. о специфических семантических свойствах союза *et* для выражения сходства / одинаковости и несходства / различия в [3, с. 89]):

Mais Mariani est comme ça. Une part de lui est folle, et une autre part de lui m'a porté ‘Но Мариани такой. Часть его сумасшедшая, а другая часть меня впечатлила’ (Al. Jenni, 2011 [11]);

Sa mère fait parfois des crêpes, pour le goûter, alors que ma mère fait des crêpes une fois par an ‘Иногда ее мать печет блины к полднику, а моя мать печет блины раз в год’ (É. Viennot, 2012 [11]);

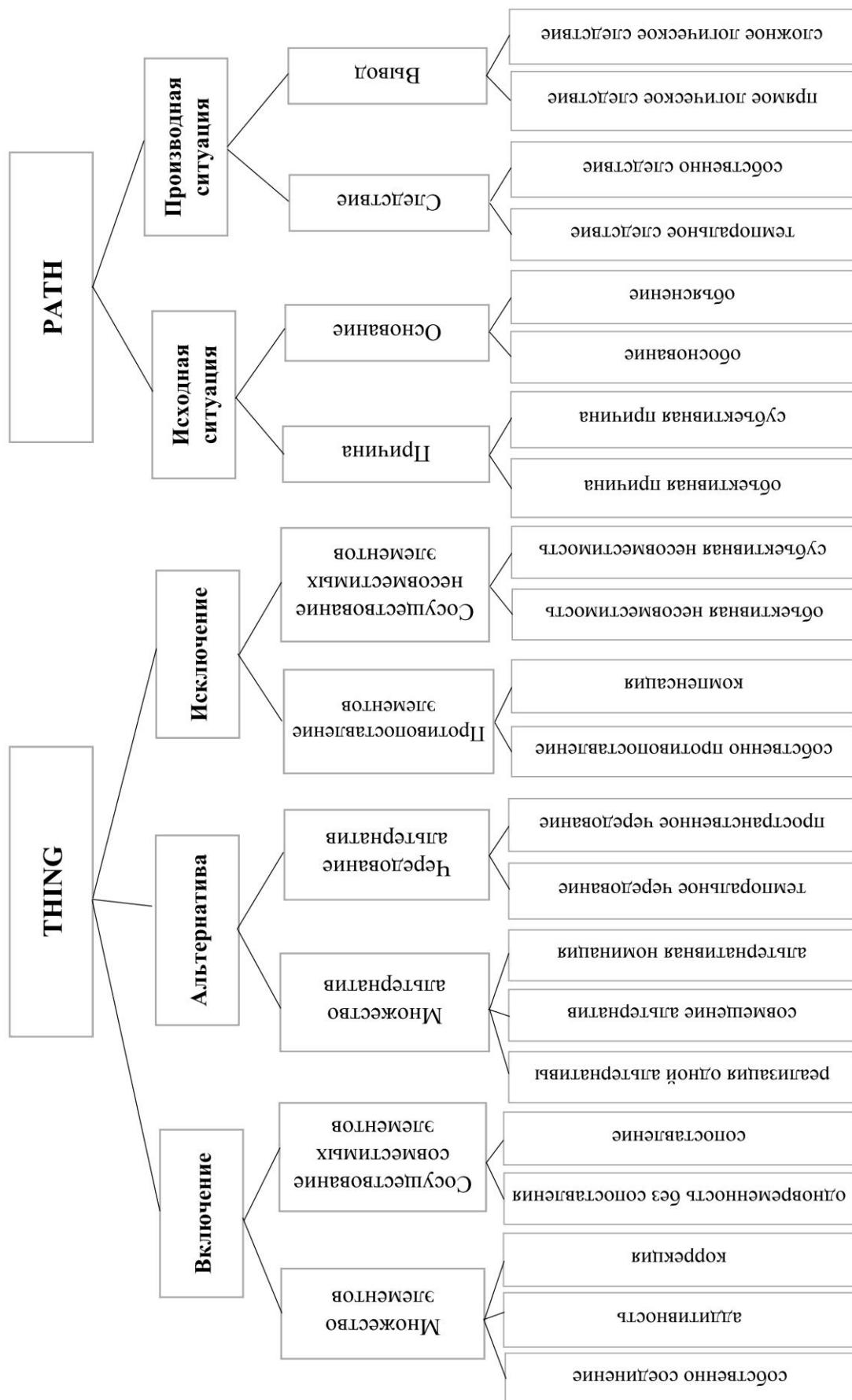
Les coups de pied, c'était des deux côtés. Par contre les coups de poing, c'était toujours de la gauche qu'ils étaient venus ‘Ногами били с обеих сторон. А удары кулаками были слева’ (Th. Jonquet, 2006 [11]).

Типовая ситуация «альтернатива» представлена двумя вариантами – МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ и ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ.

Вариант МНОЖЕСТВО АЛЬТЕРНАТИВ распадается на следующие разновидности:

– реализация одной альтернативы из множества равноценных или неравноценных альтернатив:

Je nourrissais déjà un projet de demander un poste de lecteur français dans une faculté étrangère,

Иерархическая модель отношений, маркируемых единицами сочинения

Bucarest ou Munich, ou l'Amérique, peu m'importe ‘Я уже вынашивал план подать заявление на должность преподавателя французского языка на факультете за границей, в Бухаресте или Мюнхене, или Америке, мне было все равно’ (M. Genevoix, 1981 [11]);

Demain on ira prendre le train à Saint-Lazare, pour aller jusqu'à Cherbourg, soit c'est direct, soit on change à Caen ‘Завтра мы отправляемся с вокзала Сен-Лазар в Шербур *либо* на прямом поезде, *либо* с пересадкой в Кане’ (D. de Vigan, 2007 [11]);

– совмещение альтернатив (две и более альтернативы имеют место, ни одна из альтернатив не имеет места):

Et demain éclateraient une guerre et/ou un scandale ‘А завтра разразится война и/или скандал’ (Gr. Bouillier, 2004 [11]);

La petite fille de son amie Estelle n'était pas le portrait de sa mère ou de son père ‘Внучка ее подруги Эстель не была похожа *ни* на мать, *ни* на отца’ (P. Pelot, 2003 [11]);

– альтернативная номинация, одновременное существование нескольких возможных вариантов наименования одних и тех же внеязыковых сущностей:

Le bouche à oreille ou le téléphone arabe risquait de poser des problèmes ‘Сарафанное радио, или арабский телефон, могло создать проблемы’ (Th. Jonquet, 2006 [11]).

Вариант ЧЕРЕДОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВ предполагает наличие множества возможностей, каждая из которых реализуется в свой отрезок времени или применительно к своему объекту, т. е. выделяются две разновидности:

– темпоральное чередование альтернатив (последовательная смена состояний или действий):

Tantôt le soleil blanc, tantôt le soleil rouge ‘To солнце белое, *то* солнце красное’ (J. Roubaud, 2006 [11]);

– пространственное чередование альтернатив (последовательная смена локализации объекта, его предназначения):

Chaque habitation dispose d'un quai d'embarquement comme à Venise, au bout de ce qui sert soit de jardin, soit de petite pâture ‘У каждого жилища есть причал, прямо как в Венеции, который служит *то* садом, *то* небольшим пастбищем’ (M. Winock, 2003 [11]).

Типовая ситуация «исключение» распадается на два варианта – ПРОТИВОСТАВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ и СОСУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСОВМЕСТИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ.

В случае ПРОТИВОСТАВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ семантика единиц сочинения имеет следующее толкование: ‘обычно, если имеет место ситуация типа Р₂, ситуация типа Р₁ не имеет места’. Выделяются две разновидности этого варианта типовой ситуации:

– собственно противопоставление, т. е. утверждение существования одного из противопоставленных компонентов через отрицание другого:

Le Colt Python n'est pas un pistolet, mais un revolver ‘Кольт Питон – это не пистолет, *а* револьвер’ (M. Jung, 2018 [14]);

Pas un silence absent. Au contraire, un silence habité ‘Не отсутствующая тишина. *Напротив*, обитаемая тишина’ (J.-N. Blanc, 2003 [11]);

– компенсация, т. е. отрицание существования положения вещей Р₁ и замена его положением вещей Р₂ (об использовании термина «компенсация» см. в [3, с. 379–381]):

Il n'y aura pas de fèves ce soir, mais Mauranne promet des radis ‘Бобов сегодня вечером не будет, *но* Морана обещает редис’ (A.-M. Garat, 2008 [11]);

Les coups ne m'ont jamais rien fait. Au contraire je leur dois de m'être créé tout jeune une philosophie qui me permet aujourd'hui d'apprécier de suite les bons et les mauvais moments ‘Побои никогда не приносили мне вреда. *Напротив*, я обязан им тем, что в раннем возрасте создал для себя философию, которая сегодня позволяет мне сразу же оценить и хорошие, и плохие времена’ (J. Desportes, 2020 [11]).

В варианте СОСУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСОВМЕСТИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ предполагается сосуществование двух положений дел, в норме исключающих друг друга. При установлении связи между двумя несовместимыми положениями дел семантика единиц сочинения интерпретируется следующим образом: ‘имеет место Р₂; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Р₂, ситуация типа Р₁ не имеет места; в данном случае Р₁ имеет место’. Выделяются две разновидности этого варианта типовой ситуации:

– объективная несовместимость, отношение между содержанием соединенных компонентов, в норме исключающих друг друга, находится в пре-суппозиции и базируется на общем знании, на «обиходной энциклопедии»:

Ses parents n'avaient pas de voiture à entretenir et ne flânaient jamais en ville, toutefois sa mère connaissait le nom de l'établissement ‘У его родителей не было машины, и они никогда не разъезжали по городу, *но* мать знала название заведения’ (C. Bentz, 2021 [11]);

Le temps commence à se couvrir et les vagues sont tachées d'écume. Pourtant pas un seul moment ils n'hésitent à se baigner ‘Погода начинает портиться, и волны покрываются пеной. *И все же* они решаются окунуться’ (G. Musso, 2004 [11]);

J'avais imaginé découvrir enfin le pot aux roses: que Louise n'allait jamais à la messe mais aux réunions d'un parti d'extrême droite. De fait j'ai découvert qu'elle allait à la messe pour dormir ‘Вообразив, что наконец-то узнал правду, я решил, что Луиза ходит в церковь не на службу, а на собрания ультраправой партии. *Но* я обнаружил, что она ходит туда, чтобы спать’ (H. Guibert, 2001 [11]);

– субъективная несовместимость, отношение между содержанием соединенных компонентов, в норме исключающих друг друга, основано на мнении, предложении говорящего, отличного

от общепринятого (о сути уступительных отношений с позиции мнения говорящего в [1, с. 101]):

Et puis le héros de la fête vous remarque, alors que vous êtes le méprisable parmi les justes, le minable parmi les minables ‘И к тому же герой вечеринки замечает вас, хотя вы презренный среди праведников, жалкий среди жалких’ (M. Desplechin, 2006 [11]);

Je n'aimais pas beaucoup Hans, un homme mauvais, lunatique; lui non plus ne m'aimait pas. Néanmoins il nous fallait travailler ensemble ‘Мне не очень нравился Ганс, плохой, угрюмый человек; я ему тоже не нравился. Тем не менее нам приходилось работать вместе’ (J. Littell, 2006 [11]).

Данная разновидность типовой ситуации «исключение» представляет собой переходный вариант между ситуациями, репрезентирующими об разные схемы THING и PATH.

Типовая ситуация «исходная ситуация» представлена двумя вариантами – ПРИЧИНА и ОСНОВАНИЕ.

ПРИЧИНА. Следует различать два вида связи между двумя ситуациями:

- объективную (при условии существования исходной ситуации обязательно реализуется и определенная производная ситуация):

Depuis le début de la guerre, il y a moins de docteurs, à Voiron, car certains sont partis dans les hôpitaux militaires ‘С началом войны в Вуароне стало меньше врачей, потому что некоторые уехали в военные госпитали’ (É. Viennot, 2012 [11]);

- субъективную (исходная ситуация так или иначе воздействует на субъект, но реализация производной ситуации зависит от него):

J'aimais ses pleurs, car ils me permettaient de la consoler ‘Я любил ее слезы, потому что они позволяли мне ее утешить’ (Ph. Lançon, 2018 [11]);

Cette jeune femme casse tout ce qui est à sa portée. En effet, la seule photo de sa fille qu'elle possédait a été foulée aux pieds, déchirée ‘Эта молодая женщина разбивает все, что попадает ей под руку. Потому что единственная фотография ее дочери была растоптана ногами, разорвана на части’ (H. Castel, 2009 [11]).

ОСНОВАНИЕ. Исходя из того, что несобствен но-причинная связь основана на норме, общей закономерности или на наблюдениях и рассуждени ях субъекта ситуации, различаются две разновид ности этого варианта типовой ситуации:

- обоснование, т. е. совершение действий субъекта согласуется с так или иначе зафиксир ованными социальными, юридическими и другими нормами или обосновано апелляцией к обычаям, установленному порядку, общизвестным законо мерностям:

Il m'a raconté qu'il n'allait pas tarder à partir car il se levait tous les jours à six heures du matin ‘Он ска зал мне, что скоро собирается уходить, потому что каждый день вставал в шесть утра’ (L. Bouherrafa, 2019 [11]);

Malik tâcherait d'en parler discrètement à Pierre. Après tout, c'était lui, son ami ‘Малик постара ется обсудить это с Пьером ненавязчиво. В конце концов, он был его другом’ (E. de Foucaud, 2021 [11]);

- объяснение, т. е. разъяснение причин, контекста и последствий фактов или явлений, а также кодирование отношения между двумя высказываниями на основании собственных наблюдений, рассуждений (см. «оправдание номинации» в [2, с. 76–104]):

Rafael embrasse Clara, puis la serre contre lui, attirant sa tête sur son épaule. Après tout nul besoin de mot pour se comprendre ‘Рафаэль целует Клару, затем обнимает, прижимая ее голову к своему плечу. Ведь не надо слов, чтобы понять друг друга’ (M. Borie, 2021 [11]);

Si je prends l'exemple du mot «commentaire» que j'écris «Comment taire?». En effet commenter c'est faire taire un sens déjà établi, un sens figé ‘Возьмем, например, слово “комментарий”, которое я пишу “Как замалчивать?”. Потому что комментировать значит замалчивать уже установленное значение’ (C. Laurens, 2004 [11]);

Plus de soirées pour cause de couvre-feu et plus de garçons, partant plus d'amour ‘Не будет больше вечеринок из-за комендантского часа, не будет мальчиков, а значит, не будет любви’ (B. Groult, 2008 [11]);

Ville qui vient de loin. Dont le présent et le passé se donnent la main pour avancer. Ville populaire. C'est-à-dire appartenant à ses habitants ‘Город, который приходит издалека. Чье настоящее и прошлое объединяются, чтобы двигаться вперед. Город для людей. Потому что принадлежит его обитателям’ (Gr. Bouillier, 2018 [11]).

В типовой ситуации «производная ситуация» выделяются два варианта – СЛЕДСТВИЕ и ВЫВОД.

СЛЕДСТВИЕ. В зависимости от того, основыва ется ли маркируемое единицей сочинения отно шение между соединенными компонентами на непосредственном или обусловленном следовании внеязыковых ситуаций, выделяются две разновид ности этого варианта:

- темпоральное следствие, так называемая временная последовательность, т. е. непосредст венные действия, события, явления следуют в определенной хронологической последовательности с большим или меньшим временным интервалом:

Thomas s'était redressé et nous avions repris notre marche ‘Томас выпрямился, и мы продолжи ли прогулку’ (J. Littell, 2006 [11]);

Jeune couple, accents sud-américains. Ils s'engueulent en portugais ou en espagnol, puis soudain se taisent ‘Молодая пара с южноамериканским акцентом. Они ругаются по-португальски или по-испански, и вдруг замолкают’ (A. Quentin, 2019 [11]);

- собственно следствие, в зависимости от во влеченностя субъекта ситуации различаются объективное следствие и субъективное следствие.

При объективном следствии производная ситуация постулируется как положение вещей закономерное, основанное на общепризнанных причинах, а не личных и случайных, то есть описывается естественный ход вещей, в основе которого лежит норма. Толкование единиц сочинения следующее: ‘каждый раз, когда P_1 , P_2 ’:

Je mangeai les remèdes et le lendemain j'allais mieux ‘Я принял лекарства, и на следующий день мне стало лучше’ (Al. Jenni, 2011 [11]).

Lorsqu'on s'épile, on arrache le poil, donc on l'affaiblit ‘При эпилляции волосы вырывают, поэтому они истончаются’ (M. Jung, 2018 [11]).

При субъективном следствии предполагается, что возможность реализации производной ситуации (события, состояния, свойства объектов) зависит от вмешательства субъекта или его психоэмоционального состояния. Единицы сочинения сигнализируют о связи между P_1 и P_2 , основанной на субъективной интерпретации текущего момента, и имеют следующее толкование: ‘раз сейчас P_1 , тогда P_2 ’:

Il a vu la tristesse de Kip qui lui montait au visage, alors il est intervenu ‘Он увидел, как на лице Кипа появилась печаль, и вмешался’ (G. Tenenbaum, 2005 [11]);

Je ne suis pas convaincu de sa culpabilité. C'est pourquoi je suis ici ‘Я не убежден в его виновности. Поэтому я здесь’ (J. Dicker, 2012 [11]).

ВЫВОД. Логическое следствие представляет собой теоретически мыслимые ситуации, к которым может привести исходная ситуация. Они могут быть отдалены по времени, а их связь с исходной ситуацией может быть опосредованной. Соответственно, выделяются две разновидности:

– прямое логическое следствие с эксплицитно представленным основанием:

Le nombre de jugements rendus est un critère décisif de la notation d'un juge, donc de son avancement ‘Количество вынесенных постановлений является решающим фактором в рейтинге судьи, а значит, и в его продвижении по службе’ (E. Cartèrè, 2009 [11]);

Un tel exercice était nuisible à l'appréciation de la poésie. Partant il était nuisible à qui voulait devenir poète ‘Такое упражнение пагубно оказывается на восприятии поэзии. Следовательно, это вредило любому, кто хотел стать поэтом’ (J. Roubaud, 2000 [11]).

– сложное отношение между двумя положениями вещей (имплицитное основание выводится из содержания двух компонентов):

Je n'avais pas du tout l'idée que ça puisse être important, donc je ne me faisais aucun souci ‘Я понятия не имел, что это вообще важно, поэтому я не волновался’ (Ch. Boltanski, 2007 [11]);

On ne lui gardait sa fille que par bonté gratuite au lieu de la mettre à l'orphelinat, c'étaient tous de braves personnes, bien brutes et bêtes. Ils ne savaient ni lire ni écrire, seulement compter chèvres, cochons et canards. Ensuite, à dix ans, elle en était toujours à sa naissance d'illettrée ‘Ему оставили дочь из безвоздушной доброты вместо того, чтобы отдать ее в приют, все они были хорошие люди, неотесанные и необразованные. Они не умели ни читать, ни писать, только считать коз, свиней и уток. Поэтому в свои десять лет она все еще была неграмотна’ (A.-M. Garat, 2000 [11]).

Предложенная иерархическая модель отношений, оформленных единицами сочинения, продемонстрированная на материале современного французского языка, позволила в рамках рассматриваемой онтологической диахотомии **THING_{schema}** (*coniunctio per uim*) и **PATH_{schema}** (*coniunctio per ordinem*) систематизировать все многообразие и вариативность абстрактных отношений, маркируемых как первичными средствами сочинительной связи, так и теми языковыми единицами, которые проявляют свойства этого функционального класса слов. Первичные средства сочинительной связи, за исключением *ni* и *or*, выполняют ведущую связующую роль во всех соответствующих разновидностях типовых ситуаций: *et* – «включение», *ou* – «альтернатива», *mais* – «исключение», *car* – «исходная ситуация» и *donc* – «производная ситуация» – и используются для обозначения отношений в двух (и не более) разновидностях типовой ситуации, в которой эта единица не играет ведущую связующую роль. Думается, что предложенная классификация позволит в унифицированной форме дифференцировать единицы сочинения, проявляющие семантическую близость и синтагматическую схожесть, и дать более глубокое и точное представление о сложных и зачастую пересекающихся значениях единиц сочинения не только в современном французском языке.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006, № 2. С. 85–110.
2. Баранов А.Н. и др. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Поморский и партнеры, 1993. 207 с.
3. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование: моногр. М.: Информэлектро, 2001. 435 с.
4. Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур, 2019. 376 с.

5. Кобозева И.М. Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Вып. 10. С. 120–133.
6. Кобозева И.М., Сердобольская Н.В. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024, Т. 46 (7). С. 66–74.
7. Овсейчик Ю.В. Система единиц сочинения французского языка в диахронии. Минск: МГЛУ, 2023. 304 с.
8. Прияткина А.Ф. Пояснение как синтаксическая категория // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: Сб. ст. / отв. ред.: Е.А. Стародумова и др. Владивосток, 2016. С. 11–18.
9. Тарасевич Л.А. Семантические факторы сочетаемости русских и немецких пространственных предлогов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76 (4). С. 44–58.
10. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Яз. славян. культур, 2011. 339 с.
11. Frantext. Национальный корпус французского языка. URL: <http://www.frantext.fr>.
12. Gibbs R.W., Colston H.-L. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin; New York, 2006. P. 239–268.
13. Haspelmath M. Coordination // Language typology and linguistic description / ed. by T. Shopen. Cambridge, 2009, Vol. 2: Complex constructions. P. 3–50.
14. Johnson M. The Body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1990. 233 p.
15. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1990. 614 p.
16. Le Bot M.-C. [et al.] Introduction // La reformulation. Marqueurs linguistiques et stratégies énonciatives / éd.: M.-C. Le Bot [et al.]. Rennes, 2008. P. 9–11.
17. Zufferey S., Degand L. Connectives and Discourse Relations. Key Topics in Semantics and Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 268 p.

References

1. Apresyan V.Yu. [Concessiveness as a system-forming meaning]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2006, no. 2, pp. 85–110 (in Russ.).
2. Baranov A.N. [et al.] *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of Russian]. Moscow: Pomovskiy i partner, 1993. 207 p. (in Russ.).
3. In'kova-Manzotti O.Yu. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh. Sopostavitel'noye issledovaniye* [Connectors of opposition in French and Russian. Comparative study]. Moscow: Informelektro, 2001. 435 p. (in Russ.).
4. In'kova O., Manzotti E. *Svyaznost' teksta: mereologicheskiye logiko-semantichekiye otnosheniya* [Text coherence: mereological logical-semantic relations]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2019. 376 p. (in Russ.).
5. Kobozeva, I.M. [Cognitive-semantic approach to the description of means of communication between sentences (using connectors with the meaning of immediate succession as an example)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2016, no. 10, pp. 120–133. (in Russ.).
6. Kobozeva I.M., Serdobolskaya, N.V. Grammaticalization sources for Russian clause linkers (based on materials from the RUSCON database). Proceedings of Petrozavodsk State University. 2024, no. 46 (7), pp. 66–74. (in Russ.).
7. Auseichyk Yu.V. *Sistema yediniti sochineniya frantsuzskogo yazyka v diakhronii* [The system of French coordination units in diachrony]. Minsk: Minsk State Linguistic University, 2023. 304 p. (in Russ.).
8. Priyatkiina A.F. Poyasneniye kak sintaksicheskaya kategorija [Explanation as a syntactic category]. *Issledovaniya po russkому языку: ot konstruktsiy k funktsionirovaniyu* [Research in the Russian language: from constructions to functioning]: collection of articles. Ed.: E.A. Starodumova et al. Vladivostok, 2016. pp. 11–18. (in Russ.).
9. Tarasevich L.A. [Semantic factors of compatibility of Russian and German spatial prepositions]. *Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 2017, no. 76(4), pp. 44–58. (in Russ.).
10. Uryson Ye.V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [Experience of describing the semantics of unions]. Moscow: Language of Slavic Cultures, 2011. 339 p. (in Russ.).
11. Frantext. URL: <http://www.frantext.fr>.
12. Gibbs R.W., Colston H.-L. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations. *Cognitive linguistics: basic readings*. Ed. by D. Geeraerts. Berlin; New York, 2006. P. 239–268.

-
13. Haspelmath M. Coordination. *Language typology and linguistic description*. Ed. by T. Shopen. Cambridge, 2009, Vol. 2 : Complex constructions. P. 3–50.
 14. Johnson M. *The Body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1990. 233 p.
 15. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1990. 614 p.
 16. Le Bot M.-C. [et al.] *Introduction. La reformulation. Marqueurs linguistiques et stratégies énonciatives*. Ed.: M.-C. Le Bot [et al.]. Rennes, 2008. P. 9–11.
 17. Zufferey S., Degand L. *Connectives and Discourse Relations. Key Topics in Semantics and Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 268 p.

Информация об авторе

Овсейчик Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь; ovsei77@rambler.ru

Information about the author

Yuliya V. Auseichyk, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus; ovsei77@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2025.

The article was submitted 31.01.2025.

СОЮЗЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ: ДИСКУРСИВНАЯ ФУНКЦИЯ СОЮЗА *НО*

E.B. Урысон, uryson@gmail.com

Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, Москва, Россия

Аннотация. Объект рассмотрения данной работы – союзы *но* и *хотя*. Цель работы – показать, что союз *но* указывает на неожиданный поворот изложения: предтекст индуцирует у субъекта ментальную готовность к восприятию определенной информации, но вместо нее субъект получает другие сведения – его ожидание обманывается. Тем самым союз *но* является специфичным дискурсивным маркером. В работе демонстрируется, что семантику союза *хотя* естественно описывать аналогичным образом.

Ключевые слова: русский язык, союз *но*, союз *хотя*, обманутое ожидание, логические операторы, дискурсивная функция

Для цитирования: Урысон Е.В. Союзы естественного языка и логические связки: дискурсивная функция союза *но* // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 63–69. DOI: 10.14529/ling250207

Original article

DOI: 10.14529/ling250207

NATURAL LANGUAGE CONJUNCTIONS AND LOGICAL OPERATORS: DISCURSIVE FUNCTION OF THE RUSSIAN CONJUNCTION *НО* ‘BUT’

E.V. Uryson, uryson@gmail.com

Russian Language Institute named by V.V. Vinogradov RAS, Moscow, Russia

Abstract. The object of the paper are Russian conjunctions *no* ('but') and *khotia* ('though'). The goal is to demonstrate that *no* ('but') marks an unexpected turn in the narration when the preceding text (or utterance) induces recipient's mental readiness (expectancy) for different information, thereby violating the expectancy. Thus, *no* ('but') is a specific discursive marker. The paper also shows that *khotia* ('though') operates as a similar discursive marker.

Keywords: Russian language, conjunction *no* ('but'), conjunction *khotia* ('though'), expectancy violation, logical operator, discursive marker

For citation: Uryson E.V. Natural language conjunctions and logical operators: discursive function of the Russian conjunction *no* ‘but’. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):63–69. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250207

Союзы естественного языка *и*, *или* и *если*, по крайней мере в некоторых значениях, как будто похожи на основные логические связки – конъюнкцию, дизъюнкцию и импликацию соответственно. Что касается союза *но*, то его значение сложнее: в рамках «логического» подхода семантика *но* и *хотя* обычно представляется в виде выражения, включающего импликацию и отрицание. Ср.:

(1а) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонта (Q).*

Союз *но* в подобных случаях указывает на нарушение некоторого обычного порядка вещей [6, 9]: ‘обычно в дождливую погоду человек берет зонт’, или с использованием логической связки ‘если’: ‘обычно если имеет место дождливая погода, то человек берет зонт’. В более общем виде:

(1б) ‘обычно если имеет место ситуация типа P, то не имеет места ситуация типа Q; в данном случае: P, Q’.

Выражение (1б) часто дают в сокращенном виде:

(1в) ‘обычно если P, то не-Q; в данном случае: P, Q’.

Аналогичным образом представляется семантика союза *хотя* в случаях типа

(2а) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонта (P).*

(2б) ‘обычно если место ситуация типа Q, то не имеет места ситуация типа P; в данном случае: Q, P’.

(2в) ‘обычно если Q, то не-P; в данном случае: Q, P’.

Подробный анализ русских союзов *но*, *хотя* и используемого в этих выражениях союза *если* дан в [12]. В настоящей статье мы еще раз продемонстрируем, что союзы естественного языка *но* и *хотя* не могут быть адекватно описаны с использованием подобных логических выражений. (Заметим, что для поставленной цели достаточно рассмотреть лишь некоторые контексты с выбранными союзами.)

Первый вопрос, который возникает при анализе контекстов типа (1а) и (2а), касается интуитивно вполне очевидного понятия «обычный порядок вещей». Действительно, информация о том, что бывает обычно, т. е. о «нормальном порядке вещей», или, иначе, о «жизненных закономерностях» [9] или «аксиомах действительности» [7], не относится к знанию языка – это знание нашего мира, знание действительности. Однако семантический анализ контекстов типа (1а) и (2а) невозможен без привлечения этого знания. Следовательно, оно как-то входит в общую модель языка и нужно уяснить, как это знание организовано.

Очевидно, что подобная информация фиксируется не в словаре или грамматике, а в некоей «обыходной энциклопедии» – базе данных, содержащей сведения, хотя и не относящиеся собственно к языку, но известные всем говорящим. Принципы организации такой базы данных неоднократно обсуждались, в частности применительно к описанию сложного предложения (текста), содержащего союзы или подобные им коннекторы [14]. Коротко говоря, «обыходная энциклопедия» представляет собой набор типовых ситуаций, записанных в виде фреймов. С каждой типовой ситуацией связан свой сценарий – он фиксируется при данной ситуации. Например, с ситуацией «дождливая погода» связан сценарий поведения субъекта: он берет зонт, надевает плащ и т. п. Конкретная ситуация (ср. *Погода в тот день была дождливая*) соотносится говорящим (и адресатом) с типовой, в результате в сознании субъекта индуцируется соответствующий сценарий, например: «если имеет место дождливая погода, то субъект берет с собой или надевает на себя вещи, защищающие от дождя». Описываемое далее положение дел соответствует либо не соответствует данному сценарию. В последнем случае высказывание оформляется с помощью союза *но*, *хотя* или подобных лексических средств.

Ясно, что при соотнесении конкретной ситуации (например, *День был дождливый*, или *С утра собирался дождь*) с типовой ситуацией «дождливая погода» в сознании субъекта не только индуцируется соответствующий сценарий, но и возникает ожидание описания определенного положения дел. Однако в случаях типа (1а) *Погода была дождливая (P)*, *но Иван не взял зонт (Q)* или (2а) *Хотя погода была дождливая (Q)*, *Иван не взял зонт (P)* говорить об ожидании как будто не имеет смысла: гораздо логичнее говорить о каузальных зависимостях и их нарушении – семанти-

ка союза *но* вполне описывается с помощью логических понятий импликация и отрицание.

Рассмотрим, однако, другие примеры.

(3) *Он ее любит (P), но она к нему равнодушна (Q).*

Этот пример не поддается естественной интерпретации в терминах каузальной зависимости между ситуациями: мы вряд ли согласимся с тем, что обычно «если мужчина любит женщину, то она тоже его любит». Иными словами, с типовой ситуацией «мужчина любит женщину» может быть и не связан сценарий «романические отношения между мужчиной и женщиной». Подобные контексты неестественно интерпретировать с помощью логических операторов импликация и отрицание (видимо, по этой причине такие контексты и не попадали в поле внимания логиков). Однако таких контекстов достаточно много – как кажется, они встречаются гораздо чаще, нежели «логически правильные» высказывания типа (1а). Приведем еще некоторые примеры.

(4) *Они [шторы] когда-то были зелеными (P), но пожелтели от солнца (Q)* (И.С. Тургенев; пример из [9, с. 162]).

(5) *С утра больному стало лучше (P), но вечером температура у него опять поднялась (Q)* [9, с. 162].

(6) *Клубок покатился по полу (P), но остановился у порога (Q)* [9, с. 162].

Положение дел, описываемое в этих примерах, абсолютно соответствует нашему представлению об устройстве мира. Тем не менее в них совершенно нормально употреблен союз *но*. Встает проблема описать семантику союза *но* так, чтобы увязать случаи типа (4)–(6) с «логической интерпретацией» союза *но* в примерах типа (1а). Попытка соответствующего описания союза *но* была предложена В.З. Санниковым.

Для объяснения «нелогичных» употреблений союза *но* В.З. Санников постулирует существование особых «жизненных закономерностей», особых «общих принципов». Например, для случаев типа (4) вводится «принцип статичности», который заключается в следующем: «Мир, окружающий человека, устойчив к изменениям. Исчезновение чего-то имеющегося или возникновение чего-то нового – ненормальность» [9, с. 162]. Еще один пример, подтверждающий принцип статичности:

(7) *Дождь шел бесконечно (P). Но в один прекрасный день он кончился (Q).*

В случаях (5)–(6) проявляется следующий общий принцип: «Если наметилось какое-то отклонение, то normally движение в том же направлении» [9, с. 162]; приводим в сокращенном виде). Пример, аналогичный (5)–(6):

(8) *Сначала погода была хорошая (P), но потом начались дожди (Q).*

Общие принципы, по-видимому, входят в «обыходную энциклопедию». Однако они не осознаются говорящими: «будучи осознаны, они в применении к

конкретной ситуации могут показаться ему <говорящему – Е.У.> странными» [9, с. 162].

Введение таких общих принципов как будто позволяет интерпретировать и другие высказывания с союзом *но*, не укладывающиеся в рамки логического подхода к союзам. Это в первую очередь многократно обсуждавшиеся случаи, когда союз *но* соединяет слова, выражающие противоположные оценки одного и того же объекта. Ср.:

(9) *Она некрасивая (P), но умная (Q).*

Одна или обе оценки могут быть обусловлены pragmatically, ср.

(10) *Квартира большая (P), но окна выходят прямо на шоссе (Q).*

(11) *Она брюнетка, но не говорит по-английски [13].*

По Санникову, в случаях типа (9)–(11) представлен «принцип гармоничности»: «Нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (оба – к положительному или оба – к отрицательному), ср.: *Она красивая и умная; Она некрасивая и глупая; Озеро было длинное и широкое*. Ненормально (и выражается союзом *но*) сочетание противоположных полюсов, ср.: *Она красивая, но глупая <...>; Она некрасивая, но умная; Озеро было длинное, но узкое*» [9, с. 163]. Ненормальность выражается союзом *но*.

Другой яркий случай «нелогичного» употребления союза *но* – это контексты типа

(12) *Морозы бывают (P), но редко (Q).*

(13) *Они поссорились (P), но не всерьез (Q).*

Для интерпретации союза *но* подобных случаев В.З. Санников вводит следующий общий принцип: «Нормальна высокая степень проявления признаков ситуации. Поэтому характеристики типа *долго, много* и т.п. считаются нормальными и вводятся союзом *и*, а характеристики типа *мало, недолго, недалеко, редко, несильно* и т.п. считаются ненормальными и вводятся союзом *но*» [9, с. 163]. Действительно, следующие примеры аномальны, ср.:

(14) **Морозы бывают, но часто* [нормально: *и часто*].

(15) **Они поссорились, но всерьез* [нормально: *и всерьез*].

Еще один общий принцип перекликается с постулатом кооперативности Грайса (приводим в сокращенном виде): «Нормально, когда утверждения оказываются правдой, а <...> ожидания осуществляются в действительности» [9, с. 163], ср. примеры В.З. Санникова:

(16) *Он сказал, что Катя уехала, и это была правда* [не: **но это была правда*].

(17) *Он сказал, что Катя уехала, но это была неправда <ложь>* [не: **но это была правда*].

(18) *Он считал, что Катя уехала, и не ошибся* [но: **но не ошибся*].

(19) *Он считал, что Катя уехала, но ошибся.*

В [9, с. 163] для описания «нелогичного» употребления союза *но* постулируется двенадцать подобных общих принципов. Для дальнейшего

рассуждения достаточно ограничиться приведенным материалом, поэтому мы их не приводим.

Введение «неосознаваемых принципов», лежащих в основе употребления союза, само по себе не противоречит современным представлениям об устройстве языка, в особенности – об устройстве его семантической системы: в языке зафиксировано некое «обиходное» представление о вещах, которое может достаточно сильно отличаться от осознанного знания [1, 11, 13]. Проблема состоит в том, что мы не находим в языке никакого другого свидетельства справедливости данных принципов: они подтверждаются лишь тем материалом, для интерпретации которого введены. Это ставит их существование под сомнение.

Есть и другой аргумент, заставляющий сомневаться в предложенном В.З. Санниковым подходе: во многих случаях союз *но* можно заменить на *и* – при том, что *и*, по Санникову, указывает на сближение того или иного общего принципа. Ср.:

(20) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонт (Q) – Погода была дождливая (P), и Иван не взял зонт (Q).*

(21) *Клубок покатился по полу (P), но остановился у порога (Q) – Клубок покатился по полу (P) и остановился у порога (Q).*

(22) *Он сказал, что Катя уехала, но это была неправда <ложь> – Он сказал, что Катя уехала, и это была неправда <ложь>.*

(23) *Он считал, что Катя уехала, но ошибался – Он считал, что Катя уехала, и ошибался.*

Особые сомнения вызывает принцип гармоничности: сочетание противоположных оценок необязательно маркируется союзом *но* (и вообще необязательно маркируется), ср.: *умные наглые глаза – глупые наглые глаза, красивое холодное лицо – отвратительное холодное лицо; длинное, но узкое озеро – длинное и узкое озеро – длинное узкое озеро; Некрасивые девушки часто бывают умными*. По-видимому, обязательно маркируется сочетание противоположных оценок, если хотя бы одна из них является pragmatischen – как Q в примере (10), ср.:

(10) *Квартира большая (P), но окна выходят прямо на шоссе (Q).*

Действительно, *но* в данном случае является единственным маркером противоположности оценок – при том, что именно эти оценки находятся в фокусе внимания говорящего. Сама по себе пропозиция Q оценки в этом примере не выражает.

Попытаемся объяснить употребление союза *но* во всех подобных случаях, исходя из базового понятия «обманутое ожидание».

Начнем с самого яркого, на наш взгляд, случая типа (12): *Морозы бывают, но редко*, при аномальности **Морозы бывают, но часто*. Стандартное продолжение высказывания (12), скорее всего, будет таким:

(24) *Морозы бывают (P), но редко. Обычно температура зимой не опускается ниже нуля.*

В этом тексте первая пропозиция Р – о морозах, но дальнейший текст – не о них, а наоборот, о том, что зимой их нет. Восприняв Р, адресат как бы настраивается на продолжение о морозах, однако дальнейшее повествование оказывается, скорее, о теплой погоде. Ментальная готовность к определенной информации, т. е. ожидание такой информации (пусть неосознанное) оказывается обманутым. В подобных случаях союз *но* явно имеет метатекстовую [2], или дискурсивную функцию: он является маркером введения неожиданной информации. Аналогичным образом объясняются и другие примеры, которые в [9] интерпретируются как проявление принципа «нормальности высокой степени проявления признака». Ср. (13), а также

- (25) *Она болела (Р), но недолго (Q).*
(26) *Он ударился (Р), но несильно (Q).*

Здесь в первой пропозиции речь идет о болезни (травме), но вторая пропозиция в каком-то смысле «отменяет» эту тему. Ожидание определенной информации обманывается, и это маркируется союзом *но*. Союз *и* в таких случаях не употребляется, ср.: **Морозы бывают, и редко; *Она болела, и недолго; *Он ударился, и несильно.* Причина в том, что *и* маркирует ожидаемую информацию; ср.: *Морозы бывают, и сильные <и часто>; Она болела, и долго <и тяжело>; Он ударился, и больно* – в этих высказываниях вторая пропозиция, в соответствии с ожиданием, на ту же тему (морозы, болезнь, травма), что и первая.

Перейдем к другим случаям. Возьмем (3) *Он ее любит (Р), но она к нему равнодушна (Q).* В соответствии с принятым нами подходом, первая пропозиция ‘он ее любит’ отсылает к типовой ситуации «любовь мужчины и женщины», зафиксированной в «обыходной энциклопедии». Адресат настраивается на сценарий, связанный с этой типовой ситуацией. Однако вторая пропозиция ‘она к нему равнодушна’ не соответствует этому сценарию: ожидание сценария «про любовь» оказывается обманутым, и это маркируется союзом *но*.

Заметим, что данный пример допускает и другую интерпретацию: пропозиция Р отсылает к одной типовой ситуации («любовь, романические отношения»), а Q – к другой («отсутствие романы»). Эта интерпретация хорошо иллюстрируется следующим контекстом, ср.: *Он ее любит, ему никто кроме нее не нужен (Р). Но она к нему равнодушна (Q).* Ожидание адресата обманывается: вместо ожидаемого сценария, к которому отсылает первая типовая ситуация, он получает сведения о том, что имеет место вторая типовая ситуация.

Аналогичные две интерпретации допускают и другие примеры выше. Ср. (5) *С утра больному стало лучше (Р), но вечером температура у него опять поднялась (Q).* Первая интерпретация: пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «улучшение состояния», которая индуцирует соответствующий сценарий, ср. *Больной ел, температура была нормальной.* Адресат настраивается на этот

сценарий, однако пропозиция Q этому сценарию не соответствует. Вторая интерпретация: пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «улучшение состояния», но далее следует не развитие этой темы, а отсылка (ср. пропозицию Q) к другой типовой ситуации – «ухудшение состояния».

(6) *Клубок покатился по полу (Р), но остановился у порога (Q).* Пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «перемещение объекта», но сценарий, соответствующий этой типовой ситуации, не «запускается»: Q не описывает перемещения. Вместо ожидаемого сценария, следует отсылка к другой типовой ситуации.

(7) *Дождь шел бесконечно (Р). Но в один прекрасный день он кончился (Q).* Пропозиция Р отсылает к типовой ситуации «затяжной дождь», и адресат ментально настраивается на соответствующие сценарии (невозможность нормального передвижения по дорогам или работы на огороде и в саду; вынужденность много времени проводить дома и т. п.). Однако вторая пропозиция не соответствует этим сценариям. Ожидание сценария про затяжной дождь оказывается обманутым. Или, иначе: пропозиция Р отсылает к определенной типовой ситуации, но далее следует не сценарий, ей соответствующий, а информация о другой типовой ситуации – Q.

Несколько сложнее интерпретировать пример (4) *Они [шторы] когда-то были зелеными (Р), но пожелтели от солнца (Q)* (И.С. Тургенев). Пропозиция Р содержит слово *когда-то*, а оно отсылает к типовой ситуации «повествование о том, что было в далеком прошлом». Индуцируется сценарий о том, каким был объект рассказа – шторы – в прошлом, ср. *Эти шторы когда-то были зелеными, с тяжелыми кистями и бахромой.* Однако «запускается» другой сценарий – о том, как изменился данный объект. Ожидание сценария о далеком прошлом оказывается обманутым.

Обманутое ожидание мы усматриваем и в случае сочетания противоположных оценок. Ср. (9) *Она некрасивая (Р), но умная (Q).* Зафиксировав первую оценку Р объекта, сознание «настраивается» на соответствующую общую оценку. Не исключено, что это обусловлено психологией – нам свойственно оценивать объект глобально: или он хороший – и тогда в нем нет никаких недостатков, нет ничего плохого, или, наоборот, он плохой, и в нем нет ничего хорошего, положительного. Однако затем сознание вынуждено переключиться на противоположную оценку Q. Это неожиданное изменение «настроенности сознания» и маркируется союзом *но*.

Заметим, что сочетание одних и тех же оценок может оформляться как с помощью союза *но*, так и с помощью союза *и*. Ср. *Она красивая и умная – Она красивая, но умная.* Последний пример показывает, что «ожидание» той или иной оценки может индуцироваться не настроенностью на общую непротиворечивую оценку данного объекта (как в случае выше), а принятыми представления-

ми людей о том или ином объекте: если говорящий придерживается мнения, что красивые женщины редко бывают умными (и хочет продемонстрировать это мнение), то он употребит союз *но* в случае сочетания двух положительных оценок: *Она красивая, но умная*.

Однако союзы *и* и *но* могут быть взаимозаменимы и в других случаях, ср. (20)–(23). Этот факт, казалось бы, противоречит нашему описанию. Но это не так. Дело в том, что, строя из пропозиций *P* и *Q* определенную последовательность, говорящий может придерживаться разных стратегий. Представление об одной из этих стратегий дано выше: говорящий вместо того, чтобы «запустить» сценарий, индуцируемый типовой ситуацией *P*, запускает другой сценарий или вводит новую типовую ситуацию *Q*. Другая стратегия менее связана с типовыми ситуациями и соответствующими им сценариями: говорящий последовательно сообщает информацию о некотором объекте или положении дел. Этую стратегию можно назвать соединительной. Маркером соединительной стратегии является союз *и*. Не исключено, что в определенных случаях возможна лишь одна из этих двух стратегий. Но возможен и свободный выбор стратегии для описания одного и того же положения дел. Именно такую свободу выбора иллюстрируют случаи (20)–(23). Так, общей темой высказывания типа *Погода была дождливая (P), и Иван не взял зонт (Q)* является имеющееся положение дел – выбрав соединительную стратегию, говорящий не указывает, что поведение субъекта не соответствует сценарию, индуцируемому данной типовой ситуацией. Соединительную стратегию иллюстрируют и примеры *Клубок покатился по полу и остановился у порога* [общая тема – происходящее с клубком]; *Он считал, что Катя уехала, и ошибался* [общая тема – то, как он представлял действия Кати].

Вернемся к хорошо изученным примерам типа (1а) *Погода была дождливая (P), но Иван не взял зонт (Q)*, на которых строится «логический» подход к описанию союзов. Союз *но* в подобных случаях указывает на нарушение некоторого обычного порядка вещей, благодаря чему высказывания типа (1а) хорошо описываются с помощью логических операторов импликация и отрицание. Сам этот обычный порядок вещей фиксируется в некоей «обиходной энциклопедии» в виде набора типовых ситуаций и связанных с ними сценариев. Напомним, что при соотнесении конкретной ситуации (в данном случае *Погода была дождливая*) с типовой ситуацией «дождливая погода» в сознании субъекта индуцируется определенный сценарий, благодаря чему возникает ожидание определенного положения дел. Если описываемое положение дел не соответствует сценарию, то ожидание обманывается. Оказалось, что именно указание на обманутое ожидание является тем семантическим мостом, который объединяет разные употребления союза *но*. Следовательно, указание

на «обманутое ожидание» не только входит в значение союза *но*, но и является его семантическим ядром.

Предлагаемая интерпретация союза *но* подтверждается анализом некоторых употреблений союза *хотя*. Ср.:

(27) *Хотя большинство потухших вулканов – это горы конусообразной формы (P), не всякая такая гора – бывший вулкан.*

(28) *Хотя всякий равносторонний треугольник является равнобедренным (P), не всякий равнобедренный треугольник будет еще и равносторонним (Q).*

Эти примеры резко отличаются от хрестоматийных уступительных предложений с союзом *хотя*, ср.: (2а) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонт (P)*. В случаях типа (2а) речь идет о нарушении обычных каузальных связей между ситуациями: (2в) ‘обычно если *Q*, то не-*P*; в данном случае: *Q, P*’. Именно этот смысл лежит в основе семантики уступительных предложений с *хотя*. Если бы пример (27) был устроен так же, как (2а), то в его основе лежал бы такой смысл:

(29) ‘Обычно если потухшие вулканы – это горы конусообразной формы, то всякая такая гора – это бывший вулкан’.

Но очевидно, что (29) прямо противоречит законам логики. Дело в том, что высказывания типа (27) и (28) не апеллируют ни к какому знанию об обычных каузальных связях между ситуациями и не указывают на их нарушение. Они подразумевают, что при распознавании или определении данного объекта (вулканов, равносторонних и равнобедренных треугольников) не применим «накатанный» ход мысли, что нужно отвергнуть напрашивающийся вывод. Действительно, знание того, каким обычно бывает объект данного типа, индуцирует предположение *и*, следовательно, ожидание, что очередной объект (этого типа) тоже будет таким. Союз *хотя* указывает на неправильность такого предположения *и*, соответственно, ожидания (заметим, что вывод типа (29) является обычной ошибкой учащихся).

Очевидно, что обманутое ожидание выражается союзом *хотя* и в хрестоматийных примерах типа (2а) *Хотя погода была дождливая (Q), Иван не взял зонт (P)*: ожидается, что если погода дождливая, то человек берет с собой зонт. Как и в случае с союзом *но*, указание на обманутое ожидание в подобных случаях кажется лишним. Но это не так: «обманутое ожидание» является семантическим мостом между разными употреблениями союза *хотя* – в этом отношении союзы *хотя* и *но* сближаются.

Существенно, что ожидание (которое затем обманывается) может индуцироваться разными факторами. В «логических» примерах с союзом *но* или *хотя* ожидание порождается нашим знанием об обычных каузальных связях между ситуациями. В других примерах ожидание индуцируется

«инерционностью» человеческого сознания. Эта инерционность хорошо изучена в психологии применительно к восприятию человеком объектов внешнего мира (установки восприятия [10]).

В заключение заметим, что в лингвистике всегда были приняты два подхода к описанию союзов *но* и *хотя*: «логический» – с использованием логических операторов отрицание и импликация – и «психологический», использующий понятие «обманутое ожидание». Об обманутом ожидании в значении союза *but* см. [4]. Мысль о том, что сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным выражает обманутое ожидание, находим в [3]: «главное предложение <в таком сложноподчиненном предложении – Е.У.> содержит сообщение о факте, противоположном тому, чего можно было бы ожидать на основании того, о чем говорится в придаточном предложении» [3,

с. 337]. Аналогичным образом интерпретируется семантика союза *хотя* во многих более поздних работах. В частности, в работах [5; 8, с. 47] союз *хотя* толкуется так: *Q, хотя P = ‘P, поэтому ожидалось, что не-Q; Q’*. Тем самым союзы *но* и *хотя* демонстрируют ситуацию неединственности лингвистического описания. Однако хорошо известно, что в подобной ситуации одно из описаний оказывается предпочтительнее – оно обладает большей объясняющей силой, более экономно и т. п. В нашем случае безусловно предпочтительнее описание *но* с помощью понятия «обманутое ожидание»: этот компонент семантики оказался семантическим мостом между разными употреблениями данных союзов. Однако для того чтобы обосновать такое описание, понадобился анализ контекстов, как правило, не попадавших в поле зрения лингвистов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
3. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М.: Наука, 1954.
4. Карлсон Л. Соединительный союз *BUT* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986.
5. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 9.
6. Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13 / 1 Моск. гос. пед. ин-т иностранных языков. Труды ин-та. М., 1970.
7. Мартемьянов Ю.С., Дорофеев Г.В. Опыт терминологизации общелитературной лексики. О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
9. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. М.: Наука, 1989.
10. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Д.Н. Узнадзе Психологические исследования. М., 1966.
11. Урысон Е.В. Проблемы описания языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2004.
12. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.
13. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
14. Kitis E. Connectives and frame theory. The case of hypotextual antinominal ‘and’ // Pragmatics & Cognition. Vol. 8 (2). 2000.

References

1. Apresjan Ju.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow: Nauka, 1974
2. Wierzbicra A. Metatekst v tekste [Metatext in text]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. VIII. Moscow: Progress, 1978.
3. *Grammatika russkogo jazyka* [Russian language grammar]. Vol. 2. Syntaksis [Syntax]. P. 2. Moscow: Nauka, 1954.
4. Carlson L. [Connecting conjunction *BUT*]. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. XVIII. Moscow: Progress, 1986 (in Russ.)
5. Krejdlina G.E., Paducheva E.V. [Meaning and syntax properties of the conjunction *a*]. *Nauchno-tehnicheskaja informacija* [Scientific and technical information]. Ser. 2. 1974. № 2. 1974. (in Russ.)
6. Levin Ju.I. [On a group of Russian conjunctions]. *Mashinnij perevod i prikladnaja lingvistika Trudy I Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannikh jazykov* [Machine translation and applied linguistics], vol. 13. Works of 1 Moscow state institute of foreign languages]. Moscow. 1970. (in Russ.)

7. Martemjanov Ju.S., Dorofeev G.V. [An essay of terminologisation of common vocabulary. About world of vanity]. *Voprosy kibernetiki* [Problems of cybernetics]. Moscow, 1983. (in Russ.)
8. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in semantics of words]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004.
9. Sannikov V.Z. *Russkie sochinitelnye konstrukcii* [Russian coordinating constructions]. Moscow: Nauka, 1989.
10. Uznadze D.N. *Eksperimentalnye osnovy psichologii ustanovki* [Experimental basis of psychology of attitude]. *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological researches], Moscow, 1966.
11. Uryson E.V. *Problemy opisanija yazykovoj kartiny mira* [Problems of folk model of the world description], Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2004.
12. Uryson E.V. *Opyt opisanija semantiki sojuzov* [An essay of conjunction meaning description]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004.
13. Shcherba L.V. *O trojakom aspekte jazykovykh javlenij i ob eksperimente v jazykoznanii* [On three aspects of linguistic phenomena and on experiment in linguistics]. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatelnost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 1931.
14. Kitis E. Connectives and frame theory. The case of hypotextual antinomial ‘and’. *Pragmatics & Cognition*. Vol. 8 (2). 2000.

Информация об авторе

Урысон Елена Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия, uryson@gmail.com

Information about author

Elena V. Uryson, Doctor of Philology, chief researcher, Russian Language Institute named by V.V. Vinogradov Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, uryson@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.04.2025.

The article was submitted 03.04.2025.

Научная статья
УДК 81-25
DOI: 10.14529/ling250208

МАРКЕРЫ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: ДИСКУССИОННЫЙ СТАТУС ЕДИНИЦ

Е.Я. Шклярук, spbu@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей грамматикализации и прагматикализации единиц, ставших в результате *прагматическими маркерами-ксенопоказателями* (ПМК). ПМК – это особые единицы устной речи, вводящие в дискурс чужую (в широком смысле) речь. Наряду со «словарными» частицами *мол*, *де*, *дескать* материалы устных корпусов позволяют выявить и другие единицы. Словарь ПМК включает более 20 таких единиц, однако статус некоторых ПМК носит дискуссионный характер. Так, единицы *грут* и *такой* сохраняют свои грамматические характеристики, что не свойственно прагматическим маркерам. Встречаются и случаи двойной интерпретации единиц *ах*, *вот*, *типа* и др., когда исследуемые единицы выполняют функции ксенопоказателя, однако включены в цитируемую речь. Представляется, что в качестве формальных признаков, позволяющих уточнить специфику описываемых единиц и утвердить их прагматикализованный статус, могут выступить их просодические характеристики.

Ключевые слова: ксенопоказатели, устная речь, прагматические маркеры, прагматикализация, грамматикализация, просодические характеристики

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ (шифр проекта 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Шклярук Е.Я. Маркеры-ксенопоказатели в русской устной речи: дискуссионный статус единиц // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 70–77. DOI: 10.14529/ling250208

Original article
DOI: 10.14529/ling250208

XENO-MARKERS IN THE RUSSIAN ORAL SPEECH: DEBATED STATUS OF THE UNITS

E.Ya. Shklyaruk, spbu@spbu.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the features of grammaticalization and pragmaticalization of units, which as a result became pragmatic xenomarkers (XM). PMX are special units of oral speech that introduce someone else's (in the broad sense) speech into the discourse. XMs are special units of oral speech that introduce someone else's (in the broad sense) speech into discourse. Along with "dictionary" particles, they say, materials from oral corpora make it possible to identify other units that have not yet been described by dictionaries and grammars. The XM vocabulary includes more than 20 such units. Despite the status of a pragmatic marker, which does not imply grammatical inflection, some XM have retained their grammatical characteristics (*такой/макая/макие* and *грут/зрю*). There are also cases of double interpretation of the units *ах*, *вот*, *типа* etc., when the units function as xenomarkers, but are included in the quoted speech. It seems that their prosodic characteristics can act as formal features that make it possible to clarify the specifics of the described units and confirm their pragmatalized status.

Keywords: xenomarkers, oral speech, pragmatic markers, pragmaticalization, grammaticalization, prosodic characteristics

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of St. Petersburg State University (project code 124032900006-1 "Modeling of communicative behavior of the Russian metropolis in social-speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods").

For citation: Shklyaruk E.Ya. Xeno-markers in the Russian oral speech: debated status of the units. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(2):70–77. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250208

Необходимость изучения особенностей устного дискурса уже давно не вызывает дискуссии в лингвистике. Ещё Л.В. Щерба писал, что «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого произносимого языка» [15, с. 14]. Изучением особенностей устного дискурса на разных языковых уровнях занимается наука *коллоквиалистика* и наряду со спецификой синтаксиса и лексики рассматривает целые классы единиц, которые встречаются исключительно в устной речи.

Слова ксенопоказатели представляют собой очень интересную группу языковых единиц. Сам термин *ксенопоказатель* был предложен Н.Д. Арутюновой для маркирования в речи присутствия Другого [1, с. 437]. Такое широкое понимание позволяет ЧР трактовать довольно широко и включать в нее и свою собственную речь, сказанную ранее или только еще планируемую, и собственные или чужие мысли, а также интерпретацию поведения и даже молчания другого человека [8, с. 284]. С помощью таких маркеров в повествование может вводиться даже чужое «говорящее» молчание или «говорящее» поведение [16, с. 81].

Традиционно к группе ксенопоказателей относят частицы, передающие чужую речь, – *мол*, *дескать*, *де*, *ср.*:

1) да *вот сидит одна / и(:) ну у неё есть* (э) ближайшие-то родственники я говорят их не вижу // *П ну конечно (э) у всех свои дела / никого не видит / и *вот иногда только мол Андрюшку% позову там / *П сделать то-сё это вот так* (ОРД)¹;

2) *сидят (...) передо мной три человека / и говорят / что мол / скажите пожалуйста / *В а как можно получить () этот самой / з(:)ачёт по курсу //* (ОРД);

3) *Невестка его / словоохотливая и приветливая женщина / явно гордится своим деверем. Она так и заявила: «Он-де может быть у нас даже главным вожаком». Он-де / это правильно я прочитала? То есть / очевидно / руководителем экспедиции* (УП);

4) *Ну/ не знаю / может / у меня со слухом нелады / но тут явно прозвучало / что есть необходимость доказывать / Стругацкие-де выше всех. Все мы их читали / все вышли из «Шинели» Гоголя / тем не менее ситуация изменилась / и надо об этом как-то попроще / без патетики.* (УП);

5) *И люди и боятся и работу бросить/ дескать/ брошу работу/ а куда я устроюсь/ а вдруг всё наладится/ кто меня назад возьмёт* (УП);

6) *Знаете / например / что такое турбореализм? Не знаете / я так и думал. Некоторые склонны упрощать / дескать / это просто романы об альтернативной истории человечества. Всё гораздо сложнее.* (УП).

В речи эти единицы появляются в результате процесса *грамматикализации*. Этимологически они восходят к глагольным формам: «де – аорист от делать (деять), в значении ‘говорить’, дескать (дискать) – стяжение от де сказать ‘осуществил речь’, а мол (мл) – прошедшее время от молвить» [1, с. 437], см. об этом также [3, 7], и становятся показателями эвиденциальности, т. е. выражают эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации» [9].

Корпусные методы исследования устной речи позволяют расширить список единиц, указывающих на ввод в дискурс чужой речи. Так, источниками материала для настоящего исследования послужили несколько корпусов русской устной речи: Устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП), мультимедийный подкорпус (МУРКО) и корпус повседневной русской речи «Один речевой день».

Корпус «Один речевой день» (ОРД) содержит записи речи самых разных носителей языка в различных коммуникативных ситуациях. Его объём составляет 130 информантов, более 1 000 их коммуникантов, более 1 250 часов звучания, 1 млн словоупотреблений в расшифровках [подробнее о нем см.: 4, 5, 11].

Так, удалось выделить «словник» ксенопоказателей, включающий не менее 20 единиц: *так*, *такой*, *типа*, *вроде* и др.:

7) *По вооружению / когда наши начали поставки в Индию / заключать договора / Америке это не понравилось / она начала на Россию наезжать / что вроде того зачем вы это делаете* (УП);

8) *я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут ? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне* (ОРД);

9) *и тут з... звонок в дверь / и Вольдемар% заходит / типа того что кто такая ?* (ОРД);

10) *и(:) Наталья_Георгиевна% мне (э) всё говорила / знаешь / их тогда никто не обойдёт на(:) этапе поставки* (ОРД);

11) *Вот он там выступал с вступительным словом / в котором / я помню / он так там / что вот «Федор Тетерников / когда был учитель / учительшка / ходил в замызганном сюртуке...»* (УП).

Анализ функционирования этих единиц не позволяет рассматривать их в качестве частиц, их грамматический статус становится предметом дискуссии. Представляется, что эти единицы можно отнести к новому классу специфических для устного дискурса единиц – *прагматических маркеров* (ПМ). Их появление является результатом взаимодействия двух языковых процессов – *прагматикализации* и *грамматикализации*. В широком понимании этого термина грамматикализация представляет собой процесс формирования грамматических показателей, который затрагивает как морфемы, так и целые конструкции [18, с. 11]. Та-

¹ Об особенностях орфографического представления материалов ОРД см.: [11, с. 242–243].

ким образом, в ходе этого процесса языковое явление становится грамматическим или более грамматичным [18, с. 27]. Таким образом, под *грамматикализацией* понимается «изменение, происходящее с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающее выполнение грамматических функций» [17, с. 18]. Так, в рамках настоящего исследования грамматикализация понимается как изменение частеречного статуса единицы: переход слова из одной части речи в другую. Грамматикализация предшествует и становится неразрывной частью процесса *прагматикализации*. В ходе этих процессов лексические единицы не только утрачивают свои грамматические и лексические признаки – они утрачивают исходный семантический компонент, стабилизируются в некоторой устойчивой грамматической форме, и самое главное – переходят на коммуникативно-прагматический уровень, приобретая новые функции [16].

Функциональная классификация ПМ включает 10 разрядов. Одним из самых распространённых разрядов являются *маркеры-ксенопоказатели*, чья функция – ввод в повествование чужой речи. Новые единицы, которые не могут быть рассмотрены в рамках привычной частеречной классификации, как раз и относятся к группе прагматических маркеров, ср.:

12) *Вы пришли в булочную и Вас там у кассы обляли / потому что видите ли у Вас крупная бумага / а у них сдачи нет* (УП);

13) *я говорю/ знаешь/ многим пригождался. Дальше мы с ним разговаривали/ и я сказала/ понимаешь/ ведь Арбенина/ совсем неглупая девушка/ что видно по ей текстам/ по той интонации/ которую она выбрала* (УП).

Так, в примерах (12) и (13) употребляются маркеры глагольного происхождения (*видите ли, знаешь, понимаешь*). Их употребление в определённых устойчивых грамматических формах и ослабление лексического значения подтверждают, что эти единицы являются прагматическими маркерами. В примере (12) говорящий использует прагматикализованные единицы совместно с лексическими средствами, указывающими на цитирование (*говорю, сказала*). Важно отметить, что в качестве «первоисточника» для этих маркеров выступают уже не только глаголы говорения.

Новые единицы могут иметь не только глагольное происхождение. Прагматикализации могут подвергаться и вводные слова, местоименные единицы и союзы, ср.:

14) *ну или надо посмотреть где арен... в аренду парики сдают / ну там же не будет так сказать ой нам надо всего на десять минут дайте нам его / за сто рублей и они скажут идите в ж-ж*пу может быть* (ОРД);

15) *Вот он приходит/ и это самое/ «доченька/ а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки/ сразу полторы/ [смеются] выходи на работу»// И всё* (УП);

16) *Наташа% мне звонит / типа зайди / там*

(*) какая-то проблема с рептикой(?) / думаю / что там за проблема...* (ОРД);

17) *и такой / ну ладно / всё / вставайте типа / у папы день рождения / он такой спит ещё //* (ОРД).

Ещё одной важной чертой прагматикализованных единиц является их *полифункциональность*. Маркеры-ксенопоказатели помимо передачи ЧР часто указывают на отношение говорящего к цитируемому тексту или на характеристику чужого говорящего поведения (*так, такой*), ср.:

18) *он так ласково разговаривает / такой / *В ну вы успокойтесь / у вас всё будет нормально // всё получится // всё хорошо* (ОРД);

19) *мамаша такая о! там типа Вольдемар% ! это вы там !* (ОРД);

20) *здесь стоит прынц* и она так // прынц* ой *С ру-ру-ру-ру* (ОРД).

21) *По вооружению / когда наши начали поставки в Индию / заключать договора / Америке это не понравилось / она начала на Россию наезжать / что вроде того зачем вы это делаете* (УП);

22) *и тут з... звонок в дверь / и Вольдемар% заходит / типа того что кто такая ?* (ОРД).

Сема неопределённости, присущая маркерам *типа* и *вроде*, которая указывает на неуверенность говорящего в правильности передачи ЧР, сближает эти единицы с прагматическим маркерами-аппроксиматорами [10, с. 112–122, 396–404].

Даже по нескольким примерам уже видно, что маркеры-ксенопоказатели могут быть описаны самым разнообразным образом, а вопрос об их грамматическом статусе остаётся предметом дискуссии. Так, существуют маркеры, которые сохраняют некоторые грамматические атавизмы. Маркер *говорит* сохраняет изменяемость по лицу и числу, а *такой* – по роду и числу, ср.:

23) *она говорит да ладно *Н и вот знаешь говорю / у меня уже собеседование говорю / знаешь как *Н критически так смотрю* (ОРД);

24) *я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут ? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне* (ОРД).

Единица *говорит* заслуживает особого внимания. В устной речи этот ПМК встречается, как правило, в редуцированных формах *грю*, *грим*, *гришь*, *грите* и под., что подтвердилось в ходе специального слухового и инструментального анализа [12, 13]. Этот «глагольный» маркер говорит является одним из самых распространенных современных ксенопоказателей. Происхождение от форм глагола говорения и широта распространения сближает его с единиц *мол*, *дескатъ* и *де* и позволяет относить *грит* к классу «получастиц» [6, с. 145].

Представляется, что как раз просодические характеристики могут послужить формальным признаком, позволяющим утвердить статус единиц в качестве ПМК. Инструментальный анализ в программе Praat показал, что для прагматикализованных единиц характерны такие просодические признаки, как понижение частоты основного тона и длительность произнесения, ср.:

25) *там / говорит (говорит) / вот две машины стояли / между ними расстояние () ну полтора метра* (ОРД);

26) *грит / усложняем задачу // не в куст шиповника въехать / а между этими двумя машинами* (ОРД).

Иntonограммы к примерами (25) и (26) (рис. 1 и 2) показывают, что при употреблении единицы *грит* интонация говорящего стремится к понижению, эта единица «выпадает» из общего интонационного контура фразы. Связано это может быть с такими чертами ПМ, как потеря или ослабление лексического значения и употребление этих единиц на уровне речевых автоматизмов. Слуховой анализ также подтверждает частотное употребление *грит* в редуцированной форме.

Такие же просодические особенности замечены и у маркера *такой* (рис. 3, 4), ср.:

27) *тын-дын-тын-тын-тын / но въехала // он такой / ну(:) молодца ! ну поехали отсюда* // (ОРД);

28) *ну он такой / *В я сказал / сцепление подругому !* (ОРД).

Таким образом, просодические характеристики pragматических маркеров могут быть использованы для подтверждения их статуса в качестве ПМК.

Ещё одним дискуссионным вопросом при анализе функционирования ПМК являются случаи двойной интерпретации. К ним относятся контексты, в которых анализируемые единицы могут в равной степени являться как чисто функциональными еди-

ницами, так и частью передаваемой чужой речи.

Такая неоднозначность характерна для маркера междометного происхождения *ах*, ср.:

29) *A что такое Красная Книга? Мы на самом деле можем приложить усилия по сохранению какого-нибудь вида/ или это наше высокомерие всё-таки говорит в нас/ что/ ах мы можем и уничтожить/ а можем и оставить для потомков.* (МУРКО);

30) *Париж/ а потому что вот когда у нас всё время плохо было / всё время думали / заграница нам поможет. Думали / ах / Боже мой / вот в Париже!* (УП);

31) *также думал / ах как же я в армию-то пойду / да я даже такой ребёнок хороший такой милый ...* (ОРД);

32) *Ну/ не случилось бы это/ ну/ что/ что вы думаете/ я ходил бы и плакал/ ах/ какое горе/ не увидел такого человека?* (МУРКО);

33) *когда первый раз видишь белый гриб / всё трясется внутри вот что-то кажется ах вот ах какое-то благоговение* (САТ).

В примере (29) *ах* может быть интерпретировано как междометие, включенное в ЧР, которая вводится с помощью глагола *говорит* и союзного средства *что*. В примерах (30)–(32) мы также видим глаголы, которые указывают на цитирование – глагол *думать* и *плакать*. Однако позиция *ах* перед передаваемой ЧР позволяет предположить, что эта единица выполняет функцию ксенопоказателя. Возможно, таким образом говорящий пытается упростить пере-

Рис. 1. Интонограмма к примеру 25

Рис. 2. Интонограмма к примеру 26

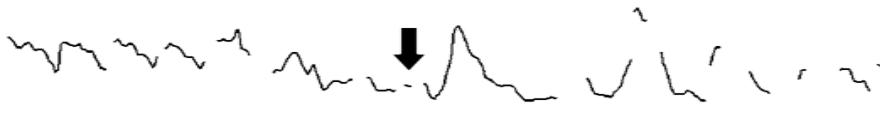

Рис. 3. Интонограмма к примеру 27

Рис. 4. Интонограмма к примеру 28

ход к передаче ЧР, приблизить его к модели употребления прямой речи вместо конструирования более сложной фразы с элементами косвенного цитирования. Интересно, что в примере (30) в качестве ЧР выступает внутренняя речь говорящего, т. е. некоторая реконструкция цитаты. В примере же (33) *ах* употребляется совместно с единицей *вот*, которая может функционировать как и в качестве ксенопоказателя, так в качестве стартового маркера внутри ЧР, прерываемой повтором единицы *ах*.

Важно отметить, что употребление маркера *ах* всегда связано с эмоциональной передачей ЧР. Этую особенности ксенопоказателя *ах* отмечает И.Б. Левонтина [7, с. 138] и выделяет способы интонирования, свойственные употреблению *ах* в качестве ксенопоказателя. Так, *ах* может выступать в качестве проклитики или же произноситься отдельно от общего контура фразы. Инструментальный анализ примера (34) иллюстрирует проклитическое употребление *ах*, ср.:

Ты думаешь/ когда я приеду. А я приехала и дальше пойду/ но ты уже будешь без меня. «Ах ты не умеешь без меня? Научись!». Она умеет без меня/ вот я с ней и буду больше. (МУРКО)

В примере (34) мы видим явное возмущение говорящего, и единица *ах* является единственным лексическом средством, указывающим на ввод ЧР. Интересно отметить, что на интонограмме междометие практически не обозначено. Любопытно составить этот пример с другим случаем употребления единицы, когда его междометная задача передать эмоцию говорящего выходит на первый план по сравнению с функцией ксенопоказателя, ср.:

34) *И следующий этап – это Преображенский/ который вообще может/ «Aх так/ я вообще-то тебе дал только биологическую жизнь/ социальную – это тебе Швондер дал/ но раз так получилось/ возвращайтесь обратно/ в психов.* (МУРКО)

В примере (35) *ах* явно включено говорящим в тест цитаты – на это указывает и употребление с усилительной частицей *так*. Однако сам текст

является не прямой цитатой из текста М.А. Булгакова, а реконструкцией внутренней речи одного из героев – профессора Преображенского. Интонационно *ах так* отделено от последующей фразы повышением тона и понижением тона на слове после междометия (рис. 5, 6).

Представляется, что именно междометная природа усложняет «положение» *ах* и его утверждение в роли ксенопоказателя.

Такая же неоднозначность при интерпретации характерна и для других единиц, ср.:

35) *придут на вторые 45 минут... скажут тиша блин службу опять нас сняли второй раз поставили старых* (ОРД);

36) *ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П тиша того что блин / *П *Х *П давайте общаться* (ОРД).

В примерах (36) и (37) невозможно сделать однозначный вывод о том, принадлежит ли *блин* говорящему или же относится к ЧР. Интересно, что маркер *тиша* в примере (36) также оказывается в неоднозначном положении, так как глагол *скажут* уже указывает на дальнейшее цитирование. Однако необходимо отметить, что ксенопоказатель *тиша* довольно легко может перемещаться внутри высказывания и даже смещаться к речевому глаголу [7, с. 153]. В примере (37) наличие у *тиша* расширителя *того что* и присутствие пауз перед этим ПМК и перед чужой речью позволяют сделать вывод о том, что *блин* всё же принадлежит говорящему и не является частью цитируемой речи.

Интересно обратить внимание на контексты, в которых присутствуют целые цепочки ксенопоказателей, ср.:

37) *Вот / пишет мне тиша ну вот так и так/ тиша перевод / я говорю / «Ну деньги сначала / да / там все дела»* (УП);

38) *она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь ? я говорю ты знаешь говорю / просто я сама сама говорю изменилась* (ОРД).

Рис. 5. Интонограмма к примеру 34

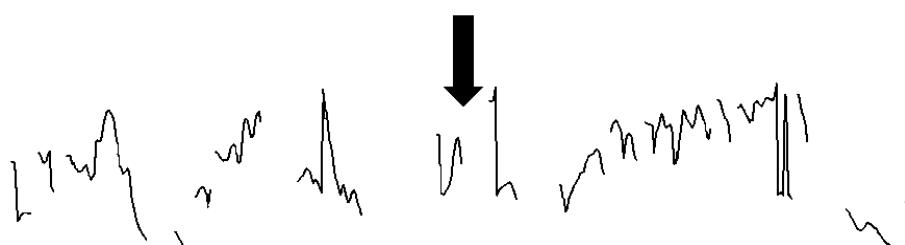

Рис. 6. Интонограмма к примеру 35

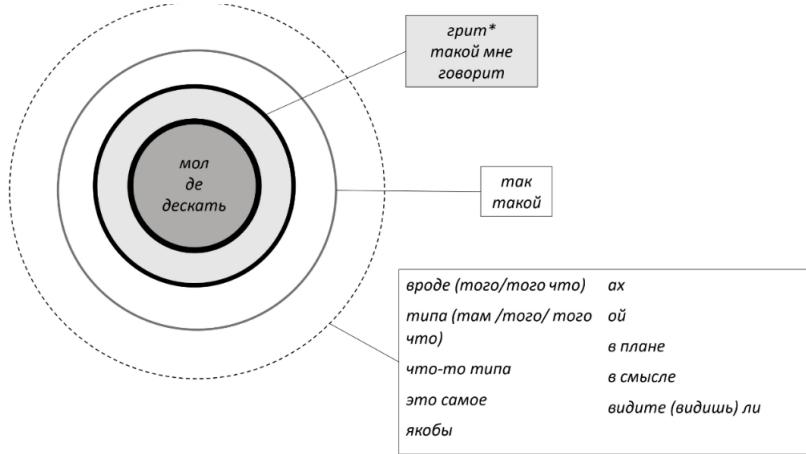

Рис. 7. Распределение функциональной «устойчивости» ПМК

В примере (38) единица *tak* и *takoy* выступает не только в качестве ксенопоказателя, но и в качестве маркера-заместителя [10, с. 363]. Как и маркер *vot*, она употребляется в начальной позиции по отношению к цитируемой чужой речи. Способность встраиваться в ЧР остаётся только у маркеров *tipa* и *говорю*.

Приведенные примеры и рассмотренные дискуссионные вопросы указывают на то, что маркеры-ксенопоказатели переживают процессы грамматикализации и pragmatikaлизации на наших глазах. В результате анализа употребления существующих единиц с функцией ксенопоказателя и некоторых особенностей их «рождения» удалось представить развитие этих процессов в виде системы концентрических кругов (рис. 7).

«Ядро» группы ПМК составляют частицы *мол*, *де*, *дескать*. Ближе к ядру находятся ПМК, также восходящие к глаголам говорения, а именно *грю*, *грит*, *грим* и под. и составного ПМК *такой* (*мне*) *говорит*. Эти единицы сохраняют не только семантическую связь с глаголом *говорить*, но и вводят ЧР по модели конструкций с прямой речью, ср. (передаваемая ЧР во всех контекстах подчеркнута):

39) заехали / и он **такой** мне **говорит** // вот видишь тот () куст шиповника / тебе нужно туда задом заехать (ОРД).

40) Короче Маринка% сегодня его перевязывала / **говорит** / Марин% / покажите хирургу / **говорит** / похоже что у него / говорит / либо вена задета / либо *П мышца (ОРД);

ПМК *tak* и *takoy* уже также передают «цитируемую речь» по модели конструкций с прямой речью. Однако эти единицы уже не имеют связи с глаголами речи, так как прототипическими час-

тями речи для них являются местоименное наречие и местоимение.:

41) ну он **такой** / *В я сказал / сцепление по-другому! (ОРД);

42) здесь стоит прынц и она **так** // прынц* ой <C> ру-ру-ру-ру <ХО> иши (ОРД);

Большинство рассмотренных в настоящей статье маркеров относится к «периферии» класса ПМК, как и большинство единиц словарника. Для них реализация функции ксенопоказателя не является последовательной, а случаи употребления некоторых ПМК носят единичный характер, ср.:

43) Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы, это самое, зарежет меня живой человек (ОП НКРЯ);

44) И небезопасно не в плане «у-у, меня, может быть, оштрафуют», а в плане... «ну, я в прошлом видео рассказывал о том, что происходит» (из подкаста).

Ксенопоказатели в примерах (44) и (45) пока встречаются как раз в единичном употреблении. Так, маркер *это самое* в функции ксенопоказателя нашелся только в основном подкорпусе (ОП) НКРЯ, в имитации разговорной речи в устах персонажа литературного произведения (см. [14, с. 387–390]), а контекст употребления единицы *в плане* в функции маркера-ксенопоказателя был найден на просторах Интернета [2, с. 52–58].

Таким образом, единицы, названные в настоящей статье маркерами-ксенопоказателями, несомненно, переживают воздействие активных языковых процессов – грамматикализации, десемантизации и pragmatikaлизации. Именно это воздействие становится причиной появления дискуссионных вопросов при описании и анализе этих единиц.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке: сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
2. Баженова А.Г. Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования // Социо- и психолингвистические исследования. 2022, № 10. С. 52–58.

3. Богданова Н.В., Пальшина Д.А. Редуцированные формы русской речи: о разных моделях языковой эволюции // Человек говорящий: исследования XXI века. К 80-летию со дня рождения Лии Васильевны Бондарко. Монография / отв. ред. Л.А. Вербицкая, Н.К. Иванова. Иваново: Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2012. С. 51–59.
4. Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
5. Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (AP3-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
6. Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
7. Левонтина И. Б. Частицы речи: моногр. М.: ИЦ «Азбуковник», 2022. 431 с.
8. Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.
9. Михайлова О.А. Жизнь чужого слова в живой речи горожан // Русская разговорная речь как явление городской культуры / отв. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 153–167..
10. ПМ, 2021 – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
11. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
12. Стойка Д.А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 207 с.
13. Стойка Д.А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н.В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т.Ю. Шерстинова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 112 с.
14. Сунь Сяоли. Это самое как маркер-ксенопоказатель в современной русской устной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50). Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. вып. Е.В. Федяева. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 387–390.
15. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11–12.
16. Bogdanova-Beglarian, N.V., Ryko, A.I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. Сб. статей / под ред. С.Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.
17. Hopper, P.J., Traugott, E.C. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
18. Lehmann, C. Thoughts on Grammaticalization. Revised and Expanded Version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. P. 2-30.

References

1. Arutyunova N.D. Pokazateli chuzhoy rechi de, deskat', mol [Indicators of Foreign Speech de, deskat, mol]. *Yazyk o yazyke: sb. stately*. Ed. By N.D. Arutyunova [Language about Language: Collection of Articles / Under the General Direction and Editorship of N.D. Arutyunova]. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000, pp. 437–452. (In Russ.)
2. Bazhenova A.G. [Paths of development of speech connectors: fan scaling technique]. *Sotsio- i psicholinguisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies]. 2022, no. 10, pp. 52–58. (In Russ.)
3. Bogdanova N.V., Pal'shina D.A. [Reduced Forms of Russian Speech: on Different Models of Language Evolution]. *Chelovek govoryashchiy: issledovaniya XXI veka. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Lii Vasil'yevny Bondarko. Monografiya* Ed. L.A.Verbitskaya, N.K.Ivanova [The Speaking Man: Research of the 21st Century. On the 80th Anniversary of the birth of Liya Vasilievna Bondarko. Monograph. Ed. L.A. Verbickaya, N.K. Ivanova]. Ivanovo: Ivanovo State Chemical-Technological University, 2012, pp. 51–59. (In Russ.)
4. Bogdanova-Beglaryan N.V., Asinovsky A.S., Blinova O.V., Markasova E.V., Ryko A.I., Sherstinova T.Yu. [Sound corpus of the Russian language: a new methodology for analyzing oral speech]. *Yazyk i metod: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyah XXI veka. Vyp. 2* [Language and method: Russian language in linguistic research of the 21st century. Issue 2]. Ed. D. Shumska, K. Ozga. Kraków: Wydawnictwo University of Jagiellońskiego, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)

5. Bogdanova-Beglaryan N.V., Sherstinova T.Yu., Blinova O.V., Martynenko G.Ya. [The “One Speech Day” Corpus in the Study of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara* [Analysis of Colloquial Russian Speech (AP3-2017): Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar]. Ed. D.A. Kocharov, P.A. Skrelin. St. Petersburg: Politekhnika-print, 2017, pp. 14–20. (In Russ.)
6. Bogdanova-Beglaryan N.V. Predisloviye redaktora [Editor's Preface]. *Pragmatische markery russkoy povsednevnnoy rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic Markers of Everyday Russian Speech: Dictionary-Monograph]. Ed. and author of the preface N.V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: Nestor-History, 2021, pp. 5–52. (In Russ.)
7. Levontina I.B. *Chastitsy rechi: Monografiya* [Particles of speech: Monograph]. Moscow: IC “Azbukovnik”, 2022. 431 p. (In Russ.)
8. Levontina I.B. *[Retelling in the Russian Language]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: Po materialam yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog”*. Vyp. 9 (16). [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference "Dialogue". Issue 9 (16)]. Moscow: RSUH, 2010, pp. 284–289. (In Russ.)
9. Mikhailova O.A. [The Life of Someone Else’s Word in the Living Speech of City Dwellers]. *Russkaya razgovornaya rech' kak yavleniye gorodskoy kul'tury*. Ed. T.V. Matveyeva [Russian Colloquial Speech as a Phenomenon of Urban Culture / Ed. T.V. Matveeva]. Ekaterinburg: ARGO, 1996, pp. 153–167. (In Russ.)
10. PM 2021 – *Pragmatische markery russkoy povsednevnnoy rechi: slovar'-monografiya* Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-Monograph. Comp., editor and author of the preface N.V. Bogdanova-Beglarian]. St. Petersburg: Nestor-History, 2021. 520 p. (In Russ.)
11. *Russkiy jazyk povsednevnoego obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh grup-pakh. Kollektivnaya monografiya*. Ed. N.V. Bogdanovoy-Beglarian [Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups. Collective Monograph. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian]. St. Petersburg: LAIKA, 2016. 244 p. (In Russ.)
12. Stoyka D.A. *Redutsirovannyye formy russkoy rechi: lingvisticheskiy i ekstralalingvisticheskiy aspekty. Dis. ... kand. filol. nauk* [Reduced forms of Russian speech: linguistic and extralinguistic aspects. PhD Thesis]. St. Petersburg, 2017. 207 p.
13. Stoyka D.A. *Slovar' redutsirovannyykh form russkoy rechi* [Dictionary of reduced forms of Russian speech]. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical University, 2019. 112 p. (In Russ.)
14. Sun Xiaoli. [This is the most as a marker-xenoindicator in modern Russian oral communication]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka. Vyp. 3 (50). Kognitsiya, kul'tura, kommunikatsiya v sovremennykh gumanitarnykh naukakh. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Cognitive studies of language. Cognitive studies of language. Issue 3 (50). Cognition, culture, communication in modern humanities. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation]. Ed. E.V. Fedyayeva. Novosibirsk: Publishing house of NSTU, 2022, pp. 387–390. (In Russ.)
15. Shcherba L.V. [On the service and independent significance of grammar as an academic subject]. *Izbrannye rabioty po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1957, pp. 11–12. (In Russ.)
16. Bogdanova-Beglarian N.V., Ryko A.I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL). *Sinergiya jazykov i kul'tur 2021: mezhdisciplinarnyye issledovaniya. Sb. Statey*. Ed. S.Yu. Rubtsovoy [Synergy of Languages and Cultures 2021: Interdisciplinary Research. Collection of articles. Ed. by S.Yu. Rubtsova]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2022, pp. 80–89.
17. Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
18. Lehmann C. *Thoughts on Grammaticalization*. Revised and Expanded Version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. P. 2–30.

Сведения об авторе

Шклярук Екатерина Ярославовна, аспирант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; spbu@spbu.ru

Information about author

Ekaterina Ya. Shklyaruk, postgraduate student of the Russian language department, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia; spbu@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2025.

The article was submitted 10.02.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляются печатный вариант статьи и ее электронная версия (документ Microsoft Word), экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность, контактная информация (адрес, телефон, e-mail)).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (от 100 до 250 слов), список ключевых слов (данная информация предоставляется на русском и английском языке), текст статьи. Список литературы в алфавитном порядке предоставляется после текста статьи на русском и английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ». Серия «Лингвистика»: Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, кафедра общей лингвистики, ответственному секретарю Жеребятьевой Екатерине Сергеевне. E-mail: vestnik-lingv@mail.ru

5. Полную версию правил подготовки рукописей и примеры оформления можно загрузить с сайта журнала vestnik.susu.ru/linguistics.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика» основана в 2004 году.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Главный редактор – О.А. Турбина.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57363 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНИТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29016 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Том 22, № 2
2025

16+

Редактор С.И. Уварова
Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 30.05.2025. Дата выхода в свет 05.06.2025. Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,30. Тираж 500 экз. Заказ 116/143. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.